

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ПРАВА И ПОЛИТИКИ
КАФЕДРА ПОЛИТОЛОГИИ

Дунамалян Норайр Арменович

**СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС В КОНТЕКСТЕ
ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА
MODERNITY**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата политических наук
по специальности 23.00.01 «Теория политической науки»

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Мирумян Р. А.

Ереван-2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Сущностные характеристики политического проекта Modernity: политическая философия Модерна как «набросок» нового типа общества	13
1.1 Становление политического проекта Modernity в контексте перехода от традиционного общества к современному.....	13
1.2 Историческое измерение политического проекта Modernity.....	31
1.3 Современность как политический проект.....	42
ГЛАВА 2. Современный институциональный кризис как следствие реализации политического проекта Modernity	55
2.1 Специфика Модерна как модели политической системы общества	56
2.2 Особенности институционального кризиса в современную эпоху: институциональный кризис как кризис Модерна	70
2.3 Необходимость формирования новой политической парадигмы и перспективы региональных интеграционных проектов	83
ГЛАВА 3. Основные векторы развития политического проекта Modernity: проблема «множественности модернов» и риски модернизации.....	100
3.1 Проблема «множественности» модернов как следствие кризиса политического проекта Modernity	101
3.2 Процесс модернизации как способ распространения глобальных рисков	109
3.3 Армения и политический проект Модерна.....	119
Заключение.....	130
Список литературы.....	140

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Политические события последней четверти столетия показывают степень трансформации и динамики изменения современного государства и общества. Во всепланетарном масштабе происходят постоянные социально-политические изменения, придающие новые смыслы социальным и политическим отношениям на глобальном и локальном уровне. Такое состояние принято называть термином «современность». В данной работе современность осмысливается как политический проект нового государства и общества, сформированный в течение Нового времени как ответ на кризис Позднего средневековья.

Институциональный кризис XIV-XVII вв. в Западной Европе разрушил феодальные основы западноевропейского средневекового общества, но в то же время стал основой для формирования нового взгляда на мир. Этот взгляд был ориентирован на формирование нового мышления, освобождающего человеческий разум от определенных догм и доктрин, подвергая критике все стороны жизни государства и общества. Противопоставляя «старое» и «новое», проект Модерна ставил задачу перманентного обновления общественных отношений, став основой для молодого «европоцентризма», а затем и концепции «вестернизации». В данном контексте традиция противопоставлялась новому взгляду, основанному на формальной рационализации, ценностной универсализации и единых стандартах.

Постепенное приобщение всего человечества к проекту Модерна отделила его от истоков, сформировав общие тенденции развития современного общества, совмещающих постоянные кризисы развития капиталистической системы и вырождение традиционных ценностей в различных «домодерновых» обществах. Именно поэтому современность можно рассматривать как «повторяющийся кризис», в структуре которого сменяются фазы критики и кризиса. Немецкий историк Р. Козеллек совершает глубокий анализ генезиса современности. Критика и кризис существенные, доминантные и характерные элементы современности. Генезис современности имеет «болезнетворный» характер, так опыт потери устойчивого развития в динамически развивающейся современности становится первейшим опытом. Именно поэтому кризис представляется немецкому историку как

«эластичная парадигма современности»¹. Козеллек показывает внутренние механизмы становления современного кризисного самосознания, нового мышления, которое направляет мысль на постоянную критику социальных и политических отношений, осваивая новые участки проблемных полей современности.

Проект Модерна вписывается в этот контекст как идейная предпосылка современности. Пространство развития идейного содержания современного социального и политического пространства. Политический проект Модерна формулирует основные тенденции развития современного мира, определяя пути и варианты существования современного общества. Исходя из этого, можно говорить об ограниченности модернистского проекта как «политической» парадигмы, но вместе с этим помнить о нейтральности основных тенденций Модерна. Сформулированный в рамках новоевропейской мысли проект Модерна постепенно вышел за рамки своего географического основания, отделившись от своих истоков и нейтрализовав свои основные целевые установки, направленные на унификацию мира.

Характеристика Современности требует уточнения содержания терминов «модернизм», «модерн», «модернизация». Понятие «модернизм» можно обозначить как дистанцирование от классического наследия, противопоставление «нового» «старому», вплоть до отказа от прошлого и радикального антитрадиционализма, но в этом контексте акцент ставится на оппозиции «старое-новое», транслируемое в противопоставлениях «традиционное-современное», «развивающиеся страны – развитые страны», «авторитаризм-демократия» и т.д.. Следовательно, понятие «модернизм» определяет общие рамки Современности как феномена. В свою очередь, проект Модерна, став предметом длительной полемики в академических кругах и в некотором смысле совпадая с границами феномена «современность», может быть рассмотрен как способ теоретической и идеологической интерпретации общества в условиях капиталистической миросистемы. Но данный способ интерпретации подчинен глубинным целевым установкам Модерна: рационализация, универсализация, единые стандарты, тотальность и т.д.. Таким образом, проект Модерна предстает в виде основного пространства социальных, политических,

---

¹ Koselleck. K. Krise // Brunner, Conze and Koselleck (eds.). Geschichtliche Grundbegriffe. T. 3. 1982. P. 631

экономических и культурных изменений в контексте тенденций, сформированных в условиях институционального кризиса Нового времени.

Термин «модернизация» изначально использовался в качестве синонима к понятию «прогресс», но со второй половины XX века начался поиск теоретического обоснования включения традиционных обществ в Современность. Постколониальный период способствовал появлению модернизационных концепций и их применению на практике, но в то же время инновации в экономической сфере столкнулись с различным уровнем развития традиционных обществ. Процесс модернизации стал способом освоения Современности, но вместе с этим социальные и политические изменения вели к пересмотру многих положений модернизационной концепции. Таким образом, процесс модернизации включает в себя не только теоретическое обоснование применения опыта развитых государств в различных регионах мира, но и рефлексию над недостатками и рисками модернизационной политики. Этим объясняется обращение со стороны теоретиков модернизации к социокультурным особенностям различных обществ, конкретным примерам применения модернизационных моделей и возможным негативным эффектам модернизации.

Исходя из этого, важно определить контуры и тенденции Современности как политической проблемы, так как многие особенности глобального институционального кризиса заложены в самой сути современного взгляда на общественные отношения и на мир в целом. Рост критики процессов глобализации и модернизации, политической системы, государства, места человека в принятии политических решений на современном этапе – все это демонстрирует различные стороны институционального кризиса Современности и проблему замкнутости кризисного самосознания за неимением возможности выйти за рамки проекта Модерна.

Мир переживает новый этап развития, обусловленный кризисом глобализации и возвращением к ценностям проекта Модерна, который не был преодолен в рамках постмодернистской парадигмы, лишенной позитивного потенциала для создания альтернативы модернистской «политической» парадигме. Эрозия «старых» политических институтов в процессе глобализации и усиление конфронтационного поля в мировой политике свидетельствуют о возвращении к основным тенденциям проекта Модерна, нейтральных в цивилизационном и культурном отношении.

Подобная ситуация актуализирует проблему соотношения современного глобального институционального кризиса и основных векторов развития политического проекта Модерна, так как модернистские социальные и политические практики не исчерпали себя полностью и в новых условиях они могут трансформироваться в более жизнеспособную форму отношений, основанных на более жесткой реакции на кризис: «новый деспотизм», тоталитаризм, силовые решения международных и внутривнутриполитических конфликтов, рост принуждения гражданского населения со стороны репрессивных органов государства и т.д..

Степень научной разработанности темы. Исследование Модерна в большей степени было характерно для Запада, что объясняется ключевой ролью данного региона для всего мира и необходимостью разработки новых подходов к проецированию западного опыта в других странах. Важно было также провести анализ последствий применения западного опыта на инородной почве на фоне углубляющегося социально-политического кризиса внутри современных западных обществ. Такие известные западные учёные, как Ю. Хабермас, С. Тулмин, С. Хантингтон, Э. Гидденс, З. Бауман, Дж. Скотт, Ш. Эйзенштадт и другие², основываясь на работах более ранних исследователей современности (Х. Ортега-и-Гассет, М. Фуко, Ж. Бодрийяр), первыми стали всесторонне рассматривать проблемы политического модернизма, анализируя влияние модернистской парадигмы на облик современного общества. Данный анализ включал в себя не только осмысление социальной и политической системы современных обществ, но и феномены «массовой культуры», современного искусства, психологического типа современного человека и других актуальных вопросов. Подобный комплексный взгляд на проект Модерна ставил также и вопрос постепенного исчерпания модернистских социальных практик. Главным выводом, к которому пришли почти все западные критики проекта Модерна, была необходимость создания новой парадигмы развития общества и государства. Но ошибочность западного взгляда на кризис проекта Модерна заключалась в идеологической ангажированности концепций модернизации и, как

---

² Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966; Many Globalizations. Cultural Diversity in the Contemporary World. Ed. By Peter L. Berger and Samuel P. Huntington. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002; Understanding Contemporary Society: Theories of the Present. Ed. by Gary Browning, Abigail Halcli and Frank Webster. London: Sage Publications, 2000; Global Capitalism. Ed. by Will Hutton and Antony Giddens. New York: The New York Press, 2000; Inglehart R., Welzel Chr. Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

следствие, в отрыве теоретического осмысления современных процессов от социальной и политической практики, где все более углублялось влияние основных модернистских тенденций на современное общество, усиливающих динамику социально-политических изменений.

Данной проблеме не было уделено должного внимания в СССР, поскольку существование эпохи Модерна противоречило господствующему в советской исследовательской практике историческому материализму, а также альтернативному взгляду на Современность в форме построения коммунистического будущего. Для исследователей постсоветского периода проект Модерна оставался некоторой абстракцией из области политической философии, к которой обращали постольку, поскольку этот вопрос касался теории модернизации и практических аспектов переходного периода в независимых республиках.

Примечательны работы российских исследователей В. Г. Капустина и В. С. Мартьянова по исследованию проблемы проекта Модерна в современных условиях и его проекции на трансформацию современной России. В. Г. Капустин одним из первых российских исследователей поставил проблему проекта современности в качестве предмета политической теории. В свою очередь, В. С. Мартьянов в своих работах широко осветил проблему политического проекта Модерна в контексте развития современной России и мира, обозначив возможные контуры развития человечества в будущем³. В то же время на протяжении 20 лет после распада СССР в российских академических кругах уделялось внимание, прежде всего, проблеме модернизации (демократизации) России в современных условиях и поиску собственного пути развития в контексте западной модели политического и экономического развития⁴. При этом истоки влияния политической философии

---

³ Мартьянов В. С. Модерн продолжается? // «Полис. Политические исследования». № 3. 2012. С. 108-122; Мартьянов В.С. Политический Модерн за пределами Европы: ценностное единство и институциональное разнообразие// «Полития» №3, 2010. С. 54-65

⁴ Визгин В.П. Кризис проекта модерна и новый антропотеокоsmический союз // Философия науки и техники. 2002. №1. С. 176-200; Головашина О. В. Модернизация как Европейский проект: линейная модель времени и трансформация социально-экономической системы// Fractal Simulation. 2012. №2 (4). С. 26-44; Головашина О. В. Проект Модерн в России и специфика российского Просвещения// Социально-экономические явления и процессы. 2013. №9 (055). С. 171-178; Кутырев В.А. Культура и технология: борьба миров. «Прогресс-Традиция». М., 2001. 238 с.; Лапкин В.В. Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений. Изд. ИМЭМО РАН М., 2012. С. 173-190; Степанова Е. А. Теории секуляризации в «Проекте модерна»: возможности и границы // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2009. №9. С. 54-73; Фёдорова М.М. Метаморфоза «свободного индивида»: Заметки о формировании проблемного поля политической философии в XIX веке. // «Полис». № 5. 1994. С. 76-88; Фёдорова М.М. Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX века. Изд. ИФРАН. М., 1997. 204 с.

модернизма на российскую действительность в прошлом оставались за рамками многих исследований.

Исследования политического проекта Модерна со стороны армянской общественной мысли все еще остается актуальным, так как большая часть исследований посвящена обзору западных теорий модернизации и их имплементации в Армении на протяжении 26 лет. Армянские авторы касаются проблемы политического проекта Модерна в контексте методологии истории политических учений⁵, проблем политической модернизации и развития⁶, национальной безопасности⁷, социальных и политических трансформаций в Республике Армения⁸. Акцент на рассмотрении модернизационных процессов в контексте становления демократических институтов в республике оставляет без внимания проблему «освоения» Современности армянским обществом и анализ различных этапов распространения ценностей проекта Модерна на территории Армении до периода независимости. Но, несмотря на это, исследование различных аспектов политического проекта Модерна дает возможность дальнейшего расширения проблемного поля. За рамками многих исследований оставалась проблема комплексного рассмотрения Современности как глобального политического миропроекта, нейтрального к культурным или идеологическим особенностям современных политических процессов. В данной работе предпринимается попытка рассмотрения проекта Модерна в качестве определенного метауровня Современности, «наброска» современного политического пространства.

Целью данной работы является определение влияния политического проекта Модерна на современный институциональный кризис. Важно понять внутренние механизмы развития современных политических институтов в рамках модернистской

---

⁵ Мирумян Р.А. У истоков политического модернизма: к вопросу о формировании политического проекта Modernity (методологические аспекты).// Сборник научных статей РАУ. № 1, Ер., 2007. С. 65 - 78

⁶ Մարգարյան Մ. Մ. Քաղաքական արդիականացման և զարգացման հիմնահարցեր. «Պետական ծառայություն», Երևան, 2004. 261 էջ.

⁷ Քոթանջյան Հ. Հակամարտության էթնոքաղաքագիտություն: Հայաստանի ռազմական քաղաքականության և ազգային անվտանգության հիմունքները, Եր., ՀՀ ՊՆ Դ. Կանայանի անվան ԱՌՀԻ, 2010, 764 էջ.

⁸ Погосян Г.А. Современное армянское общество:особенности трансформации. Изд. «Academia». М., 2005. 324 с.; Маркаров А. А. Институциональная трансформация в Армении в 1990-2010 гг.(Բնաստիտուցիոնալ փոխակերպումը Հայաստանում 1990-2010թթ.), «Բանբեր Երևանի համալսարանի», «Միջազգային հարաբերություններ, Քաղաքագիտություն», Երևան, 2011, С. 35-47

«схемы», а также сопряженные с ними процессы, с целью раскрытия причин и последствий их трансформации.

Данная цель определяет круг вопросов, которые составляют **главные задачи исследования:**

1. Характеристика особенностей становления политического проекта Модерна и его влияния на современные социальные и политические процессы (в том числе и на армянское общество);
2. Определение сущностных элементов политического проекта Modernity;
3. Рассмотрение исторического и темпорального измерения политического проекта Модерна;
4. Выявление основных причин трансформации политических институтов в современных условиях;
5. Определение последствий кризиса глобализации на современном этапе и необходимости построения новой политической парадигмы развития современного общества;
6. Обоснование необходимости создания новых научных подходов в социально-гуманитарных дисциплинах и, в частности, в политической науке, позволяющих переосмыслить современные социальные и политические отношения в контексте глобального институционального кризиса;
7. Представление возможных вариантов выхода из глобального институционального кризиса в рамках построения устойчивых трансрегиональных проектов;
8. Определение причин и последствий «рискогенности» модернизационных процессов;
9. Обозначение специфических черт процесса включения армянского общества в проект Модерна.

Объект и предмет исследования. Объектом диссертационного исследования являются основные тенденции развития политического проекта Модерна. В качестве предмета данной работы представлен современный институциональный кризис в контексте основных векторов развития политического проекта Modernity, обуславливающий необходимость формирования новых форм социальных и политических отношений.

Методологическую основу исследования составляет использование некоторых методов мир-системного анализа, основанного на работах Ф. Броделя и И. Валлерстайна⁹, в исследовании общих тенденций развития политического проекта Модерна в качестве миропроекта или общемировой «схемы» развития. Тема диссертационного исследования обуславливает использование системного подхода к многообразию проявлений объекта на современном этапе и применение междисциплинарного подхода, объединяющего методы философских, социологических, исторических, культурологических и других дисциплин. В то же время системный подход позволяет рассмотреть современные политические институты в контексте глобальных социально-политических изменений.

Важную часть методологии исследования представляет проблема темпорализма как системы представлений и теорий времени, изменяющихся вместе со сменой историко-культурных периодов, парадигм и моделей общественного развития. Так, исследование проекта Модерна привносит новый анализ темпоральности, основанный на проектировании будущих социальных изменений и обращенный к проблематике социального конструктивизма.

Анализ причин современного глобального социально-политического кризиса позволяет обратиться к институциональному подходу, включающему в себя историческое развитие политических институтов и перспективы переосмысления их роли в будущем. Структурно-функциональный анализ дает возможность соотнести современный кризис глобализационных процессов и перспективы трансрегиональных интеграционных проектов как пространства для формирования нового взгляда на социальные и политические отношения.

Специфика темы диссертации служит причиной применения ряда общенаучных методов (анализ, синтез, обобщение, экстраполяция), учитывающих специфику объекта и предмета анализа.

Научная новизна исследования определяется следующим:

1. В работе становление политического проекта Модерна рассматривается как продолжающийся процесс, выраженный в современном институциональном кризисе

---

⁹ См. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. Время мира. «Прогресс». М., 1992. 623 с.; Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI в. «Русский фонд содействия образованию и науке». М., 2015. 552 с.

и отсутствии альтернативного взгляда на политические отношения. Именно поэтому «цикличность» современных процессов проявляется в глобальном и локальном измерениях политики, неспособной свести процесс к универсализации мирового пространства с помощью единой политической программы.

2. Историческое измерение политического проекта Модерна определяется как совмещение линейного и статичного политического развития, так как при наличии постоянного кризисного потенциала Модерн, будучи основной политической парадигмой Современности, включает в себя образ возможного будущего и, одновременно, ограниченный инструментарий для его конструирования, что, в конечном счете, влияет на возобновление кризисных ситуаций «внутри» Современности как политического проекта.

3. По-новому рассматривается проблема безопасности современного общества, роста авторитарных режимов по всему миру в соотношении с кризисом проекта Модерна как глобального институционального кризиса, вызванного неадекватной реакцией современной институциональной системы на глобальные вызовы.

4. В контексте анализа кризисного состояния внутренней и международной политики государств процесс модернизации представляется как способ приобщения различных стран и обществ к проекту Модерна, а не в качестве инструмента адаптации национальной политики и экономики к глобальным изменениям. Различные государства и общества в этом случае предстают в качестве объекта влияния основных тенденций проекта Модерна и исходящего от этого воздействия глобальных рисков.

5. Проводится анализ развития армянского общества в контексте поэтапного приобщения к проекту Модерна в рамках «советского модернизма» и периода независимости.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость диссертации может быть рассмотрена в нескольких срезax: во-первых, эта работа значима в плане выявления новых исследовательских аспектов в исследовании политического проекта Модерна; во-вторых, исследование представляется значимым в формулировке новых подходов к изучению социальных и политических институтов в современных условиях; в-третьих, данная диссертация выступает в качестве основы для анализа современного армянского общества и государства в контексте основных

векторов развития политического проекта Modernity. В диссертации также предлагается разработка некоторых теоретических наработок, способствующих более активному включению Республики Армения в глобальную систему многоуровневого управления.

Тематика исследования может стать основой для включения в учебный план кафедр политологии и социальной философии в Республике Армения дисциплины «Социально-политические проекты XIX-XXI вв.» с целью выработки у студентов навыков совмещения исторических и политологических методов исследования. Материалы диссертации могут быть использованы при написании научных трудов по исследуемой проблематике.

Структура диссертации и ее основное содержание. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Общий объем диссертации – 146 страниц.

ГЛАВА 1. СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА MODERNITY: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ МОДЕРНА КАК «НАБРОСОК» НОВОГО ТИПА ОБЩЕСТВА

Политический проект Modernity был ответом на кризис Позднего средневековья и Нового времени, смысл которого заключался в поиске определенных границ политических отношений, освобожденных от домината духовной власти над светской и основанного на идеалах индивидуального и общественного развития. Разрушение старых обычаев и жизни западноевропейского общества создало предпосылки для формирования нового «проекта реальности».

Институциональный кризис способствовал переосмыслению роли человека в государстве и обществе и его способности к преобразованию окружающей среды, поэтому ломка «старого мира» столкнулась с необходимостью построения нового порядка, где государство и общество становятся результатом действий различных групп людей, а не данностью свыше. В этих условиях критика старых институтов и обоснование той или иной формы правления выражают новый дискурс человеческого существования, который направлен на секуляризацию жизни и на постоянное обновление общественных и политических отношений, которые принято называть «современными».

1.1 СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА MODERNITY В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА ОТ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К СОВРЕМЕННОМУ

Период с конца XIV – по конец XVII веков можно назвать эпохой больших перемен как в социально-экономической сфере, так и в духовно-моральной жизни всего западноевропейского общества. Несмотря на то, что социальные изменения были географически ограничены границами Западной Европы, результат этих изменений обусловил образ современного мира.

Формирование раннебуржуазных и капиталистических отношений в западноевропейском обществе Позднего средневековья привело к кризису феодализма, что, как следствие, заставило многих европейских мыслителей пересмотреть сложившееся веками устройство западного общества. С другой

стороны, двигателем политических изменений была светская власть западноевропейских сословно-династических государств, которые пытались ограничить политические притязания римского престола и провести централизацию власти в новоформирующихся национально-политических образованиях.

В эпоху Возрождения трансформации наблюдались в политико-социальной, экономической, научной, религиозной, культурной и других сферах. «По существу, мировоззрение Modernity представляет собой сформировавшееся ещё на заре буржуазной цивилизации, а именно: в эпоху Ренессанса, многомерное (вбирающее в себя философское, политическое, эстетическое измерения) теоретическое отображение самосознания последней»¹⁰. Нужно отметить, что эти измерения выступали общим блоком, так как многие сферы жизнедеятельности средневекового человека (от научных достижений до развития ремёсел), вне зависимости от его принадлежности к определённому сословию, были частью одного целого, представляющего собой культурное пространство бытия средневекового западноевропейского общества. Мировоззрение средневекового общества обуславливало то, что социальное, культурное, политическое и религиозное измерения не могли быть переосмыслены в отрыве друг от друга. Так, главными идеологами начавшегося в начале XIV века секуляризационного движения были философы и мыслители открыто или скрыто противостоящие римско-католической церкви, которая являлась носителем доктрины, регламентирующей все вышеперечисленные сферы и действовавшей на протяжении нескольких веков. С другой стороны, социально-экономические и политические изменения были связаны с деятельностью представителей социальных слоёв торговцев, горожан и зажиточных крестьян, заполнивших ряды формирующейся буржуазии. Новые социальные слои пытались достигнуть экономической свободы и добиться участия в принятии политических решений, чему способствовал союз между раннебуржуазным слоем обществом и дворянского сословия в государствах Западной Европы.

Изменения в социально-политической и религиозной сферах обусловили освобождение от средневековой схоластики, от «...всяческих запретов на свободный

---

¹⁰ Мирумян. Р.А. У истоков политического модернизма: к вопросу о формировании политического проекта Modernity (методологические аспекты). // Сборник научных статей РАУ. Ер., 2007. № 1. С. 67.

и самостоятельный поиск истины»¹¹. На протяжении всего средневековья в западноевропейской науке господствовало схоластическое учение, основанное на синтезе христианского богословия и логики Аристотеля. Схоластическая наука базировалась на главном принципе, который заключался в том, что истина уже открыта в Священном Писании и в трудах богословских авторитетов, и цель учёных ограничивалась изучением и комментированием этой истины. В таких условиях науке было трудно развиваться, так как свободная, самостоятельная мысль беспощадно подавлялась со стороны католической церкви. С другой стороны схоластическая философия обладала методологическим инструментарием, эффективным в определённых границах, но имеющим потенциал к внутреннему развитию. Не случайно, что большинство западных мыслителей Средневековья и Нового времени, будучи представителями схоластики, продолжали развивать научное знание, но в определённых рамках. Если мыслители Позднего Средневековья и эпохи Возрождения начали постепенно освобождаться от схоластического влияния, то философы Нового времени окончательно порвали со средневековой научной традицией, обратив своё внимание на создание новых научных ориентиров, основанных на естественнонаучных дисциплинах. Эпоха Возрождения стала импульсом для секуляризации философского мышления, что стало первой ступенью перехода к развитию науки, в том числе и политической мысли.

Самой важной сферой средневекового общества, в которой также наметились изменения, стала культура и искусство западноевропейских народов. На начальном этапе культура средневековой Европы представляла собой в большей степени однородным явлением, производным и полностью подчинённым церковным догматам и установкам. Европа существовала как единый «католический мир», части которого отличались диалектами и территориальной принадлежностью, но не культурой или национальными различиями. Необходимость в политической независимости заставила европейских правителей перейти к построению национального государства и укреплению этнических особенностей той или иной территории. Поэтому мыслители Ренессанса и Нового времени наряду с универсальными идеями единства и общей цели человеческого рода, отмечали также

---

¹¹ История политических и правовых учений: Средние века и Возрождение.// под ред. Нерсесянца В.С. «Наука». М., 1986. С.256.

и многообразие в человеческой природе, проявляющейся в языке и национальной принадлежности. Появилось огромное число трудов, посвящённых истории различных народов, их языку и генеалогии. В то же время развитие искусств в эпоху Возрождения и философии Нового времени позволило заполнить тот вакуум, который был вызван однообразием христианской средневековой догматики, создав новое культурное пространство для творчества и жизни человека. Новый взгляд на соотношение духовной и светской власти в эпоху Возрождения был обусловлен постепенным разложением феодального строя в Западной Европе и зарождением капиталистических отношений.

Для получения полной картины XIV-XVII вв. нужно рассмотреть социальную и политическую сферы западноевропейского средневекового общества. Система феодальных вотчин и вассальных отношений начала переживать кризис с возникновением торговой и раннебуржуазной элиты, которая постоянно накапливала в своих руках основной капитал, завоёвывая для себя сначала религиозные, затем экономические, а впоследствии и (после Английской буржуазной и Великой Французской революций) политические свободы. Но методы борьбы буржуазии со «старым порядком» преобразовались с её приходом к власти, так как создание новых буржуазных социальных и политических институтов имело систематический и прагматический характер. Всё это влияло в большей степени на положение внутри государств, что обуславливалось интересами «новой знати» и дворянства, так как одним из главных условий эффективного функционирования капиталистической системы было установление внутригосударственной стабильности, не допускающей серьёзных социально-политических потрясений, и постоянной внешнеполитической экспансии с целью завоевания новых рынков сбыта и торговли. Этим требованиям в большей степени соответствовал идеал сильной централизованной светской власти, основанной на единой национально-культурной общности, как самом сильном факторе консолидации общества. Но положение в Западной Европе XIV-XVII веков представляло собой «...становление самостоятельных национальных государств в борьбе с другими организациями, претендовавшими на политическую власть»¹². Ярче всего эту ситуацию можно представить на примере Италии конца XIII – начала XV

---

¹² История политических и правовых учений: Средние века и Возрождение.// под ред. Нерсесянца В.С. «Наука». М., 1986. С. 335

веков, где национальный и культурный прогресс столкнулся с политической конъюнктурой, которая на несколько столетий отложила объединение итальянских земель. Можно выделить несколько основных причин раздробленности Италии, а также косвенно и всей Средневековой Европы:

1. Борьба папы римского и императора «Священной Римской империи», продолжавшаяся около трёхсот лет и разделившая всю Италию на два лагеря: гвельфов (сторонников папы) и гибеллинов (сторонников императора), а также противостояние римского престола с отдельными правителями Европы, которые не признавали примат духовной власти над светской.

2. Постоянные войны, которые велись в большинстве случаев по причине тщеславия правителей или с целью грабежа, что мешало развитию и укреплению отношений между областями одного государства, не говоря о связи с соседними странами.

3. Полицентризм итальянских городов (как и других европейских городов, состоящих в вассальной связи с императором или королём) и их экономическая независимость, которые не способствовали централизации и объединению вокруг Рима или другого европейского центра.

По этим причинам именно в Италии раньше чем в других регионах Западной Европы появился ряд идей и течений, связанных с необходимостью централизации государственной власти и установления примата светской власти над духовной. Этому способствовала также и развитая торговая инфраструктура между городами-государствами, а также наличие большого количества образовательных и религиозных центров. Но главные политические силы, находившиеся в борьбе и выбравшие Италию в качестве основной сферы своих интересов, смогли прямо и косвенно подавить всякое выступление, которое было бы направлено на объединение Италии или на пересмотр старого порядка на её территории.

Новое политико-философское течение, в основе которого лежало влияние идей еретического движения в Восточной и Западной Европе в IX-XIII вв. (павликиане, богомилы, вальденсы, катары, альбигойцы), а также распространившееся в то время в Западной Европе учение арабского философа Аверроэса (Ибн-Рушд) о «двойственной

истине»¹³, начали разрушать фундамент политической власти католической церкви. Несмотря на то, что католическая церковь всячески боролась с «мятежными» учениями, их идеи довольно глубоко проникли в сознание политических мыслителей Позднего средневековья. Многие философы того времени, такие как Данте Алигьери и Марсилий Падуанский, подвергли сомнению право папы римского на господство во всём католическом мире, указывая на основные функции духовенства в деле просвещения и направления мирян к лучшей «небесной» жизни. Ответы на свои вопросы они искали не только в Священном Писании и других канонических текстах, но и в античных источниках. «Демонстративное обращение к эпохе античности являлось у них (мыслителей Возрождения) прежде всего выражением неприятия, отрицания господствовавших и санкционированных католицизмом политико-юридических порядков и доктрин феодального общества»¹⁴. Античное наследие содержало в себе традицию гражданской и демократической формы общественных отношений, что противоречило иерархическому строю католической церкви и средневекового западноевропейского общества вообще. В XVI-XVII вв. к вышеперечисленным причинам социально-политического кризиса прибавилась и религиозная борьба между католиками и протестантами, которая основывалась в большей степени на борьбе принципов централизации и децентрализации европейских стран, чем на признании тех или иных религиозных догматов. «Склоняясь на сторону то католиков, то протестантов, власть вызывала бурную негативную реакцию в обществе. Единственным выходом из такого сложного положения была возможность стать выше партий, выше религиозной вражды, стать на позиции веротерпимости. Почвой для примирения могло явиться суверенное государство, защищающее права автономной личности и решительно утверждающее принципы мирного сосуществования различных социально-политических сил внутри страны»¹⁵.

---

¹³ Учение о философском и религиозном знании как двух аспектах истины или же двух самостоятельных истинах, возникшее в Средние века. Учение получило развитие в трудах аверроистов, представителей Шартрской школы, а также в учениях Фомы Аквинского, Уильяма Оккама и других.

¹⁴ История политических и правовых учений: Средние века и Возрождение.// под ред. Нерсесянца В.С. «Наука». М., 1986. С.259

¹⁵ Жоль К.К. Тернистый путь рационализма. URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/zhol-racionalizm/zhan-boden.htm>

Сакральность эпохи Средневековья пронизывала все сферы деятельности человека, который был обязан посвятить всю свою жизнь искуплению первородного греха и отказаться от земных страстей и желаний. Личность была включена в некий «...космический порядок, независимый от субъекта, и определение «наилучшего политического порядка» осуществлялось по отношению к естественному порядку без учета человеческих потребностей»¹⁶. Данте Алигьери, представитель поздней схоластики и в то же время один из первых деятелей эпохи Ренессанса, попытался некоторым образом объединить две тенденции: с одной стороны, он поставил перед собой задачу построения совершенного государства – «всемирной монархии»¹⁷, последней стадии становления высшей политической организации общества; с другой стороны он разграничил земное и небесное бытие человека, допустив идею позитивности и высокой ценности земной жизни, всячески отвергаемой схоластической мыслью. Таким образом, Данте попытался совместить католическую доктрину «всемирной теократии» с антропоцентристским видением мира, что было продиктовано современной ему идеологически-духовной атмосферой эпохи. Мыслители Возрождения, а потом и Нового времени, начали рассматривать человека вне его сословной принадлежности, как свободного индивида, ценность которого определялась его личными качествами, а не богатством или знатностью рода. Деятели Возрождения, поставив в центр мироздания человека, обратили своё внимание и на социальное и политическое устройство западноевропейского общества, что привело к идеологической и политической конфронтации с папским престолом. Идея создания единого католического мира была пересмотрена с позиций естественного порядка, который принимал универсальность общечеловеческих ценностей, но сопротивлялся католической догматике и диктату. Поэтому тенденция нахождения формулы «совершенного государства» отождествлялась с «идеалистическими» конструкциями «католической теократии» и трансформировалась в поиск совершенных форм среди существующих в то время политических институтов. При этом изучение отдельных государств эпохи Возрождения и Нового времени не ограничивалось исследованием только их структур, внимание обращалось и на внутрисистемные отношения,

---

¹⁶ Фёдорова М.М. Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX века. Изд. ИФРАН. М., 1997. С. 16

¹⁷ См. Данте А. Монархия.// Малые произведения./ под редакцией Голенищев-Кутузова И.Н. «Наука». М., 1968.

функции определённых структур и психологически-нравственные особенности субъектов данных отношений. Никколо Макиавелли стал первым использовать такой метод в вопросе изучения политики, более приземлив идеи и взгляды Данте и оградив их от влияния христианской морали и остатков схоластической философии. Но всё-таки Макиавелли, оставаясь под влиянием философской мысли Возрождения, превозносил роль человека в истории и политике.

Идейные предпосылки первых буржуазных революций и широких антикатолических религиозных движений XVI в. выражали собой основные требования формирующегося слоя ранней буржуазии и предвосхищали главные устои капиталистической системы, такие как защита частной собственности, право каждого на предпринимательскую деятельность, стремление к освоению нового пространства в сфере науки и т. д. Развитие книгопечатания, усиление торговых связей и политическая унификация Западной Европы позволила многим учёным и философам, испытывая взаимное влияние, создать предпосылки для формирования модернистских идей. Открытия в физике, математике и астрономии, как и попытки создания нового научного метода, повлияли на изменение взглядов на общество и политические процессы, усилив секуляризацию политической сферы и аргументирование рационализированной системы общественного устройства. Важнейшим фактором такого изменения общественного сознания стала наука, и, прежде всего, экспериментально-математическое естествознание, которое как раз в XVII веке переживало период своего становления: не случайно XVII век считается началом научной революции. Разделение труда в производстве вызвало потребность в рационализации производственных процессов, а тем самым – в развитии науки, которая смогла стимулировать дальнейший процесс рационализации общественного пространства.

Можно предположить, что идеологическая борьба Данте Алигьери, Н. Макиавелли, Ж. Бодена, Ф. Бэкона, Т. Гоббса как предтеч и представителей раннего модернизма была направлена главным образом против идеологического домината католической церкви над светской властью, но при этом система взглядов модернистов не зависела от приверженности к той или иной форме правления, так как политическая философия модернизма разрабатывала механизм использования политической власти для конструирования новой реальности во всех сферах

жизнедеятельности человека и общества. Объявив о формировании нового научного знания и попытавшись порвать с наследием прошлого, Ф. Бэкон фактически создал предпосылки для переустройства социальной и политической системы, описав идеальное социальное и политическое устройство в виде технократического государства в своей работе «Новая Атлантида»¹⁸. В идеях вышеперечисленных авторов простматривается не столько стремление к отказу от некоторых «старых» мировоззренческих концепций, сколько поиск формулы нового общественного развития на основе выделения индивида из своей «старой» общественной среды. Обоснование «исключения» индивида из контекста социальной и политической трансформации создало предпосылки для помещения индивида вне (или же над) изменений и переосмысления общественных отношений как «конструируемой реальности», хотя эта идея будет развита уже в XX в. социальными конструкционистами.

Идеологическую основу политическая философия модернизма нашла в политической мысли английского философа Джон Локк, который обратившись к идеям Жана Бодена и Томаса Гоббса, дал свою интерпретацию данных идей (названных впоследствии либеральными). В своей работе «Два трактата о правлении» Локк подверг критике идеологов «абсолютной» монархии, в том числе и Т. Гоббса, противопоставив их идеям концепцию парламентской монархии, что было продиктовано реалиями английской политики конца XVII в.. Но, несмотря на это, он позаимствовал идею общественного договора того же Гоббса, адаптировав ее для своей политической философии.. Идея «*tabula rasa*» (чистой доски) имела отношение не только к изучению человеческого сознания и формирования мысли, но при абсолютизации данного понятия создавала предпосылки для переосмысления всего общества, государства и других сфер жизнедеятельности человека, где отрицалась всякая роль внешнего влияния на данные конструкты за исключением человеческого вмешательства.

В центре философии Локка стоит личность человека как «венца Творения» и «хозяина природы», поэтому все остальные политические мысли философа исходят из этой точки зрения. Основываясь на теории естественного состояния, Локк отвергал

---

¹⁸ См. Бэкон Ф. Новая Атлантида // Бэкон Ф. Соч.: В 2-х т. «Мысль». М. 1978. Т. 2.

негативное понимание данной абстракции и предлагал более позитивное понимание состояния человека вне государства, состояние полной свободы и равенства при распоряжении своим имуществом и своей жизнью. Государство же возникло только на этапе роста разногласий между людьми по поводу той или иной собственности, взяв на себя функцию регулятора и защитника человеческих интересов. Таким образом, Локк рассматривал институт государства также с позиций личности человека, наделив его искусственной сущностью. Именно из данной идеи исходит понимание свободы человека, общества, законов, собственности, форм правления, политических институтов и т.д..

Для понимания роли идей Локка в становлении политической философии модернизма можно выделить три основных идеи: идеи свободы человека, идеи собственности и понимания государства как политического института. Идея свободы человека напрямую связана с идеей естественного состояния и общественного договора, так как данное понятие существует в рамках договора и регулируется теми условиями, которые были достигнуты заключением последнего. «Свобода человека в обществе заключается в том, что он не подчиняется никакой другой законодательной власти, кроме той, которая установлена по согласию в государстве, и не находится в подчинении чьей-либо воли и не ограничен каким-либо законом, за исключением тех, которые будут установлены этим законодательным органом в соответствии с оказанным ему доверием»¹⁹. Данная мысль показывает нам связь между пониманием свободы человека и политической системой общества, где человек уже ставится во главе связки «человек-общество-государство». Поэтому уже в государственном состоянии свобода человека ещё более укрепляется, основываясь на институциональной форме защиты прав и свобод. Джон Локк ограничил роль государства в жизни человека, что было более усилено в идеологическом плане его последователями, но одновременно он показал позитивную роль государства как основного регулятора общественных и политических отношений до определённого предела, обозначенного законами государства и правами граждан.

Отметим, что вышеотмеченные идеи имеют, главным образом, цель легитимировать понятия «собственность» и «интерес», что является продолжением

---

¹⁹ Локк Дж. Два трактата о правлении. 1689. // Сочинения в трех томах: Т. 3. «Мысль». М., 1988. С. 274

реформационного движения в политической и экономической сфере. Джон Локк создал предпосылки для приращения экономической и политической сфер, установив соподчинённость некоторых человеческих свобод и прав, которые упирались во владение собственностью и договорное создание государственных институтов.

Либеральная политическая мысль подготовила консенсусную основу для ранней политической философии модернизма и проекта Модерна в целом, обозначив границы существования Современности как определенной схемы развития общества. Либеральный консенсус создал предпосылки для проецирования западноевропейского модернистского опыта на другие общества, обосновав мировую значимость «западного модерна» для будущего и предопределив его кризис в конце XIX века.

В связи с оформлением идей Модерна в XVII веке нужно внести ясность в проблему соотношения либерализма как политической идеологии и модернизма как политического проекта, так как считается, что Модерн является порождением либерализма, как его основного орудия трансформации политического, социального и культурного пространства. Но, с другой стороны, предтечи Модерна в большинстве своём были сторонниками абсолютной монархии и сильного централизованного государства в отличие от либеральных мыслителей. В то же время чисто хронологически формирование модернизма на несколько десятков лет опережает либерализм, но нужно заметить, что либерализм (Дж. Локк), являясь некоторой интерпретацией идей Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Г. Гроция, С. Пуфендорфа и других, заимствовал из данных концепций основную идею естественного состояния и государства как совокупности определённых элементов, но убрал политически невыгодные на момент событий Славной Революции в Англии (1688 г.) идеи абсолютной монархии, суверена, государства «Левиафана», хотя будущее развитие идеологических течений покажет, что политический модернизм постепенно использовал свой скрытый потенциал в различных обществах (наибольшим образом крайние формы модернизма проявились в тоталитарных режимах XX в, которые использовали схожие механизмы реализации властных полномочий) независимо от господствующей идеологии. Важно отметить, что либерализм нацелен на соединение политической и экономической сфер общества, через которые опосредованно влияет на другие области жизни общества, модернизм же представлял собой проект с

общими элементами почти во всех сферах жизнедеятельности человека (наука, политика, экономика, искусство, архитектура и другое). Таким образом, проект Модерна, соприкасаясь с созданием «реальности», вбирает в себя почти все стороны общества, в то время как только его политическая и экономическая «версии» смешиваются с политическими идеологиями (в частности, с либерализмом и до определенного периода мировой истории).

Во второй половине XVIII века идеи Дж. Локка получили дальнейшее развитие в воззрениях представителей французского Просвещения. Либеральная идеология стала популярной среди французских просветителей в период серьезного социально-политического кризиса в предреволюционной Франции. Главной целью политико-философских учений данной эпохи была борьба с феодальным строем и с его системой сословных привилегий. Просветители ставили вопрос о практическом устройстве будущего общества с точки зрения рационализма и «здравого смысла». Они исходили из теории естественного права, которая утверждала, что все люди созданы равными и от рождения наделены Творцом естественными и неотъемлемыми правами: правом на жизнь, свободу и собственность. На основе этих идей была разработана вышеупомянутая теория общественного договора, согласно которой государство представляло собой не божественное установление, а институт, возникший в результате договора, заключенного между людьми. Эта теория давала народу право лишать власти государя и правительство, не выполняющих условия договора, не защищающих естественные права граждан.

Философия Ж-Ж. Руссо являлась «абсолютным» пониманием идей гуманизма, где человек ставился в центре всех отношений, а государство противопоставлялось ему. Ж-Ж. Руссо считал что «хотя люди могут быть неравны по силе или способностям, они становятся все равными в результате соглашения и по праву»²⁰. Отрицая социальные устои монархии, французский философ сделал «перенос» естественного состояния из далёкого прошлого в будущую перспективу развития человечества. Он обратил внимание на этическую сторону общественного договора как единственной формы справедливого сосуществования людей, поэтому его рассуждения обращались и к религиозным основам общества, которые должны были

---

²⁰ Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права. «Канон-пресс». М., 1998. С. 65

претерпеть трансформацию так же, как и социальные и политические институты. «Догматы гражданской религии должны быть просты, немногочисленны, выражены точно, без разъяснений и комментариев»²¹. Таким образом, Руссо шёл по пути радикального пересмотра всех политических и социальных институтов XVIII в., повлияв на взгляды отцов-основателей США и радикальный республиканизм якобинцев, которые старались претворить в жизнь эти идеи на практике.

Независимость североамериканских колоний и революция 1789 г. во Франции стали первыми попытками применения идей раннего модернизма на практике, так как многие революционные идеи были продолжением мыслей ранних модернистов, в частности, Ж.-Ж. Руссо. Французская революция «разрушила старое европейское общество – монолитное, строго иерархизированное, и на его месте создала множество индивидов – атомов, автономных и независимых, породила идентификацию и новую легитимность. Но вместе с тем рождённая революцией свобода открыла дорогу доселе неведомой человечеству жестокой тирании»²². Именно в данный период проявились разногласия в вопросе отношения к категориям свободы, справедливости, гражданственности, общей воли. «Здесь происходит примечательная подмена терминов: сформулированная раннелиберальной мыслью идея о равенстве в правах заменяется на требование равенства в положении, которое, кроме того, отождествляется со справедливостью»²³. Позиция якобинского правительства революционной Франции, в основном, отвечала требованиям изменения политических и социальных институтов согласно идеям модернизма, но в то же время глубинные социальные и политические устои не позволили якобинцам претворить свои идеи в жизнь по причине преждевременности кардинальной ломки феодальных институтов, а также привели к массовому государственному террору. Именно поэтому после революционных потрясений и своеобразного контрреволюционного выступления Наполеона Бонапарта, выиграла раннелиберальная позиция модернизма, выступавшая за эволюционный путь внедрения модернистских идей в политические и социальные структуры европейского общества. В данном случае столкнулись две

---

²¹ Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права. «Канон-пресс». М., 1998. С. 214

²² Фёдорова М.М. Метаморфоза «свободного индивида»: Заметки о формировании проблемного поля политической философии в XIX веке. // «Полис». № 5. 1994. С. 116

²³ Фёдорова М.М. Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX века. Изд. ИФРАН. М., 1997. С. 65

принципиальные позиции, сформировавшиеся вокруг политического и идеологического воздействия модернистского проекта на изменение в общественных отношениях с помощью принудительной трансформации политики или скрытой формы влияния через определенные каналы давления идейного и концептуального характера. По этой причине якобинский радикальный республиканизм не смог перейти к реформированию политической системы Франции без насильственных методов, так как социально-политические изменения не были в состоянии обеспечить переход.

Провал политики революционного правительства Франции и рост революционного движения в XIX в., которое стало главным противником буржуазной формы политической системы и придало почти всем модернистским идеям свою интерпретацию, хотя корни данных идей не отличалась от либеральной парадигмы. Французские мыслители Б. Констан, Ф. Гизо и А. де Токвиль, будучи сторонниками либеральной идеологии и продолжателями дела ранних модернистов, пытались дать свой анализ, происходивших в то время изменений. Отметим, что французских модернистов отличает умеренность взглядов и приверженность к критическому пониманию идей индивидуализма, свободы и равенства, что связано с революционными потрясениями XIX века. Но при этом можно выделить повсеместную критику руссоистской политической философии со стороны французских либералов, так как такие понятия как «общая воля» и «суверенитет народа» автоматически создавали бы предпосылки для диктатуры и произвола со стороны большинства или определённых групп. В данном случае проявляется историческое противостояние между республиканизмом и умеренным либерализмом, поэтому французские либералы довольно легко просачивались в государственные структуры Франции XIX в. после многочисленных революционных событий, чтобы противостоять революционным тенденциям и смягчить эффект от жестокого подавления мятежных выступлений. Подобное поведение французских модернистов может быть охарактеризовано формулой: «восстание масс в итоге может открыть

путь к новой и небывалой организации человечества, но может привести и к катастрофе»²⁴.

Наблюдаемая на протяжении нескольких сотен лет трансформация идей модернизма связана с конкретным развитием научного знания и его практического применения. Влияние технологических инноваций на сращивание экономики, политики и социальной жизни вызвало необходимость создания фундамента для «современного» образа общества и государства на основе результатов научно-технического прогресса. Вера в научно-технический прогресс является важной чертой для всех поколений модернистов, которые могли полемизировать друг с другом вокруг определённых вопросов, но технологическое развитие было синонимично всестороннему развитию человечества. Идея прогресса наравне с другими модернистскими идеями оправдывала линейное развитие человечества с целью создания общества, основанного на рациональности и стандартизации жизненного пространства. Ранние и поздние представители модернизма расходились только в оценке места и роли человека в обществе, так как соотношение между индивидуальным и социальным интересом в начале зарождения модернистского проекта вовсе не рассматривалось по причине большого влияния политических идей эпохи Возрождения. Ключевым в создании нового проекта государства и общества, объединяющее различные течения внутри политической философии модернизма, является придание модернистским идеям элитарного характера, который выражал общее недоверие модернистов коллективной системе управления или принятия политических решений. Во главе угла ставился рациональный принцип создания нового общества, фактически отвергающий демократический тип управления. Иными словами, формирование нового взгляда на общество и государство было сопряжено с попыткой проведения грандиозного социального эксперимента.

Политическая философия модернизма сумела внести большую идейную ясность и чёткость концепций, которые основывались на предыдущих учениях Позднего средневековья и эпохи Возрождения. Свободная мысль объявлялась главной духовной ценностью индивида, опровергая старые порядки и догмы. Изменение касалось также и этики западноевропейского общества, поэтому «нравственность

---

²⁴ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс.// Избранные труды: Пер. с исп./ Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. «Весь Мир». М., 1997. С. 86

«модернити», становление которой связано с формированием капиталистического способа производства и индустриализацией, сознательно полагала себя как альтернатива традиции... Нравственность «модернити» во главу угла ставит динамику: недостаточно иметь нравственные устои, надо совершенствовать свою мораль; в морали, как и в промышленности, есть прогресс, более того, он должен быть»²⁵.

Главная причина формирования модернизма заключалась в «возникновении принципиально нового жизненного опыта, порожденного всей совокупностью социальных, экономических, политических и культурных факторов, опыта, сконцентрированного на индивиде, личности, на осознании их значимости и в истории, и в политике, и в духовном развитии»²⁶. По мнению М.М. Фёдоровой, основными идеями зарождавшегося в XVII веке модернизма являлись несколько установок либеральной философии, которые были выявлены на этапе формирования и «прорастания» из классической модели политического мышления. Главным итогом этого этапа было нахождение нескольких принципиально новых для политической философии в целом моментов:

1. индивидуализм (общество состоит из отдельных индивидов, каждый из которых обладает волей и является свободным);
2. эгалитаризм, т.е. равенство прав всех составляющих сообщество индивидов;
3. утверждение о том, что социальные связи имеют своим источником волю и рефлексивные действия людей и что закон есть внешнее, искусственное творение человека;
4. положение о репрезентативной сущности власти, конечной целью которой является обеспечение самоидентичности социального целого.

Данные принципы стали нововведением в политической мысли Нового времени, так как они косвенно отвергали традиционалистские и религиозные установки, которые царили в прошлом. Представление общества как суммы отдельных индивидов и равенство данных элементов ставило под сомнение идеи о самодостаточности государственной машины и полного подчинения ей человека, но в

---

²⁵ Беляева Е. В. Мораль «модернити» в этике Канта.// «Свободная мысль: Центр исследований постиндустриального общества». М., 2009. № 4. С.183

²⁶ Фёдорова М.М. Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX века. Изд. ИФРАН. М., 1997. С.18

то же время схематизация отношений между личностью и властью (в т. ч. и в контексте идеи народного суверенитета, который фактически приравнивал субъект власти с объектом) упрощало внедрение технологических и конструктивистских подходов государственного управления. Идея же об искусственном формировании законов отвергала божественную сущность государственной власти, обосновывая идею об общественном происхождении как политической власти, так и главных нормативных актов. Логика искусственного происхождения социальных отношений и продолжения их конструирования со стороны акторов данных отношений оправдывало возможное изменение социального пространства, что способствовало сведению сложных общественных процессов к простым переменным и схемам.

Идея рационализации социальных отношений не могла не коснуться индивидуального поведения человека и его места в обществе. Данный феномен был охарактеризован немецким социологом Максом Вебером: «...возрастающая интеллектуализация и рационализация не означают роста знаний о жизненных условиях, в каких приходится существовать. Она означает нечто иное: люди знают или верят в то, что стоит только захотеть, и в любое время все это можно узнать; что, следовательно, принципиально нет никаких таинственных, не поддающихся учету сил, которые здесь действуют, что, напротив, всеми вещами в принципе можно овладеть путем расчета. Последнее в свою очередь означает, что мир расколдован. Больше не нужно прибегать к магическим средствам, чтобы склонить на свою сторону или подчинить себе духов, как это делал дикарь, для которого существовали подобные таинственные силы. Теперь все делается с помощью технических средств и расчета. Вот это и есть интеллектуализация»²⁷. Подобные структурные изменения нуждались в идейном оправдании капиталистической системы и обосновании основных (в т.ч. и насильственных) методов построения новой формы общественных отношений, которая распространялась бы не только на сферу экономики, но стала бы основой для нового мировоззрения в Западной Европе. Новая модель мышления обуславливала и новую технологию построения социального и политического пространства, согласно взглядам и ценностям господствующего класса или слоя общества. В Новое время на роль господствующего класса претендовала буржуазия

---

²⁷ Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Давыдова Ю. Н. «Прогресс». М. 1990. С. 808

как самый прогрессивный и радикальный слой. «Реализация ценностного проекта Модерна позволила складывающемуся центру миросистемы смягчить хронический моральный коллапс капитализма, сделав жизнь при капитализме сносной и даже приятной для большинства. Особенно – при условии неравновесного обмена метрополий с колониями, центра с периферией»²⁸. Таким образом, политический проект Модерна создавал условия для освоения и конструирования социальной, политической, культурной и других реальностей в контексте капиталистических отношений и исходных от них кризисных ситуаций в различных сферах.

Ранний модернизм пытался совместить научно-технический прогресс и духовное развитие человека, в чём видел главную цель концепции индивидуализма и свободы человека. Но существование внутренних противоречий в данных концепциях проявлялось с переходом к технологическому методу осуществления политической власти. Нужно понимать, что модернистское понимание государства и общества представлялось как качественно новый взгляд на современные институты, которые должны были стать основой для рационально регулируемого общества и государства. Поэтому большинство политико-философских концепций XIX в. были направлены на создание максимально «объективной» картины политических и социальных отношений с точки зрения технологического влияния на данные процессы.

Интересен тот факт, что политическое измерение модернизма, проникая в ткань общественного и культурного «творчества» адаптировалось к любому типу правления, которое перенимало технологическую нагрузку модернистского проекта, направленную на рационализацию общественных и политических отношений. Различные идеологические течения XVIII-XX вв. существовали в едином пространстве модернистского проекта, создавая предпосылки для изменения общества или реагируя на возникающие риски и кризисы с целью сохранения адаптационного механизма различных обществ к проблемам капиталистической системы, влияющей не только на экономические отношения, но и другие сферы жизни современного человека.

На протяжении трёх веков (с XVII до начала XIX вв.) модернизм освобождался от религиозных, иррациональных и национально-культурных элементов, а к XX веку он принял свою окончательную форму как продукт крайней рациональности,

---

²⁸ Мартыянов В. С. Модерн продолжается? // «Полис. Политические исследования». № 3. 2012. С. 119

тотальности и единого стандарта. Под влияние «высокого Модерна» (развитая форма модернистских идей, оформленная в XIX в.) попадали все идеологические построения. Главным препятствием для «развитого модернизма» должна была стать демократическая форма правления, но технократическая сущность модернизма и продолжающийся научно-технический прогресс заставили многие государства перейти к манипуляционной технике управления государством, создав иллюзию «народоправления». Именно в этот период в результате всемирного культурного упадка (после Первой мировой войны) начала зарождаться «массовая культура». После распространения практики всеобщей стандартизации и универсализации в западноевропейской экономике, а потом и во всем мире, начались экономические кризисы, так как главы государств и финансисты не обращали должного внимания на местные условия того или иного района страны, где местность, почва, культура и обычаи менялись от одной местности к другой. С другой стороны, распространение универсальных ценностей в консервативных обществах дезориентировали население, которое начало всё больше отстраняться от своих прежних традиций. Однообразие во всех сферах человеческой жизнедеятельности привело к необходимости переосмысления таких ценностей, как свобода, справедливость, право, взаимопонимание и традиция, сформировав основу для реакции на «высокий модерн» в виде тоталитарных режимов XX века (фашизм, национал-социализм, сталинизм) и постмодернизма. Эти два пути эволюции Модерна были прямым продолжением всей его философии: тоталитаризм просто радикализировал всю модернистскую систему взглядов, а постмодернизм попытался придать модернизму иррациональный, отвлечённый характер, таящий в себе идею раскрепощённости и динамики жизненного пространства. Таким образом, тоталитаризм, в широком смысле этого слова, и постмодернизм стали продолжением тенденций, заложенных в основе социальной и политической философии Модерна.

1.2 ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА MODERNITY

Феномен «современность» обозначает ситуацию, в которой оказываются общества и государства вследствие подрыва и распада того ряда высших ценностей,

которые ранее легитимировали существующие в данных обществах и государствах порядки, обеспечивали восприятие социальной и политической действительности у членов этих обществ и оценивались ими в качестве некоей объективной реальности²⁹. Поэтому «современность» может быть осмыслена как способ обозначения постоянного динамического процесса изменения социального, политического, культурного и ценностного пространства, связанного с формированием нового историко-культурного сознания, проявляющегося в отношении всех общественных институтов и норм. Исходя из этого, следует отметить, что проблема «современности» имеет трансисторический характер, поскольку представляет собой эпоху кардинальных изменений социального, политического и культурного пространства и отрицания прошлого, где субъект (человек) не сразу воспринимает и оценивает эффект своих действий на текущий момент времени.

Говоря о соотношении проекта Модерна и современности как исторически развивающегося отрезка, нужно разделять эти два феномена, с одной стороны, на объективную реальность социальных и политических отношений на глобальном и локальном уровне при всех противоречиях, а также нестабильном развитии всего мирового пространства в наши дни, и, с другой стороны, определенную «схему» развития, возникшую в рамках проекта Modernity. Использование понятия «проект» в контексте исследования основ политического модернизма и его современных тенденций больше всего соответствует понятию «набросок» (Entwurf), используемому немецким философом М. Хайдеггером для обозначения особой экзистенциальной структуры возможности существования чего-либо. «Набросок есть экзистенциальное бытийное устройство простора фактического умения быть. И в качестве брошенного присутствие брошено в способ бытия наброска. Набросок не имеет ничего общего с отнесением себя к измысленному плану, по какому присутствие устраивает свое бытие, но как присутствие (Dasein), оно себя всегда уже на что-то бросило и есть, пока оно есть, бросая. Присутствие понимает себя всегда уже и всегда еще, пока оно есть, из возможностей»³⁰. Несмотря на глубокий онтологический смысл, который Хайдеггер вкладывает в понятие «набросок», модернистский проект вполне подходит под вышеупомянутое определение

---

²⁹ Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. Изд. РОССПЭН. М., 1998. С. 13-17

³⁰ Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. «Фолио». Харьков, 2003. С. 172

«экзистенциальной структуры бытия», где «бытие» рассматривается как некая данность, а «набросок» или «проект» представляет собой «схему» или «задание» существования определённой структуры бытия, в данном случае – проекта Modernity.

Модернистский проект очерчивает контуры современного общества, создавая схему будущих социальных, политических и экономических конструкций, а также векторы развития социума и государства в рамках основных тенденций развития политического модернизма. В данном случае «проект» рассматривается как проецирование некоего образа на социальную и политическую реальность, подвергнушуюся влиянию таких идеологических конструктов политического модернизма, как универсализм, рационализация и стандартизация. При этом феномен «современность» и проект «Modernity» находятся в соотношении «присутствие» или «бытие» (Dasein) и «набросок» (Entwurf). Здесь наблюдается особое соотношение между собственно бытием и формой его существования, хотя «проектирование реальности» остается лишь попыткой создания определенного пространства настоящего и будущего, растворяя темпоральные различия между ними в процессе проецирования «наброска» на реальность и переходя в плоскость политической идеологии и догматики.

Становление политического проекта «Modernity» началось в период кардинальных изменений как попытка пересмотра старого политического и экономического порядка западноевропейского общества. Предтечи этого проекта объявили о своем притязании на «создание» новой социальной, культурной, политической и экономической реальности, обращенной в будущее и отвергающей прошлое как препятствие для развития. В то же время политический проект Модерна сформировал идеал технократической формы правления, основанной на реагировании на изменения капиталистической системы «мира-экономики», возникшей в XVI в.³¹

Впервые упомянутый А. Тойнби термин «эра Модерна» обозначал период внезапного технического и интеллектуального толчка в XVI-XVII вв., который уже тогда определил образ Современности. Нужно отметить, что «понятие «modernus», впервые употреблённое в V в. с целью разграничения римско-языческого культурного наследия («прошлого») от христианства («современности»), впоследствии становится

---

³¹ См. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI в. «Русский фонд содействия образованию и науке». М., 2015

выражением самосознания европейца в каждую очередную эпоху через соотнесение последней с предыдущей эпохой и с древностью...»³². Современность в данном контексте существует в качестве противопоставления «нового» и «старого» порядка, проявляющегося в формировании иного взгляда на мир, который охватывает все сферы жизнедеятельности человека. Современную же нам эпоху необходимо рассматривать как глобальный проект, задуманный в Новое время. Из этого вытекает проблема разграничения феномена «современность» в историческом и «технологическом» (активном применении научно-технологических достижений с целью изменения социального, политического и культурного пространства) его измерениях. Историческое измерение феномена «Современность» напрямую связано с политическим проектом «Modernity», который представляет собой модель развития современного общества и государства.

В своей работе «Смысл и назначение истории» (1949 г.) немецкий философ Карл Ясперс выделяет «осевое время» истории, которое связано с духовным подъёмом человечества в IX-III вв. до н.э.. Именно этот период, по мнению К. Ясперса, сформировал основной стержень социального, политического, культурного измерений всего человечества. Ясперс исходит из схожих идей древних мыслителей Греции, Китая, Индии и других регионов мира о смысле и назначении существования человека и человечества, их универсальных и уникальных сторонах. Немецкий философ уделяет внимание возможным возражениям в вопросе об иллюзорности общности исторического развития в «осевое время», так как темпоральное соответствие идейного подъема не имеет научного обоснования, оставаясь лишь догадкой. Концепция «осевого времени» истории может быть применим также и к проекту Modernity, так как эпоха развития западноевропейского общества XIV-XVII вв. является стержневым периодом времени не только для западных стран, но и для всего современного мира. В отличие от оригинальной идеи «осевого времени» Ясперса, которая была сформулирована вокруг объединения схожих идей Древнего мира как основы для всей последующей истории человечества, «осевое время» Модерна может быть описано как определенная точка начала распространения идей, развитых в лоне западноевропейской мысли, на все человечество. Бросая взгляд

---

³² Мирумян Р.А. У истоков политического модернизма: к вопросу о формировании политического проекта Modernity (методологические аспекты). //Сборник научных статей РАУ. Ер., 2007. № 1. С. 66

сквозь призму политической философии модернизма, исторический период развития западноевропейского общества XIV-XVII вв. представляется «осевым временем» в контексте понимания современной истории и «современности» вообще, так как именно в этот период сформировался образ современного общества и государства. В случае с «осевым временем» Модерна речь идет о расширяющейся тенденции «европоцентризма» по всему миру, в то время как концепция «осевого времени» Ясперса объединяет регионально разрозненные элементы идейного подъема Древнего мира с целью оправдания единства истории человечества. «Если период Ренессанса означает качественный перелом в истории человечества, то это прежде всего потому, что с этого времени к европейцам пришло осознание того, что покорение мира их цивилизацией является весьма вероятной целью... С этого момента, но никак не раньше, начинается формирование европоцентризма»³³. Таким образом, процесс экспансии западноевропейского понимания времени и истории (будь то в форме завоеваний или распространения «универсальных» ценностей) может быть объяснен «линейной» направленностью исторического измерения проекта Модерна и необходимостью выбора «точки отсчета» для формирования окончательного проекта.

По причине начальной разрозненности идейного, территориального, культурного и содержательного пространства политического проекта Modernity, а также отсутствия систематизированного взгляда на общественные и политические процессы на заре становления политической философии модернизма, мы сталкиваемся со сложной смысловой и даже в некотором роде противоречивой структурой феномена политического модернизма. Политическая философия модернизма не была задумана как нечто единое, поэтому лишь после многих десятков лет исследователи смогли выделить в один блок схожие учения и взгляды политических мыслителей XIV-XVII вв.. К. Ясперс, объясняя основное значение понятия «осевого времени» (что, как было отмечено выше, может быть спроецировано на начальный период становления политического проекта Modernity), отмечает, что «...в осевое время основным является именно общее в историческом развитии, прорыв к сохранившимся по сей день принципам человеческой жизни в пограничной ситуации. Здесь существенно именно то общее, что не возникает повсеместно на земном шаре как следствие человеческой природы, а исторически

---

³³ Amin S. Eurocentrism. Monthly Review Press, New York, 1989, pp. 72–73

свойственно лишь этим истокам внутри узкого пространства. Вопрос состоит в том, не становится ли по мере роста нашего знания на фоне бесспорных различий все более очевидной глубина этого общего»³⁴. Под «общим» модернистского проекта можно понимать основные идеи развития, рожденные в лоне западноевропейской социальной и политической мысли и претендовавшие на статус общечеловеческих и универсальных. К началу Нового времени феномен «общего» начал формироваться в рамках западноевропейского взгляда на мир, что было подкреплено дальнейшей экспансией западных держав и в определении флагманом модернизационных и глобализационных проектов именно Запада. Политическая философия модернизма есть попытка создания окончательного образа современного общества, основанного на рационализации, универсализме, индивидуализме и других идеях модернистской мысли. Большую роль в конструировании новой действительности и в понимании истории в рамках этой проектированной реальности сыграло развитие науки и научно-технический прогресс XIX века.

У ранних модернистов понимание истории во многом заключалось в отрицании прошлого или его подчинении проекту будущего общества. Б. Констан подвергал критике «отсутствие» в античных демократиях индивидуальной свободы, поглощённой свободой политической. Этим он ставил водораздел между древней и современной формами демократии, придавая первенство современному типу по причине наличия идеи об индивидуальной свободе³⁵. Ф. Гизо же противопоставлял данному подходу принцип связи времён, но в контексте понимания современных изменений. «Мы стараемся сегодня согласовать то, чем мы являемся в настоящее время, с тем, чем мы некогда были; мы ощущаем настоятельную потребность сообразовать чувства с привычками, современные институты с прошлыми воспоминаниями, *восстановить, наконец, цепь времен*, которую невозможно полностью разрушить, какие бы удары она ни претерпевала»³⁶. Уже у ранних модернистов восприятие истории и политические идеи неразрывны, поскольку одно исходит из другого. Если Гизо рассматривал прошлое как часть определенного замысла, к которому человечеству только предстоит преобщиться, то А. де Токвиль

---

³⁴ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 40

³⁵ См. Констан Б. О свободе у древних в её сравнении со свободой современных людей. // «Полис». № 2. 2003.

³⁶ Цит. По: Фёдорова М.М. Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX века. Изд. ИФРАН. М., 1997. С. 80

подверг историческому анализу понятие индивидуальной свободы, выделив аристократическую и демократическую. В рамках аристократической свободы индивид всегда чувствовал присутствие «Другого» и силу авторитета, но с переходом к демократической свободе подобная связь уничтожается, создав для индивида условия «крайне непрочного существования, заставляя его всякий раз заново решать для себя дилемму: подниматься ли до уровня гражданских добродетелей либо погружаться в пучину «рабской покорности»»³⁷. Мысли ранних модернистов были не праздными рассуждениями об истории и общественных отношениях, но предпосылками и основой модернистского мышления.

Бентамовское понимание индивида, где об индивиде нельзя сказать ничего более конкретного, чем то, что ему свойственно стремление к счастью, а также, что он обладает способностью к рациональному пониманию составляющих счастья и способов его достижения³⁸, подвергалось критике со стороны мыслителей-позитивистов, так как абстрактное понимание счастья не позволяло четко охарактеризовать сущность политических отношений и формирования институциональной основы общества. Основатель позитивной философии Огюст Конт призывал освободиться от теологической и метафизической форм мышления, так как идея божественного вмешательства противоречила основам научного анализа политической структуры общества, а также применения естественнонаучных методов в новых общественно-политических научных дисциплинах³⁹. Важность научной объективности в политических науках, основанной на методологии исследования точных наук, сформировало поле для развития технократических подходов к устройству политической жизни общества. Английский философ-позитивист, основатель социал-дарвинизма Герберт Спенсер, подвергая критике утилитаристские взгляды, создавал свою концепцию органического общества, которая представляла общество в виде агрегата, работающего на принципах биологического организма. Подобное проецирование работы механических систем взаимодействия на общественные отношения создавало упрощенную модель общества и политики, но в

---

³⁷ Фёдорова М.М. Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX века. Изд. ИФРАН. М., 1997. С. 85

³⁸ См. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. Изд. РОССПЭН. М., 1998. С. 100, 111, 144

³⁹ См. Конт О. Дух позитивной философии. URL: <http://comte.newgod.su/lib/duh-pozitivnoj-filosofii>

тоже время легитимировало идею технологического воздействия на человека и общество, а также возможность построения общества на рациональных принципах сциентизма.

Последователь философии утилитаризма Джон Стюарт Милль же считал, что «деспотизм – законный метод управлять варварами, если цель благая и действительно достигается»⁴⁰. Таким образом, ранние модернисты дали инструментарий для дальнейшего углубления модернистских изменений в условиях развития западноевропейского общества, указав на главные стороны трансформации общества – мораль и соотношение между социальным и индивидуальным. Подобная смена взглядов на историю, индивида, общество и государство создала предпосылки для построения более чёткой и систематизированной модели нового общества.

Рациональный подход к решению социальных, политических и культурных проблем западноевропейского общества со стороны модернистов создал предпосылки для формирования модернистского культа прогресса, при этом начальное понимание прогресса как развития человека и общества в дальнейшем было подменено верой в научно-технический прогресс как единственную ценность современного общества. Проект Модерна представляет собой также специфическое понимание прогресса как линейного процесса, ведущего к утверждению основных элементов модернистского миропроекта (универсализации мирового пространства, единых стандартов, рационализации жизнедеятельности). В контексте понимания роли и значимости прогресса примечательно мнение К. Ясперса о способности научно-технического прогресса объединить человечество на основе рационализации всех сфер человеческой жизнедеятельности: «Прогресс действительно приводит к единству в области знания, но не к единству человечества. Единство общезначимой и повсюду, где она открывается, одинаковой истины в ее бесконечном прогрессе так, как она предстает только в науке и технике, и сама эта повсюду распространяемая и общедоступная, апеллирующая только к рассудку истина не составляют единство человечества. Такой прогресс ведет к единству в области рассудка. Он объединяет людей в сфере рассудочного мышления таким образом, что они могут вести рациональную дискуссию, но могут и уничтожить друг друга одинаковым оружием, созданным их техникой. Ибо рассудок объединяет только сознание как таковое, а не

---

⁴⁰ См. Милль Дж. Ст. О свободе / Пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. № 11, М., 1993. С. 12

людей. Он не создает ни подлинной коммуникации, ни солидарности»⁴¹. По мнению Ясперса, история человечества не может подвергаться конструированию, так как единство и дальнейшее развитие человечества лежит в объединении духовного потенциала, а не в его технологической унификации, что противоречит классической идее прогресса как линейного исторического прогресса, связанного только с научно-техническим развитием. Прогресс человечества обусловлен особым пониманием процесса развития в сознании человека, так как темпоральный разрыв и отрицание прошлого ведет к растворению истинного «Я» человека.

В своих работах Х. Ортега-и-Гассет указывал на то, что человек не обладает природой как неизменным началом, поэтому единственной сущностной характеристикой развития отдельного человека и всего человечества является история, так как «в принципиальной безграничности возможностей, присущей тому, кто не имеет природы, есть только одна устойчивая, заданная и установленная линия, на которую можно ориентироваться, есть только один предел – прошлое»⁴². Хайдеггер развивает данную мысль, говоря о том, что человек сам может «быть историей», то есть выходить за рамки исторического процесса и видеть себя в развитии. Подходы Ортега-и-Гассета и Хайдеггера указывают на сложность понимания проблем человеческого существования и, вместе с этим, показывают возможность человека наблюдать за своим развитием извне, выходя за рамки повседневной действительности. Таким образом, человек, обладая своей собственной историей, может повлиять извне на существующую реальность с помощью конструирования новых социальных, политических, экономических и культурных отношений. Следствием этого в реальности является приверженность современного общества к «технологическому» изменению всех сфер жизнедеятельности человека. Вместе с этим влияние новых технологий на общество и развитие естественнонаучных дисциплин лишают человека, характеризующей его истории, которая трансформируется в образ «утопического будущего», знаменующего конец истории человечества⁴³.

Внешним или «инструменталистским» проявлением исторического измерения политического проекта Модерна стало понимание истории как прогресса,

---

⁴¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. «Политиздат». М., 1991. С. 259

⁴² Ортега-и-Гассет Х. История как система. //Избранные труды. «Весь Мир». М., 1997. С. 468

⁴³ См. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. «АСТ-Москва». М., 2004.

допускающего изменение исторического процесса в соответствии с определенным замыслом. Такой подход был сформулирован в эпоху Просвещения, когда культ разума позволял думать о всеобщем преобразовании. «Прогресс, который тогда практически отождествлялся с историей, был понят как историческое время, постоянно опережающее само себя»⁴⁴. Историческое время не вышло за рамки «линейности» средневекового понимания истории, но важным отличием являлось позитивное восприятие модернистами истории как постоянного процесса инновации. Позитивность исторического развития представлялась как восходящий процесс улучшения организации человеческого сообщества, основанного на научных достижениях и разумном начале. Основатель позитивизма О. Конт отмечал, что «...учение, которое удовлетворительно объяснит совокупность прошлого, неизбежно получит, благодаря только этому доказательству, руководящую роль в направлении мысли будущего»⁴⁵. Таким образом, мысль прошлого, согласно Конту, и прошлое вообще является лишь средством построения будущего в деле обобщения научного знания, и именно это обобщение давало право сформировать образ будущего.

Внутренняя сторона исторического измерения Модерна выражается в оппозиции самой идеи истории и влияния модернистского проекта на социальную и политическую реальность. С одной стороны, можно выделить линейное восприятие истории как движения от архаики к инновации в рамках «единой» Современности, но, с другой стороны, конструирование социальной и политической действительности показывает опасность «статичности» проекта Модерна. «Линейность» исторического измерения Модерна заключается в понимании истории как прогрессивного развития от определенной точки отсчета (XVII в.) к рациональной организации общественных и политических отношений в будущем, связанных с поддержанием капиталистических отношений как основы научно-технического прогресса. В свою очередь, «статичность» исторического измерения проекта формируется на основе применения общих тенденций развития в виде модернизации (универсализация, рационализация, стандартизация, тотальность эффективного развития), которые, в конечном счете, игнорируют культурную или цивилизационную связь с

---

⁴⁴ Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени»)/Отечественные записки. М., 2004. № 5 (20). URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/mozhem-li-my-rasporyazhatsya-istoriey-iz-knigi-proshedshee-budushchee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni>

⁴⁵ Конт О. Дух позитивной философии. URL: <http://comte.newgod.su/lib/duh-pozitivnoj-filosofii>

определенным регионом мира. Ю. Хабермас отмечает, что теория модернизации «отделяет модерн от его истоков – Европы Нового времени – и стилизует как образец для процесса социального развития вообще, нейтрализованный в пространственно-временном отношении»⁴⁶. Темпоральная «линейность» проекта приводит к «статичности» идейного содержания, которое представляет собой технологическую базу конструирования унифицированной системы воспроизводства проекта Модерна в качестве самоцели. Присутствие единого мирового дискурса развития приводит к углублению институционального кризиса и отчуждению человека как актора социальных и политических отношений. Мишель Фуко приводит пример идеи классика политической экономии Давида Рикардо, согласно которой движение истории состоит в постепенном приближении к точке идеального равновесия между человеческими потребностями и экономическим производством и в конечном счете к остановке времени. Речь идет об остановке социального и политического времени в будущем, когда история человечества замкнется на повторении регулярных процедур во всех сферах жизнедеятельности человека. «История, в конце концов, станет неподвижной. Конечность человеческого бытия окажется определенной раз и навсегда, то есть на неопределенное время»⁴⁷.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что стремление к поиску методов построения общества на основе определенной схемы приводит к становлению «статичной» системы развития, определяющей прогрессирующее движение за счет соответствия определенным тенденциям, которые заложены изначально в программу развития. Модернисты объявляют завершенность исторического процесса и провозглашают модернистские ценности единственно правильными при отсутствии других моделей развития. Но такой подход сталкивается с крайним динамизмом современных социальных, политических и экономических процессов, которые создают предпосылки для пересмотра основных элементов модернистского проекта. «Идеологизация и политизация современной международной ситуации является логическим завершением процесса «темпорализации утопии», то есть достижения такого состояния общественного сознания, в котором люди, пребывающие в

---

⁴⁶ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. «Весь Мир». М., 2008. С. 12

⁴⁷ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. «Acad». СПб., 1994. С. 340

настоящем, признают морально-политическую ценность будущего»⁴⁸. Нивелировка исторического измерения и отказ от традиции являются главными индикаторами внутреннего кризиса политического модернизма, который не может реагировать на новые условия развития современного общества, провоцируя все новые и новые кризисы в различных сферах его жизнедеятельности.

«Бросание» (по М. Хайдеггеру) идей модернизма на реальное социальное, политическое и культурное пространство выводит проект Модерна за рамки общественных процессов, так как отказ от философской традиции Античности и Средневековья замыкает данный проект на его внутреннем стремлении создать качественно новую форму общества, независимую от «предрассудков прошлого» и построенную на признании существования «осевого времени» проекта Модерна. Отвергая прошлое и стремясь создать нечто качественно новое, модернисты нарушают связь между прошлым, настоящим и будущим, оставляя лишь проективную сущность политической философии модернизма, которая, будучи «наброском» нового мировоззрения, пытается приспособить существующую реальность под стандарты собственного видения мира. Осуществляемые в современном мире процессы глобализации и модернизации являются средствами «присваивания современности» через модернистские принципы унификации, стандартизации и сциентизации мирового пространства.

1.3 СОВРЕМЕННОСТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Противоречивость современных политических процессов вызвано двойственностью социальной и политической реальности в мире, сформированном на основе «схемы» проекта Модерна, но сохранившемся как «незавершенный» проект, который остается все еще актуальным и жизненно важным для всего человечества. Анализ Современности как политической проблемы или политического проекта таит в себе продолжение различных интерпретаций теории модернизации, обосновывающих то или иное понимание Современности как состояния столкновения

---

⁴⁸ Мирумьян Р. А. Историческое сознание как фактор преодоления темпорального растворения национальной идентичности (концептуальный аспект).// Материалы международной научной конференции «Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов (междисциплинарные аспекты)». Изд. РАУ. Ер., 2015г. С. 276

глобального и локального измерения политики. Поиск определенных глобальных тенденций социального и политического развития, выходящих за рамки определенных идеологизированных интерпретаций проекта Модерна, представляет Современность в качестве политического проекта⁴⁹, так как для понимания текущей кризисной ситуации в глобальном масштабе необходимо четко очертить контуры феномена «современность».

Образ Модерна как рефлексии над современными процессами представляется некоторыми исследователями открытым для изменений проектом, продолжающего активно трансформировать свои элементы⁵⁰. Классики мировой социологической и политической мысли представляли переход к Модерну как механическую дифференциацию и усложнение социальных отношений, однако в конце XX - начале XXI вв. постмодернистская философская мысль пересмотрела основные особенности Модерна, указав на сложность данного феномена. Так, Ю. Хабермас переосмыслил концепт Модерна как целый ряд разрывов в европейской истории, в которых Современность противопоставлялась традиции. «Люди считали себя «современными» и в эпоху Карла Великого, и в XII веке, и в эпоху Просвещения, т.е. всякий раз, как в Европе через обновленное отношение к древним формировалось сознание той или иной новой эпохи»⁵¹. Актуальный Модерн описывается Хабермасом как культурно-философский проект, представляющий собой новый тип рациональности, который сформировался в эпоху Просвещения для противопоставления предшествующей традиции.

Согласно другой точке зрения, которой придерживается британский философ С. Тулмин, начало «современности» лежит в работах французского философа и математика Р. Декарта и итальянского астронома и физика Галилео Галилея, которые также как и Ф. Бэкон поставили перед собой цель создания нового метода научного познания, основанного на рационализме и скептицизме. «Интеллектуальная революция была запущена Галилео Галилеем и Рене Декартом. Она имела два аспекта: это была научная революция, так как она привела к поразительным нововведениям в физике и астрономии, а также это было рождением нового метода в

---

⁴⁹ См. Мирумян Р.А., Дунамаян Н.А. Проблема «современности» как политического проекта. Международный научно-исследовательский журнал. (Часть 3). Екатеринбург. 2014. № 2(21). С. 121-122

⁵⁰ См. Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. Изд. РОССПЭН. М., 1998. С. 4-7

⁵¹ Хабермас Ю. Политические работы. «Праксис». М., 2005. С. 8

философии, который установил ту традицию исследований в теории познания и философии сознания, которая продолжалась вплоть до наших дней»⁵². Деятельность Р. Декарта, Г. Галилея и других мыслителей окончательно разрушила авторитет античной науки, опровергая сложившиеся на протяжении более двух тысяч лет знания о природе и обществе.

Рассуждая о Современности, следует провести разделение между тремя основными позициями понимания современных процессов: **1.** в качестве миропрокта, **2.** как рефлексии над актуальными проблемами современного общества и государства или **3.** определенного периода в истории человечества. Мы склоняемся к осмыслению Современности как миропрокта, так как особые элементы современного общества зародились на определенном этапе развития человечества и принадлежат конкретному идейному течению. Нужно отметить также длительную историю развития проекта Модерна, раскрывшую внутренний потенциал социальных, политических, экономических и культурных изменений в западноевропейском обществе Позднего средневековья и Нового времени. В этом контексте следует обратиться к концепции «мира-экономики» известного французского историка Ф. Броделя, рассматривающую весь мир как пространство связей между различными «мир-экономиками», которые могут охватывать регионы и континенты, вне зависимости от особенностей политики, идеологии, культуры, традиций и других особенной того или иного государства или народа. В XVI в., по мнению, Ф. Броделя, начался этап дестабилизации, так как европейская «мир-экономика» перешла к экспансии всего мирового пространства, преодолев период формирования мир-империи, то есть объединения на политической основе, последствием чего стало распространение капиталистических отношений по всему миру. «Капитализм по-прежнему основывается на использовании международных ресурсов и возможностей, он существует в мировом масштабе, по крайней мере, он стремится заполнить весь мир. И главная его нынешняя забота состоит в восстановлении этого универсализма»⁵³, – отмечает Ф. Бродель.

Мы уже упоминали идею «мира-экономики» И. Валлерстайна, последователя Ф. Броделя, в контексте реагирования модернистского проекта на изменения в

---

⁵² Toulmin S. *Cosmopolis: The Hidden Agenda of Modernity*. The University of Chicago press. Chicago. 1990. P. 14

⁵³ Бродель Ф. *Динамика капитализма*. «Полиграмма». Смоленск., 1993. С. 118

капиталистической системе, но особый интерес вызывает сама концепция «мира-экономики» и ее соотношения с проектом Модерна, так как философия модернизма представляет собой специфическую форму миропроекта, нацеленную на утверждение окончательного типа социальных и политических отношений, и экономическая система в этом случае предстает как один из самых значимых, но не решающих, факторов изменения общества. Более сложная картина развития идейного пространства современного мира напоминает о разностороннем процессе изменения общества за последние шесть веков, что отражается в специфике Модерна как миропроекта. Сходство концепций «мира-экономики» и проекта Модерна состоит в объяснении мировых процессов с точки зрения системного подхода к историческому развитию современного общества и утверждению одной определенной модели развития человечества. «Худшая из ошибок заключается еще в утверждении, будто капитализм – «экономическая система», и ничего более, в то время как он живет за счет общественного строя и, будучи соперником или соучастником, находится на равных (или почти на равных) с государством, персонажем настолько обременительным, насколько он только может быть, – и так бывало всегда. Капитализм извлекает также выгоду из всей той поддержки, какую оказывает прочности социального здания культура, ибо культура, неравным образом распределенная, пронизанная противоречивыми течениями, в конечном итоге, несмотря ни на что, отдает лучшее, что в ней есть, на поддержание существующего порядка. Он держит в своих руках господствующие классы, которые, защищая капитализм, защищают самих себя»⁵⁴. Так же и Модерн создает предпосылки для создание всеобъемлющей схемы развития современного универсального общества, подвергая своему влиянию все сферы жизнедеятельности человека. Основным элементом развития модернистского проекта, по нашему мнению, изначально являлось политическое измерение, вокруг которого строилось здание нового общества с эпохи Нового времени и по сей день. Стоит привести пример развития западноевропейского общества и основные идеи, которые стали предпосылками дальнейшего социального развития.

---

⁵⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. Время мира. «Прогресс». М., 1992. С. 643-644

Необходимо отметить роль социалистического проекта, реализованного сначала в Советском Союзе, а потом и в других странах мира, который представлялся как альтернатива западной модели модернизации, но в то же время не мог отказаться от некоторых элементов капиталистической организации экономической системы, что было жизненно важно для существования страны. Примеры распада СССР и перехода Китая к либерализации экономических отношений внутри страны могут быть живыми иллюстрациями неспособности социалистических режимов претворить в жизнь идеи коммунизма и обеспечить автаркическое функционирование экономики. Несостоятельность социалистической экономики состоит в ее неспособности адаптироваться к господствующим в мире капиталистическим правилам игры. «Капиталистическая экономическая система отвергалась в принципе и заменялась плановой экономикой, но элементы капиталистической организации (начиная с форм оплаты труда и фрагментированных, но не полностью утративших значение рынков) были сохранены на практике и молчаливо признавались как необходимые для ориентированной на рост экономики»⁵⁵. Важное место в организации советской экономики занимало рациональное планирование, целью которой было достижение более динамичной и справедливой формы экономического развития. Рационализация различных сфер жизнедеятельности становилась одним из важнейших способов преобразования социального пространства, что сближало капиталистическую и коммунистическую систему в выборе эффективного развития. При этом процесс рационализации является одной из основных тенденций проекта Модерна.

В рамках проекта Модерна политический ресурс начал обладать инновационным качеством как орудие изменения мира с точки зрения рационализации социального пространства. Культ разума, возвращенный мыслителями Возрождения и утвержденный просветителями XVIII века, является центральной категорией как революционного, так и модернистского дискурса в целом. Именно Разум занимает место высшей инстанции, легитимирующей теорию и практику общественного развития и преобразования. Но значимость пространства политического этим не умаляется, так как, будучи основой интеграционного взаимопроникновения между основными сферами жизнедеятельности в рамках проекта Модерна, политический проект является первым шагом к унификации и рационализации областей деятельности

---

⁵⁵ Арнасон Й. Коммунизм и модерн. // Социологический журнал. М., 2011. № 1. С. 20

человека в контексте универсального миропроекта. Будущее ставит проблему объединения и взаимопроникновения всех сфер человеческой жизни в один единственный проект, интегрирующий в себе общее политическое устройство, образ жизни, культуру и другие аспекты современного мира. Именно поэтому, несмотря на политические и идеологические противоречия между различными геополитическими блоками, существует приверженность к проекту Модерна как основной модели организации современного общества.

Проблема рационализации исходит из современного понимания «рациональности» в его формальном смысле, охарактеризованном М. Вебером как способности осуществления расчета в рамках принятия экономического решения⁵⁶. Э.Дюркгейм утверждал в работе «О разделении общественного труда», что мировая цивилизация имеет тенденцию становиться более рациональной вместе с усилением взаимозависимости в мире, а также синтеза и секуляризации культуры, ведущих к уничтожению разобщенности⁵⁷. Теории рациональности уходят корнями в идеи XIX века об отношении человека к природе и обществу и представляют собой развитие концепций прогресса, возникших в эпоху Просвещения. Несмотря на философское обоснование, эти теории получили практическое воплощение в развитии промышленности и в войнах как ключевого принципа построения основных этапов процесса. Соотношение представлений о глобализации и рациональности лежат в некоторой другой плоскости, огражденной от философского осмысления данных концептов. В случае глобализации рациональность, получая определенную направленность и потенциал влияния на практические политические, экономические и другие решения, предстает в форме рационализации. Различие между этими двумя схожими понятиями состоит в статичности рациональности, то есть характеристики знания в рамках модернистского мышления, и направленности данного знания на формирование общего стандарта мышления и поведения во всем мире. Рациональность вне философского дискурса служит поиску оптимальных вариантов максимизации экономических результатов и производства, что, проникая в другие сферы жизнедеятельности человека, создает предпосылки установления политической власти технократических элит в будущем. «Задача превратилась в средство, которое стало

---

⁵⁶ Кравченко А. И. Социология Макса Вебера: труд и экономика. «На Воробьевых». М., 1997. С. 139

⁵⁷ См. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. «Канон». М., 1996.

самодовлеющим. Технократия утвердилась потому, что она сфокусирована на эффективности – производства, программ, решения текущих вопросов»⁵⁸.

Влияние идей политического проекта Модерна на глобализационные процессы заключается в попытке рационализации мирового пространства с помощью внедрения «производственного» типа мышления, где понятие «эффективность» распространялось бы также и на ценностные установки и идеологические аспекты. Идеология в данном случае становилась средством достижения глобальной унификации, поэтому ценностные и материальные аспекты глобализации, имея под собой идеологическую основу и претендуя на объективность в построении новых социальных и политических отношений, основывались, прежде всего, на понимании эффективности капиталистической системы, которая не сводится к идеологическому измерению проблемы. Как отмечал М. Вебер «в высшей степени смешно приписывать современному развитому капитализму... эту «неизбежность» нашего экономического развития, а именно – родство с «демократией» или даже со «свободой»»⁵⁹. Таким образом, как мы уже отмечали в предыдущих главах, миропроjekt Модерна направлен на оправдание и поддержание жизнеспособности мировой капиталистической системы в ее различных формах, составляющих мировоззренческие ориентиры современного человека и общества вне зависимости от идеологических оснований.

Обращаясь к проблеме различных типов рациональности, следует, прежде всего, обратиться к практической стороне рациональности, которой касался М. Вебер в своей «Социологии религии», сравнивая пуританский и конфуцианский типы рациональности⁶⁰. Успех модернизации в том или ином обществе зависит от того, насколько предрасположено общество с культурной и традиционной (ритуальной) точки зрения к инструментальному изменению социальной и политической реальности и к подчинению. «Вселенная инструментальной рациональности»⁶¹ – это единственное место где все понимают друг друга и нацелены на выгоду. «Культ полезности» создает подобную предпосылку, где религиозные или национальные особенности, будучи средством внутренней интеграции, становятся особенностями внешнего образа государства и общества.

---

⁵⁸ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. «Academia». М., 1999. С. 438

⁵⁹ Mommsen, W. J. Max Weber and the Regeneration of Russia // The Journal of Modern History. 1997. PP. 63-64.

⁶⁰ See more: Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1986. Bd. 1.

⁶¹ See more: Alain Touraine. Pourrons-nous vivre ensemble. Paris. 1997. P.40

Увеличение динамики экономического влияния на другие сферы сформировало предпосылки для проецирования экономических законов на общественную и политическую жизнь, при этом накладывание экономических систем на политические происходило как в теоретических работах политологов и социологов, так и на практике со стороны политических деятелей. Несмотря на это, постмодернисты считают, что сращивание экономики с другими сферами является чертой только постмодернистской эпохи. Но нет сомнения в том, что основой подобного поглощения экономикой других сфер является продолжение поиска универсальной модели, отвечающей на проблему максимально эффективного способа общественного регулирования. Главным образом, сциентизм модернистов, основанный на проецировании естественнонаучных законов на политическое и социальное устройство, тесно связан с современными процессами, о которых говорят постмодернисты, так как научно-технический прогресс дал серьёзный толчок для экономического развития в Новое время и в последующие периоды, создав пространство применения экономического инструментария для новых общественных экспериментов. Французский философ Ж. Бодрийяр считал, что современные процессы приближаются к эклектическому состоянию, и любая сфера жизни современного общества может быть осмыслена только с приставкой «транс-», так как взаимопроникновение различных областей общественной и политической жизни в конечном счете уничтожает существенные характеристики последних, обеспечивая их прозрачность и размывание для современного человека⁶².

В конце XX века многие мыслители объявили о переходе к Постмодерну, который обозначал коренные перемены в жизни всего человечества. Сторонники этих социальных и политических изменений утверждал, что очередная информационная революция, начало которой положило изобретение микроэлектроники и цифровых технологий, подорвала монополию на знание академической науки, и вместе с этим – модернистское мировоззрение, так как идеология Модерна обуславливала существование определённой группы лиц, отвечающих за создание новой общественной системы и обладающих уникальным знанием технологий данного проекта. Информационная революция же должна была

---

⁶² См. Бодрийяр Ж. Общество потребления. «Республика». М., 2006.

иметь эффект продолжающегося просветительского проекта, возникшего ещё в начале Нового времени, который бы предоставил широкой массе людей инструментарий для изменения политического и социального пространства самолично, так как «генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти»⁶³. Данная мысль является логическим продолжением идеи политической свободы человека как основного гаранта участия гражданина в принятии государственных решений. Технологические инновации в информационной сфере предоставили широкий спектр средств для влияния со стороны граждан на политические решения, но вместе с этим возросли риски манипуляции общественным мнением в общем информационном пространстве.

Динамика рационализации политического процесса, выраженного в росте бюрократического аппарата, технократии или снижения роли индивидуального участия в политике, перешла в киберпространство, представляя дихотомию свободы пользования личными данными и попыток овладения последними государством или другими организациями. Поэтому постоянная необходимость принятия решения в мире Постмодерна превращается в выбор между уже заданными вариантами: в политике это выражено различными оппозициями «государство-гражданское общество», «консерватизм-либерализм», «глобализация-национальная идентичность» и т.д.. При этом все эти варианты или схемы поведения в виртуальном пространстве знаменуют переход к более развитой версии Модерна, где рационализация общественной организации переходит к тотальному воздействию и стандартизации социальных и политических отношений.

В свою очередь, формирование новых производственных и экономических отношений, которые повлияли на общественную стратификацию, размыло межклассовые границы. «Прежде предназначением низшего класса было служить представителям высшего, и низший класс выступал в качестве угнетенного; сегодня же ему остается лишь наблюдать за успехами интеллектуалов, и поэтому низший класс выступает в качестве не эксплуатируемого, а отчужденного класса»⁶⁴. Развитие

---

⁶³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Изд. ГУ ВШЭ, М., С. 42-43

⁶⁴ Иноземцев В.Л. На рубеже эпох: Экономические тенденции и их неэкономические следствия. «Экономика». М., 2003. С. 147

новых технологий привело к складыванию постиндустриальной экономики, где сервисная часть стала преобладать над производственной. В то же время это значит, что институциональные структуры (в т. ч. политические и корпоративные), регулирующие общественное производство, становятся в постиндустриальной экономике преобладающим инвестиционным сектором, где концентрируется основной финансовый капитал, а через него и средства управления общественными процессами. Что вовсе не удивительно, так как высокотехнологичный механизм (будь то физический или общественный) гораздо более дорог в эксплуатации, чем примитивный, но он более эффективен. Таким образом, формирование новых секторов экономики повлияло на проникновение экономического инструментария в другие сферы жизнедеятельности человека, дав импульс взаимопроникновению многих смежных процессов и оправдывая подобное положение большей эффективностью сращивания средств общественного, политического и экономического регулирования. В этом ракурсе немецкий социолог и политический философ У. Бек отмечал, что «происходит опасная инверсия политики и неполитики. *Политическое становится неполитическим, а неполитическое — политическим.* Этот ролевой обмен при сохранении фасадов, как ни парадоксально, совершается тем энергичнее, чем более естественно цепляются за разделение труда политического и неполитического социального изменения. Стимулирование и обеспечение «экономического подъема» и «свободы науки» становятся направляющим рельсом, по которому примат политического формирования соскальзывает из политико-демократической системы в демократически нелегитимированные обстоятельства экономики и научно-технической неполитики. Происходит *революция под маской нормы*, которая недоступна возможностям демократического вмешательства, но демократические инстанции с необходимостью оправдывают ее, ограждая от всякой критики со стороны общественного мнения...»⁶⁵. Политика становится заложником современных процессов интеграции различных сфер жизни, но при этом в ситуации кризиса только политическое действие может преодолеть проблемы двойственности современной эпохи. Говоря о проекте Современности, по умолчанию ставится вопрос создания альтернативного проекта, который должен перенять определенные

---

⁶⁵ Бек У. Общество риска: На пути к иному модерну. «Прогресс-Традиция». М., 2000. С. 68

элементы старого проекта, но в то же время понятно, что подобный сдвиг невозможен без глобальных перемен.

В общем и целом, критика Модерна в контексте постмодернистской политической мысли следует за идеей Ф. Фукуямы и других исследователей о формировании новой мировой системы, основанной на победе либеральных ценностей, но придает данной концепции деидеологизированный характер, изъывая идею победы либерализма и сформулировав постулат глобального общества, связанного между собой набором сетей, нарративов, субкультурных особенностей и институциональных сходств. Международные отношения рассматриваются в качестве регулируемого хаоса, элементы которого контактируют между собой бесчисленным количеством связей, изменяющихся в динамике современного мира.

В то же время «когда власть непрерывно перемещается, и перемещается глобально, политические институты испытывают те же лишения, с которыми сталкиваются все, кто привязан к определенному месту обитания»⁶⁶. Поэтому глобализация трансформирует также и местные политические институты, которые не успевают адаптироваться к новым условиям, формируя, в терминологии английского социолога Э. Гидденса, дисперсию (рассеивание) социальной реальности, что в свою очередь влияет на политическую и социальную модель поведения индивида. Наблюдаемое упрочнение позиций государства в решении многочисленных общественных кризисов и конфликтов может говорить о новом этапе централизации политической власти и формирования нового миропорядка. В рамках несостоявшегося «однополярного» мира «сетевой» подход постмодернизма рассматривался гармонично к создавшейся картине, где существовал конкретный гарант подобного миропорядка. Но с изменением и расшатыванием данной системы постмодернистский «хаос» международных отношений с постоянным изменением связывающих различные государства и организации сетей, различие модернистских и постмодернистских подходов к данной проблеме стали исчезать из-за фикции самого понятия «регулируемый хаос».

Разница между проектом Модерна и Постмодерном заключается в мнимом переходе от одной модели к другой, так как в основе проекта Модерна заложена

---

⁶⁶ Бауман З. Индивидуализированное общество. http://yanko.lib.ru/books/sociology/bauman-individualized_society-2005-ru-a.htm.

система саморазрушения точно так же, как и «капиталистической системе органически присуща тенденция к саморазрушению, которая на ранних стадиях вполне может проявляться в виде тенденции к торможению прогресса»⁶⁷, но к дальнейшему обновлению системы. Постмодерн в широком смысле – это своеобразное преодоление модерна, понимаемого в терминах просвещенного индустриального общества эпохи национальных государств. «Постмодернизм – это не конец модернизма, но модернизм в состоянии зарождения, и состояние это постоянно»⁶⁸. Постмодернистский подход ставит под вопрос сложившееся в предшествующую историческую эпоху гуманистическое представление о человеческой целостности и стремится ее всячески дезавуировать. Однако, декларативный антигуманизм постмодерна кардинально отличается от реального антигуманизма модерна, основанного на рациональном подходе к созданию нового общества и его атомизации⁶⁹. Все данные наблюдения только подтверждают ту мысль, что постмодернизм является реакцией на модернистскую парадигму и в некотором смысле радикализирует её основные элементы, но не формирует альтернативного взгляда. «Постмодерн как период кризиса культуры модерна – это канун того, что нам неизвестно. Известно только то, что это время, по-видимому, действительного выхода из модерна»⁷⁰. Главной проблемой постмодернизма является то, что данное явление не имеет своей собственной взгляда на мир, основываясь только лишь на отрицании ценностей Модерна и критике современного мироустройства.

Таким образом, подобно Ф. Броделю, который сводит все мировые процессы к распространению капитализма, мы можем отметить роль политического проекта Modernity как основной схемы развития будущего мирового сообщества. Экономика, культура, наука и другие области жизнедеятельности человека в этом случае становятся орудиями изменения мира с целью унификации и рационализации мирового пространства. Мир-системный анализ в своей основе содержал

---

⁶⁷ Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия / пер. с англ. Предисл. и общ. ред. Автономова В.С. «Экономика». М., 1995. С. 195

⁶⁸ Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? / Пер. с французского А. Гараджи. URL: <http://pravaya.ru/ks/17286>

⁶⁹ См. Фромм Э. Бегство от свободы. «АСТ Москва». М., 2009.

⁷⁰ Визгин В.П.. Кризис проекта модерна и новый антропотеокосмический союз. // Философия науки. М., ИФ РАН, 2002. № 8. URL: <http://iph.ras.ru/page52599625.htm>.

предпосылку неомарксистского осмысления современных политических процессов и критику капитализма, что придает идеологизированный оттенок всей концепции «мира-экономики», но, будучи одним из основных подходов макросоциального развития, данная концепция предоставляет инструментарий для исследования других глобальных проектов. Концепция миропроекта Модерна, в свою очередь, представляет анализ глобальных изменений Современности и основных принципов, которым подчиняются трансформационные процессы в различных обществах. Исходя из предпосылки о проекте Модерна как механизме адаптации мировой системы к постоянным кризисам капитализма, представляется более широкий взгляд на глобальные процессы, которые не замыкаются только на экономической сфере и отражаются в комплексном образе Современности.

ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС КАК СЛЕДСТВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА MODERNITY

Становление политического проекта Modernity стало выходом из институционального кризиса Позднего средневековья, создав предпосылки для формирования нового общества и государства. В Новое время тенденции политического развития со временем привели к разрастанию зоны влияния Модерна, основанном на расширении поля капиталистических отношений, где лишенные идеологических и традиционных различий акторы вписывались в единое международное пространство. Подобная картина могла быть достигнута утверждением схожих институтов и общих технических особенностей социального и политического управления, касающихся всех сфер жизнедеятельности человека. Именно поэтому политический проект Модерна начал свой путь с унификации понятия «государство» и выравнивания статусных позиций различных территориальных политий, а потом уже проник в другие сферы, сформировав четкую цепь иерархии формальных институтов на локальном и глобальном уровнях.

Использование различными идеологическими системами однотипных методов управления, воспроизведения власти, стремления к оптимизации социальных и политических отношений показывает ограниченность выбора способов реализации политических ресурсов в рамках проекта Модерна и в условиях глобального институционального кризиса, вызванного отсутствием иного понимания места человека в общей системе политики и ее восприятия вообще. Разрушение и несоответствие политических понятий в дискурсе мировой политики ставит проблему формирования новых подходов, но не направляет политическую мысль за рамки сложившихся моделей. Модернистский проект унифицировал почти все мировое пространство в одну упрощенную модель различных связей и отношений, поэтому кризис, рожденный на его основе, нуждается в выработке оптимальных решений, имеющих глобальный характер и действующих на внутреннем и внешнем уровнях политических взаимодействий.

2.1 СПЕЦИФИКА МОДЕРНА КАК МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

Какой бы разноликой ни была идейная палитра модернистской мысли, историческая трансформация основных элементов проекта Модерна была призвана создать гибкий механизм «рефлексивного освоения» вызовов глобальных процессов Современности. Процесс трансформации идейного наполнения модернистского проекта представляет собой формирование устойчивой системы элементов проекта Модерна, направленного на построение социальной реальности в условиях динамики «ускользающего мира». Ключевым моментом в исследовании модернистского проекта является анализ современной политической системы общества, в рамках которой формируются основные векторы развития проекта.

Сущность модернистской модели политической системы и роль трансформаций в её развитии обусловлены идеями ранних модернистов (Ж. Боден, Т. Гоббс и др.). В Новое время сформировалось качественно новое восприятие института государства со стороны западноевропейского общества, что в дальнейшем получило распространение и среди других народов. Понятие «stato» или «состояние» в переводе с итализированной формы латинского «status» повлияло на концепцию современного понимания государства и его признаков. В данном случае речь идет не о концептуальном осмыслении феномена государства, а об исторических событиях и идейных предпосылках перехода к концептуальному рассмотрению единого понятия государства и понимания современным человеком роли и места государства в его жизни. С привнесением в политико-философскую мысль итальянским мыслителем Н. Макиавелли понятия «stato», обозначавшего государство вообще, политические мыслители начали поиск сущностных характеристик государства, свободных от влияния религиозных постулатов и устаревших трактовок. Если у средневековых авторов государство и власть имели объективно данную сущность, согласно формуле апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1-2), то с началом эпохи Возрождения и Нового времени появилась тенденция переосмысления данного понятия. В основу понимания роли государства вкладывались такие понятия как «право», «закон», «справедливость», «человеческое благополучие», «свобода» и т.д.,

имеющие акцентацию на антропоцентристской направленности политической мысли Нового времени. Так, политическим идеалом французского мыслителя Жана Бодена являлось светское государство, предоставляющее право и свободу всем гражданам, а лучшим средством для обеспечения желаемого порядка он считал сильную монархию⁷¹. Как отмечал Ф. Энгельс на смену теологическому мышлению пришло юридическое, которое смотрело на мир уже не с позиций религии, а с правовой точки зрения. Право стало главным мерилom общественных и политических отношений, при этом философы и юристы Нового времени (Г. Гроций, С. Пуфендорф, Т. Гоббс, Дж. Локк и др.) начали чётко разграничивать, подобно древнеримским юристам, виды прав: естественное, божественное, позитивное, международное и т.д.. Нужно также отметить, что именно к этому периоду относятся первые идеи, касающиеся концепции естественного права и состояния общества, так как «религиозная» версия возникновения государства больше не удовлетворяла философских изысканий мыслителей, защищавших интересы формирующегося слоя буржуазии. Идея же естественных прав и общественного договора полностью обеспечивала идеологическую основу нового социального слоя, стремившегося к утверждению предпринимательской свободы и политической власти.

Жану Бодену, Томасу Гоббсу и другим политическим мыслителям государство представлялось уже не столько гражданской общиной или союзом феодальных территориальных образований, сколько ближайшим и непосредственным осуществителем суверенной власти. Подобную функциональную роль, согласно Бодену, не в состоянии были играть все сообщество людей целиком, но единый государь либо верховный орган, управляющий всем «множеством семей» по праву и сообразно справедливости. Таким образом, суверенитет политического союза оттесняется на задний план и подменяется суверенитетом государя (либо определенного органа, наделенного прерогативами последнего), олицетворяя и воплощая собой институт государства.

Общеизвестно, что Боден находился под большим влиянием Н. Макиавелли. Идеи Макиавелли и Бодена обозначали не просто новый подход к политике, но совершенно новое миропонимание в целом. В идеях Бодена и Макиавелли мы

---

⁷¹ Жоль К.К. Тернистый путь рационализма. URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/zhol-racionalizm/zhan-boden.htm>.

«...находим не столько идею государства в нашем современном его понимании, сколько ее как бы предчувствие и предвосхищение»⁷². Будучи оторванным от сакрализованного единства мира, понимание мира политического меняет свои границы и содержание. Никколо Макиавелли и Жан Боден предвосхищают радикальный переход от традиционного общества к обществу современному, и их политические идеи на несколько столетий определяют развитие политической мысли. Боден и Макиавелли стояли перед конкретной задачей – сформулировать теоретические предпосылки перехода от католическо-имперской формы государства (воплощенного в империи и власти папы) к идее независимой национальной государственности: Франции – в случае Бодена, Италии – в случае Макиавелли.

Формирование национальных государств Западной Европы актуализировало идею суверенитета, которая была закреплена после установления Вестфальской системы международных отношений (1648 г.). Включение всех европейских наций-государств в рамки взаимоотношений суверенных территориально-политических образований и постепенный рост влияния протестантских регионов повлекли за собой утверждение идеи суверенитета как главного признака государства и уравнивания государственного статуса различных политических образований. Ж. Боден выделил пять основных свойств суверенитета или верховной власти, что в его терминологии было одно и то же: 1) неделимость – суверенитет не мог быть разделён между королём и народом, различными государственными органами или ветвями власти. Здесь затрагивается сама сущность власти как таковой, не связанной в большей мере с её носителем, так как государственная власть не может делиться или зависеть от других форм отношения господства-подчинения (семейная, общественная, статусная); 2) постоянство или вечность – верховная власть, по существу, не передаваема и не уничтожаема. Она имеет свою объективную сущность, независимую от субъективных качеств её носителя или государственного устройства; 3) неограниченность и надзаконность – ни один человеческий закон или гражданский закон не может ограничивать суверенитет, так как сама верховная власть является гарантом защиты прав и свобод граждан; 4) суверенная власть подчиняется только божественным и естественным законам, но не религиозным догмам. Такая постановка

---

⁷² Фёдорова М.М. Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX века. Изд. ИФРАН. М., 1997. С. 20

проблемы напрямую связана со стремлением формирующегося в XVI в. французского национального государства на независимость от папского престола и других государств; 5) суверенитет может принадлежать либо одному человеку, либо меньшинству населения страны, либо всем дееспособным людям. Это свойство связано с выбором той или иной формы правления, что доказывает независимость сущности верховной власти от её носителя и структуры государственного строя. Важно отметить, что термин «суверенитет» обозначает не конкретных носителей неограниченной власти, но выражает саму сущность политической власти как неделимой, неограниченной и естественной субстанции, основанной на законах природы. Власть по своей сущности объективна и перманентна, а изменения касаются лишь носителей данной власти. Боден отмечает, что «...верховная власть заключается в пяти функциях. Первая, и это принципиально, сводится к назначению магистратов и определению служебных обязанностей для каждого. Вторая – принятие, отмена и обнародование законов, третья – объявление войны и заключение мира. Четвертая – высшая судебная инстанция для всех магистратов и граждан. Последняя функция – право карать и миловать в тех случаях, когда сам закон не предоставляет возможности для помилования или смягчения наказания»⁷³. Здесь Боден указал на главные функции государственных органов, различных в том или ином государстве, в зависимости от формы правления (в современности можно выделить: президентскую, парламентскую, смешанную республику, абсолютные или конституционные монархии и т.д.).

Содержание понятия «суверенитет» со временем претерпело кардинальную трансформацию, став синонимом независимости, а на современном этапе оно было подвергнуто жесткой критике в рамках западной политической мысли: 1) либерально-демократическая мысль не могла признать неограниченность и надзаконность государственного суверенитета, так как принципы демократии предполагают разделение властей и общественный контроль над государственными органами. При этом упускался политико-философский аспект данной проблемы, касающийся самой сущности понятия «власти»; 2) для безопасности страны от внешних угроз нет необходимости в абсолютной и неделимой власти. 3) политическая концепция Ж.

---

⁷³Боден Ж. Метод легкого познания истории.//перевод с латинского М. С. Бобковой. «Наука». М., 2000. С. 154

Бодена имела временный характер, способствующий установлению сильной королевской власти во Франции XVI в. и окончанию междоусобных религиозных войн.

Такое отношение к данному вопросу вызвано, главным образом, поверхностным изучением политической концепции Ж. Бодена, так как более глубокое исследование сущности понятия «суверенитет» или «верховная власть» указывает, на то, что данный термин обозначал более широкое понятие, чем трактуется ныне. В современной политической теории термин «суверенитет» обозначает «свободное, независимое от каких-либо внешних сил верховенство» и не имеет такой многогранности, которая была описана в работах Ж. Бодена. При этом, с постепенной либерализацией и рационализацией политической мысли в оборот вошли такие понятия как «национальный суверенитет», «народный суверенитет», «суверенитет личности». Такое многообразие вызвано неоднозначностью самого понятия и его различными поздними трактовками, а также связано со значительными изменениями в международной системе и процессами глобализации.

Идея Бодена о «государственном суверенитете» стала очередным шагом на пути выявления основных характеристик государства. Она сильно повлияла на будущее развитие политической мысли. Черты государственного суверенитета постепенно перешли к «нации» (в XVII в.), а потом и к народу (у Ж.-Ж. Руссо), в современную же эпоху «суверенитет» стал принадлежать отдельной личности. Эволюция понятия «суверенитет» раскрыла большое разнообразие и неоднозначность данного явления.

Главной идеей, которая объединяла политические учения Ж. Бодена и Т. Гоббса, была концепция «верховой власти». Основное отличие этих авторов заключается в том, что Боден не отдавал большого значения отношениям суверена с подданными, а Гоббс довёл до завершения эту проблему, указав основные обязанности и привилегии двух взаимодействующих сторон.

Гоббс определяет государство как «...единое лицо (one person), ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты»⁷⁴. По Гоббсу, власть и

---

⁷⁴ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. // Сочинения в 2 т. Т. 2. «Мысль». М., 2001. С. 119

принятие политических решений осуществляются «единым» лицом: будь то монарх, парламент или народ. При этом властные полномочия суверенному государственному органу передаются путём общественного договора, после чего этот политический орган может использовать «силу и средства» всех граждан так, как он сочтёт нужным. Таким образом, политическое действие граждан ограничивается одним только заключением общественного договора, а затем обязанности принятия политических решений и властные полномочия передаются суверену. Здесь можно отметить предвосхищение идеи «представительной» демократии, неограниченной в сроках. Гоббс отмечает, что большое количество народа не может участвовать в управлении государством, поэтому должен быть выбран суверен, которому бы можно передать правление, как и в современных развитых демократиях. Только с одной поправкой: в данном случае не обозначаются сроки действия этого договора и его техническая часть.

Государство Гоббса представляло собой некоторую материю, которой являлись люди, живущие в отдельной стране. Люди, взаимодействуя друг с другом, создавали структуру государства, где главным отношением должно было быть «господство-подчинение». В структуру государства, понимаемого в данном случае как объединение людей, подчиненных единой власти, входили так называемые подвластные группы. «Под группой людей, – писал Гоббс, – я подразумеваю известное число людей, объединенных общим интересом или общим делом»⁷⁵. Гоббс предлагает своеобразную теорию групп применительно к раннему буржуазному обществу. Примечательно то, что современные западные теоретики также рассматривают современное общество как совокупность взаимодействующих друг с другом страт или групп интересов, но в отличие от Гоббса они отмечают демократическую сущность подобного взаимодействия, так как в авторитарных или тоталитарных режимах, по их мнению, такие взаимоотношения невозможны из-за централизации политической власти, хотя тот же Гоббс говорит о деятельности групп именно в жёстко централизованном государстве.

Политическая философия Гоббса находится на стыке политического реализма и модернизма. Если политическая мысль реализма всегда сохраняла приверженность ценностям национального государства и его становления как единственного субъекта

---

⁷⁵ Гоббс Т. О гражданине // Основы философии. Часть 3. Сочинения в 2 т. Т.1. «Мысль». М., 1989. С. 155

международных отношений, то модернизм подверг пересмотру реалистические концепции, обратив вектор политической мысли в стороны рационализации и стандартизации всех сфер жизнедеятельности человека в глобальном масштабе. Гоббсовское государство уже тяготеет к технократическим теориям эпохи Модерна, где главной ценностью объявлялся научно-технический прогресс и вера в единое будущее человечества. «Высокий модернизм есть, таким образом, особая, подчеркнутая уверенность в перспективах применения технического и научного прогресса – обычно при посредстве государства – в каждой области человеческой деятельности»⁷⁶. Эта идеология зародилась благодаря впечатляющим успехам научно-технического знания в овладении и подчинении физического мира. Технологический прогресс позволил государству думать, что его законы и технологии могут показать не менее впечатляющие результаты в сфере управления социальным миром и человеческой природой. Политический проект «Modernity» состоял из нескольких главных характеристик, которые в той или иной степени присущи и к политической мысли Гоббса и других мыслителей Нового времени:

1. Стремление к благу людей, намерение облагодетельствовать человечество при полном пренебрежении к отдельной личности, обществу и традициям. Само существование государства Н. Макиавелли и Т. Гоббс определяли именно этой целью. Угроза самоуничтожения и всеобщей войны, по мнению многих политических мыслителей прошлого (Макиавелли, Боден, Гоббс и др.), заставила людей отказаться от большей части своих прав, наделив суверена неограниченной властью. «Самая серьезная дилемма эпохи Модернити, стоявшая на пути ко всеобщему счастью, заключалась в том, что возложение ответственности за решение этой задачи на государство – высший орган власти и конечное во двух самостоятельных, но взаимодополняющих тенденций: с одной стороны, недовольства граждан необходимостью постоянно делать тот или иной выбор, а с другой – страстного стремления жадных до власти политиков ограничить такую возможность выбора, а то и вовсе ее истребить»⁷⁷.

---

⁷⁶ Цит.по.: Скотт Дж. Благими намерениями государства./ Пер. с английского Э.Н.Гусинского, Ю.И.Турчаниновой. Университетская книга. М., 2005. URL: http://krotov.info/lib_sec/18_s/sko/tt_s_0.htm

⁷⁷ Бауман З. Индивидуализированное общество. / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2005. http://yanko.lib.ru/books/sociology/bauman-individualized_society-2005-ru-a.htm

2. Рационализация человеческой деятельности. К примеру, Т. Гоббс основательно и систематически изложил идеи, касающиеся почти всех сфер общества. Всё это было направлено на создание более упрощённой схемы управления государством, укоренения однообразия в политическом пространстве.

3. Независимость от политических идеологий (высокий модернизм – развитая форма политической философии Модерна, существовавшая с начала XIX до конца XX вв. – был присущ главным идеологическим течениям, основанных на рационализме и универсализации). Европейская рациональность стал главной политической установкой для большого числа государств, вне зависимости от их общественно-исторического прошлого, национальной культуры или господствующей в обществе идеологии. При этом установление подобных порядков в каждой стране было сопряжено с сильной централизованной властью и периодическим использованием насилия.

4. Отрицание и подавление любых иных конкурирующих концепций и источников альтернативных суждений, готовность подавлять инакомыслящих внутри общества. Создание политических концепций, основанных на принципах рационализма и универсализма, подталкивало некоторых мыслителей относиться к другим учениям, в частности к учениям прошлым эпох, с некоторым пренебрежением, так как модернистские идеи представлялись им как «эталон» для дальнейшего развития человечества. Приверженность сторонников модернизма к научно-техническому прогрессу и материальным ценностям отвергала всякую связь или взаимодействие с другими политическими теориями, основанными на противоположных взглядах. Если идеологи раннего Модерна пытались синтезировать идеи разума и духовности человека, то с началом «высокого модерна» все «обязанности» воспитания и духовного усовершенствования человека были переложены на технологический прогресс.

Кризис Позднего средневековья и начала Нового времени подготовил благодатную почву для формирования и укрепления идей модернистского проекта. Предпосылки современного образа общества и государства были сформированы уже в Новое время, включая в себя все сферы жизнедеятельности человека. Институт государства играл центральную роль в становлении политического проекта

Modernity, так как образ современного государства стал одним из средств утверждения Модерна как миропроекта.

Окончание Тридцатилетней общеевропейской войны (1618-1648 гг.) было ознаменовано институциональным закреплением общего понимания нации-государства как равноправного члена международных отношений, вне зависимости от формы правления, размера территории или могущества государства. Следует напомнить, что еще в 1454 году итальянские территориальные политики создали прообраз международной системы, так называемую Итальянскую лигу или, по выражению современного исследователя Гэррета Мэттингли «итальянский концерт»⁷⁸, который стал прообразом международного надгосударственного союза, обеспечившего 25 лет мира для государств Северной Италии. «Государство» приобрело свою конкретную сущность, которая больше не сводилась к личности монарха, правящей династии или других признаков средневекового понимания государства. Термин «государство», который имел в большей степени европоцентристское происхождение, распространился не только в «территориальной» перспективе (то есть признаки государства были проецированы на территориально-политические образования различных народов, не взирая на культурный и традиционный контекст), но и в «исторической» ретроспективе: все территориальные политики прошлого (от древнегреческого полиса до восточных деспотий) стали обозначаться общим понятием «государство»⁷⁹.

Постановку проблемы поиска корректных обобщений в срезе политологической мысли можно встретить у американских политических теоретиков А. МакИнтайра⁸⁰ и Дж. Сартори⁸¹, которые обращают внимание на существование проблемы некорректных обобщений в политической науке, связанных с культурным и идеологическим контекстом, а также рамок развития современной политической науки. В этом случае важно понять значимость компаративистского рассмотрения территориально-политических образований в соотношении с общепринятым понятием «государство» в отдельные периоды истории человечества и в различном

---

⁷⁸ See more: Mattingly G. Renaissance diplomacy. - N.Y.: Dover, 1988, pp.78-86

⁷⁹ См. Ильин М. В. Формула государственности// «Полития» № 3 (50) 2008. С. 70-72

⁸⁰ See more: MacIntyre A. Is science of comparative politics possible? // Philosophy, politics, and society. Oxford. Blackwell, 1972.

⁸¹ See more: Sartori J. Compare why and how? Comparing, miscomparing and the comparative method// Comparing nations: concepts, strategies, substance. Oxford. Blackwell, 1994.

социокультурном контексте, а также проанализировать предпосылки формирования многочисленных концептуальных обобщений. В данном случае возникает вопрос терминологической корректности использования понятия «государство» на фоне современных условий социально-политических трансформаций и их влияния на понятийно-категориальный аппарат социально-гуманитарных наук. Процесс глобализации привел не столько к распространению универсальных ценностей, сколько к расширению «рискогенной» зоны в различных сферах деятельности современного общества, в том числе и в политической науке. Политические категории и концепции, возникшие в лоне западной политико-философской мысли, были подвергнуты «концептным натяжкам» в процессе расширения ареала влияния западной цивилизации, что в конце концов привело к кризису политической науки на уровне других регионов мира. Известный американско-итальянский политолог Дж. Сартори в своей статье «Искажение понятий в сравнительной политологии», опубликованной в 1970 г., предупреждал, «чем громаднее мир, тем активнее мы прибегаем к растяжению концептов, или концептным натяжкам, т.е. к расплывчатой, аморфной концептуализации»⁸². Проблема концептуализации и уточнения многих методологических особенностей изучения политики является одной из самых актуальных проблем на данный момент. Кризис политической науки, вызванный искусственным проецированием различных методов исследования точных наук на социально-гуманитарные дисциплины с целью объяснения сложных, разнородных политических процессов, ставит проблему формулировки и уточнения ряда новых понятий и концепций, отражающих особенности незападной политической действительности. Постепенные попытки нейтрализации западных политических категорий в ценностном отношении с целью универсализации понятий привели к большему утверждению «натяжек» и использования данного подхода в практической плоскости, отразившегося в процессах глобализации и модернизации. Именно поэтому расширение «мира политического» формирует необходимость создания новых концепций и понятий, отражающих политическую действительность в различных регионах мира, отличающихся уникальным историческим развитием, традициями, политической системой и другими особенностями.

---

⁸² Сартори Д. Искажение концептов в сравнительной политологии (I). // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 69

Выделение общего понятия «государство» послужило предпосылкой для практического применения данного концепта для уравнивания позиций различных государственных образований вне зависимости от их культурных, традиционных и других особенностей. Подобная практика применялась и для других категорий, описывающих политическую систему. С другой стороны, образ государства Модерна и современной политической системы основаны на идее искусственности социальных институтов, что обуславливает возможность изменения и манипуляции социальными и политическими отношениями во благо всего общества. Согласно русскому философу Н. Бердяеву, организм способен рождаться и рождать, но организация наделена только способностью воспроизводить определённые функции, вложенные извне. В то же время существует внутреннее целеполагание организма, в отличие от целей организации, которые созданы искусственно⁸³. Таким образом, дихотомия государства как организма и организации присутствовала у ранних представителей политической философии модернизма, но государство как основной элемент политической системы стало доминирующей категорией для философии высокого Модерна как наиболее эффективного инструмента преобразования политической реальности.

Противостояние между буржуазной прослойкой и государством в Западной Европе со временем трансформировалось в неприятие старого типа государства, создав предпосылки для формирования новых концепций государственного устройства и отношений между гражданами и государством, что было показано нами на примере политических учений Ж. Бодена и Т. Гоббса. Так, защита подданных, безусловно имела место и в средневековом обществе со стороны монарха и феодалов, но санкция на защиту населения предоставлялась традицией, а не установленным законом или определенной формальной нормой, при этом первые средневековые правовые акты также были основаны на традиционном восприятии социальной реальности средневековыми юристами. Буржуазные революции, которые продлились с XVI века вплоть до 1848 года, расшатали фундамент старого здания средневекового государства, расчистив путь для становления новой универсальной формулы государственного устройства, представленного безликим образом государства

---

⁸³ См. Основные философские направления и концепции науки и технoзнания: хрестоматия / сост.: В. Н. Михайловский, А. И. Тимофеев, М. Л. Бутова, А. М. Емельянова и др. СПб., 2006. С. 94-116

Модерна и господства бюрократического аппарата как внутреннего механизма господства политических элит.

Ярким проявлением подобного кризиса средневекового государства стал феномен «старого порядка» в дореволюционной Франции XVIII в., когда устои старой сословной монархии столкнулись с необходимостью проведения социальных и экономических реформ, но совмещение старых и новых институтов на фоне разрушения феодальных отношений стало причиной революционных событий и структурного изменения общества во Франции, а затем и по всей Европе⁸⁴. В отличие от мнения о Великой Французской революции как высшей точке развития модернистского проекта в Новое время, можно заключить, что именно политический и социально-экономический режим «старого порядка» стал крайним проявлением институционального кризиса западноевропейского общества в XIV-XVII веков, так как он выражал слом старой модели социальных и политических отношений, представляя альтернативу в виде синтеза кризисных институтов с современными, что уже в дальнейшем привело к социальной и политической катастрофе. Хотелось бы отметить, что даже в культурной сфере отказ от традиций в форме так называемого «спора о древних и новых»⁸⁵ был санкционирован королем Франции Людовиком XIV с целью пропаганды развития национальной литературы на французском языке. Подобные «споры» были аналогичны и для других литературных сообществ Европы. Таким образом, история Франции времен «Старого порядка» показывает проблемное поле социальных, политических и культурных аспектов развития переживающего кризис традиционного общества, когда государство еще не имело ресурсов тотального подчинения общества, поскольку представляло собой союз привилегированных слоев населения, а не стабильную систему политических институтов. Именно об этом пишет Х. Ортега-и-Гассет, указывая на тотальность влияния современного государства: «...аристократы не хотели усиливать государство за счет общества. Вопреки привычным представлениям абсолютизм инстинктивно

---

⁸⁴ См. Токвиль А. де. Старый порядок и революция./ Пер.с фр. М.Федоровой. Московский философский фонд. М., 1997.

⁸⁵ Спор о древних и новых (фр. Querelle des Anciens et des Modernes, буквально «ссора») — полемика во Французской академии конца XVII века вокруг сравнительных достоинств литературы и искусства античности и современности. Сторонникам античности как непреходящего и недостижимого образца («древним») противостояли критики античности и сторонники теории прогресса в литературе и искусстве («новые»).

уважал общество, и уважал гораздо больше, чем наши нынешние демократии»⁸⁶. В конечном счете упорядочивание элементов политической системы современного общества и согласованность международных отношений стали основными признаками Современности как проекта, так как традиционное общество не предоставляло таких преимуществ антикризисного реагирования, имея определенные средства для конструирования социальной и политической реальности.

Несмотря на многочисленные концепции отмирания национальных государств, возникновение сетевых политических систем, роста влияния транснациональных корпораций и т.д., государство Модерна сохраняет свои реальные политические позиции, поглощая общественные отношения, переходя грань политического измерения и размывая само понятие политического вне зависимости от формы правления или устройства современных государств, целью которых является достижение безопасности, стабильности и эффективности управления. Современный институциональный кризис создает условия для формирования сильного централизованного государства или блока государств, которые смогут ответить на глобальные вызовы Современности, возвышая культ безопасности как высшей ценности будущего.

Концептуализация понятия «государство» стало одной из основных черт модернистского взгляда на мир, направленного на универсализацию и рационализацию политического и социального пространства, так как безликий образ государства строился на понятийных категориях организации, управления, рационализации жизни и воспроизводства конкретных социальных практик современного общества. Примечательно мнение М. Вебера, что «с точки зрения социальной науки, современное государство является таким же «предприятием», как фабрика, это как раз и составляет его исторически специфическую черту. И отношения господства в рамках предприятия тоже одинаково обусловлены и здесь, и там»⁸⁷. При этом взаимопроникновение различных сфер жизни человечества создало феномен массового политического человека, действия которого направлены на достижение безопасности и удовлетворения своих потребностей. «Современное государство и массу роднит лишь их безликость и безымянность. Но массовый

---

⁸⁶ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. // Избранные труды: Пер. с исп./ Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. «Весь Мир». М., 1997. С. 113

⁸⁷ Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии. // Политические работы 1895-1919. М., 2003. С. 128

человек уверен, что он-то и есть государство, и не упустит случая под любым предлогом двинуть рычаги, чтобы раздавить какое бы то ни было творческое меньшинство, которое раздражает его всегда и всюду, будь то политика, наука или производство»⁸⁸. Исходя из этого, проблема универсализации понятий для различных феноменов в социальных науках перешла в пространство практических политических действий, выраженных в процессах глобализации и модернизации. Наличие научного обоснования универсальности понятия «государство» для различных государств и народов современного мира дает возможность создания механизмов схожего институционального строительства во всем мире, что оправдывает многолетний опыт модернизации традиционных обществ по западной модели с целью институциональной унификации социального и политического пространства в мировом масштабе, актуализирующего проблему рискогенности модернизационных процессов.

Мировоззренческие кризисы прошлого подготовили почву для формирования новой парадигмы, но длительный процесс возвращения идей происходил на фоне социальных и политических потрясений. Последний мегакризис Средневековья привел к миру в Вестфале и созданию стабильной системы международных отношений, но до конца Тридцатилетней войны институт государства пребывал в постоянном процессе трансформации, включающих в себя вариации теократических диктатур, пиратских республик и мировых империй.

Современный институт государства пребывает в таком же состоянии как и несколько сотен лет назад, но современная концепция государства была построена вокруг образа «Левиафана» Гоббса, где поверхностное насилие и грубость скрывали под собой потенциал любой политической системы к проникновению и регуляции всех сфер жизнедеятельности человека. «Вспомним роль государства во всех европейских нациях к концу XVIII века. Она была ничтожна. Ранний капитализм и его промышленные организации, – в которые впервые победоносно проникла новая техника, – дали первый толчок росту общества. Появился новый социальный класс, численностью и силой превосходивший все предыдущие: буржуазия. Он обладал одним важным качеством – практическим смыслом. Он знал толк в организации, обладал

---

⁸⁸ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс.// Избранные труды: Пер. с исп./ Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. «Весь Мир». М., 1997. С. 114

дисциплиной и методичностью в работе»⁸⁹. Политика современного государства охватывает все сферы вне зависимости от политического режима, при этом эффективность управления и регулирования этих сфер создает дальнейший образ «хорошего государства». Именно поэтому в длинном ряду непризнанных или полупризнанных, террористических или несостоявшихся, развитых или развивающихся государств трудно найти общий идеал развития, где все строится на огромном количестве факторов и обстоятельств и где трудно признать какой «формат» государства более приемлем. Современные технологии создают предпосылки для создания «сетевых политий», лишенных признаков территориальности или признания субъектом международного права, но участвующих в решении или постановке глобальных проблем. Образ государства будущего может быть сформирован на основе пересмотра старой системы международных отношений, так как после утверждения Вестфальской системы работал механизм укрепления «субъектности» государства через создание новых регуляторов международных отношений, но после распада СССР на смену Ялтинско-Потсдамской системы пришел призрачный образ однополярного мира, лишенный каких-либо обоснованных и четких границ существования.

2.2 ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС КАК КРИЗИС МОДЕРНА

Особенности современного институционального кризиса тесно связаны с миропониманием современного человека и концептуальным осмыслением современного государства и общества. Понятия «институт» и «кризис», будучи частью повседневного дискурса сегодня, подвергаются искажениям и частичным описаниям на обыденном и экспертном уровнях, так как различные срезы исследования кризисных ситуаций современности и их обыденное восприятие в большой степени оставляют свой отпечаток на социальной и политической практике. Рассматривая современный институциональный кризис в качестве кризиса политического проекта Модерна, мы ставим акцент, прежде всего, на снижении доверия к политическим институтам в современных условиях. Кризис политических

---

⁸⁹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс.// Избранные труды: Пер. с исп./ Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. «Весь Мир». М., 1997. С. 112

институтов связан, прежде всего, с восприятием политических ценностей, формальных норм, форм организации совместной деятельности людей.

Обращаясь к проблеме современного институционального кризиса, нужно отметить значимый вклад немецкого историка понятий Р. Козеллека в исследование кризиса как отличительного признака современной эпохи. Р. Козеллек рассматривает современность как кризис, постепенный переход от состояния кризиса к стабильности и критике существующего порядка, сменяющегося новым периодом кризиса. Критика в том смысле, в котором она воспринималась в конце XVIII века (не критика государства или политической цели, но размышление об обоснованности самих институтов или понятий), характеризует такое отношение между теорией и практикой. При помощи идеи о рациональном решении проблем критика породила то, что Козеллек называет формой «лицемерия», поскольку поиск причин политического кризиса в логическом развитии исторического процесса скрывает лишь условную значимость такой критики для политической действительности. В этом смысле нескончаемая критика человека – через обращение к гуманистическим ценностям, – существует вместе с перманентным кризисом. «Если критика является мнимой точкой покоя человеческой мысли, то мысль представляет собой непрерывное движение»⁹⁰, – полагает Козеллек. Иными словами, Современность воспринимается как кризис и существует в рамках кризисного самосознания современного человека. К этому можно добавить и проблему конструирования современного социального и политического пространства, раскрывающую глубинную сущность «кризиса» в качестве перехода к чему-то новому и неопределенному.

Слово «кризис» изначально означало в греческом языке глаголы «определять», «выбирать»⁹¹, обладая положительным смыслом, что в современную эпоху трансформировалось в обозначение негативного развития, застоя, болезненного переходного периода в развитии общества и государства. Первоначальное толкование данного понятия имеет под собой довольно четкую характеристику кризисной ситуации как процесса выбора между отдельными альтернативами. Кризис XIV-XVII

---

⁹⁰ Koselleck R. Critique and Crisis. Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Berg Publishers. Cambridge MA. 1988. P. 108

⁹¹ Егоров А. Б. Кризисы в истории Рима (события и проблемы) // «Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова». Вып. 12. СПб., 2013. С. 348

веков представлял собой выбор новой модели развития западноевропейского общества, которая в дальнейшем распространилась на другие регионы мира, и переход от мировоззрения «теоцентризма» к новой системе миропонимания был обусловлен переменами в восприятии новым обществом институтов государства, власти и т.д.. В этом случае кризис рассматривается как длительный период трансформации общества и его институтов, формируя цепь многочисленных обстоятельств, которые привели к определенному результату. В постнеклассической науке уделяется большое внимание «выбору», «результату», смене системы в процессе неравновесного развития, что придает понятию «современного институционального кризиса» характер процесса выбора между различными вариантами будущего развития. Один из основателей теории синергетики, физик И. Пригожин, считал что история, как совокупность бифуркаций (процесса всевозможных качественных перестроек и изменений), зависит от индивидуальных усилий и характеризуется неустойчивостью. Каждая новая историческая система является результатом деятельности человеческого сообщества, обусловленной определенной социокультурной средой и действующими социальными отношениями. «Время это нечто такое, что конструируется в каждый данный момент. И человечество может принять участие в процессе этого конструирования»⁹². Здесь мы можем отметить две тенденции развития социально-философской мысли: с одной стороны, выдвигается тезис неустойчивости и неопределенности современных социально-политических процессов, но, с другой стороны, проводится мысль о возможности влияния человека на данные процессы. Эти две тенденции характеризуют кризис эпохи Модерна как период «регрессивных» институциональных изменений, когда внедрение определенных технологий организации общественных отношений сталкиваются с разрывом социальных связей и отсутствием переходных альтернатив развития.

Политическая философия модернизма была направлена на упорядочивание социальной и политической жизни в условиях институционального кризиса Позднего средневековья, обеспечивая свободу индивида от внешнего воздействия и предоставляя ему все условия для самосовершенствования. Но техницистское понимание общественных процессов делало применение модернистских идей

---

⁹² Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991, № 6, С. 52

ограниченным в объяснении многих иррациональных сторон социальной и политической жизни. Поэтому духовная сторона жизни человека как и формы культуротворчества, основанные, прежде всего, на соприкосновении человека с иррациональной стороной бытия, отрицались или классифицировались в качестве предрассудка предыдущей картины мира.

Мыслители эпохи Возрождения определяли науку как метод познания мира и реальности, но признавали и другие пути познания данной реальности. В этом случае ранние модернисты, будучи одновременно и деятелями Возрождения, рассматривали научное познание с философской точки зрения как частное проявление человеческого разума в предметной сфере, в видимой человеку природе и явлениях, но они не отрицали других уровней познания, которых наука не была в силах исследовать. Именно поэтому в начале Нового времени наметился первый идеологический кризис между сциентистами и эзотериками: первые выступали за чисто научный путь дальнейшего развития общества, сохраняя консенсус с церковными институтами и адаптируя их к новым реалиям; вторые же пытались вытеснить роль католической церкви из западноевропейского общества и провести глубокую реформацию всех форм культуротворчества. «Ситуация начала модерна характеризуется постепенно «охлаждающимся» союзом религии и новой, механистической науки, совместными усилиями оттеснившими с авансцены эзотерическую традицию Ренессанса, внесшую свой вклад в генезис новой науки. Переживающая небывалый подъем и обновление наука наделяется задачами, носящими эрзац-религиозный характер (совершенствование человека и общества, установление «царства человека» на Земле на основе прогресса знаний и их практического применения)»⁹³. Подобное положение показывает, что в начале формирования политического проекта «Modernity» существовало несколько конкурирующих парадигм, которые были вытеснены модернистским проектом или приспособлены к новой реальности. Такой «переход» свидетельствует о длительной борьбе двух форм миропонимания на момент начала становления проекта Модерна, но в современных условиях выявилась абсолютная монополия модернистского проекта на социальное и политическое пространство, в рамках которого уже в дальнейшем формировались различные тенденции развития.

---

⁹³ Визгин В.П.. Кризис проекта модерна и новый антропотеокосмический союз. // Философия науки. М., ИФ РАН, 2002. № 8. <http://iph.ras.ru/page52599625.htm>

В предыдущем параграфе мы показали идейные предпосылки возвышения института государства и укрепления его роли для современного общества, но в то же время институциональное строительство на определенном этапе развития сталкивается с некоторыми угрозами, заложенными в этом процессе изначально. Именно поэтому понятие «институт» при анализе кризиса модернистского проекта может быть рассмотрено с точки зрения связи становления миропроекта и устоявшихся концептуальных моделей политической науки.

Философия Нового времени во многом обозначила контуры современного мира, совершив попытку объяснения социальных отношений через модели искусственного построения организации человеческого общежития и отвергнув традиционные подходы к формированию власти, политических отношений и т.д.. В работах Э. Дюргейма, Г. Зиммеля, М. Вебера и других прослеживается постепенный переход к изучению ценностей и норм как институциональной основы общества. Традиционное общество отождествляло политические институты с конкретными явлениями, личностями и вещами, что с переходом к критическому осмыслению социальных отношений сменилось исследованием института как безликого результата социального и политического действия индивида.

В работе П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» (1966)⁹⁴ приводится мысль о возможности конструировании социальной реальности в сознании индивидов или групп лиц. Человек создает мир вокруг себя, в том числе и социальные отношения, тем самым конструируя особенности общественного устройства. Затем человек подвергает объективации социальные отношения и процессы. Наконец, процесс социализации превращает человека в «социальный продукт». Исходя из этого, весь институциональный мир и отдельные институты являются объективированной человеческой деятельностью. Конечно, авторы не ставили перед собой задачу поиска определенных путей конструирования социальной реальности, объясняя причину формирования институтов физиологическими особенностями человека, но сама идея о возможности конструирования социальной и политической реальности вполне соответствует модернистской схеме.

---

⁹⁴ См. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. «Медиум». М., 1995.

Можно подвергнуть критике социальный конструкционизм П. Бергера и Т. Лукмана, но данная концепция примечательна, прежде всего, тем, что она выражает модернистскую форму восприятия реальности, где возможны изменения и манипуляции пространством социального и политического. Политический проект Modernity представляет собой «задание», «схему» существования реальности, что было показано нами при рассмотрении исторического измерения политической философии модернизма, в рамках которого Модерн предстает в качестве «проект-наброска», формирующего основные векторы развития современного мира.

Такой подход к построению социальных отношений, в конечном счете, проявляется в самой сущности современного общества, когда общественная и политическая жизнь начинает строиться на принципах управления, воспроизводства, потребления и т.д. «Решающим для постиндустриального общества является то, что вся совокупность экономической системы составляет объект интервенции общества в отношении самого себя. Вот почему его можно назвать программированным обществом... В результате подобное общество на всех уровнях своего функционирования представляется не продуктом естественных законов или культурной специфичности, а результатом воздействия общества на самого себя, итогом систем социального действия»⁹⁵, – отмечает французский социолог А. Турен. Понятие «программированное общество» очень точно обозначает особенность современной социальной и политической реальности, так как концепции постиндустриального, постмодернистского, информационного и другого общества в большинстве случаев рассматривают только один из срезов современной действительности, в то время как основой современного государства и общества является поиск эффективности и результативности в различных сферах и вне зависимости от исторического опыта. В политической сфере основным является нахождение оптимальных вариантов государственного управления, удерживания политической власти, подавления социальных конфликтов и кризисов и т.д..

Институциональное строительство нуждается в построении устойчивого ядра и гибкого механизма для адаптации и адекватного реагирования на внешние угрозы, но крайний динамизм современных процессов разрушает старые связи и устойчивые отношения. Знаменитый футуролог Э. Тоффлер в работе «Футурошок» (1970 г.),

---

⁹⁵ Турен А.. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. Научный мир. М., 1998.С. 130

описал возрастание «трансенции» (быстротечности) современной реальности, а вместе с ней и изменения институциональной основы общества. Крайняя динамика современных процессов приводит к разрыву социальных и политических отношений, создавая вакуум в пространстве современной реальности, где политические институты, выполняя свои основные функции в режиме «прошлого времени», не могут адекватно реагировать на актуальные изменения. Современный человек и общество, осваивая пространство современного в его ценностном и материальном измерении, не могут объяснить и осознать те процессы, в которых они участвуют. «Эту новую болезнь можно назвать «шок будущего», и знание ее причин и симптомов помогает объяснить многое, что в противном случае не поддается рациональному анализу»⁹⁶. «Шок будущего» представляется не столько тревогой перед будущими событиями, сколько отсутствием понимания процессов настоящего. Именно этим объясняется разрыв между теоретическим осмыслением реальности и практикой принятия политических решений, господствующих моделей поведения в современном обществе. Необходимость гуманизации науки, рационализации общественных отношений сталкиваются с иными формами рационализации, направленными на максимизацию выгоды и эффективности социального и политического управления, что, в свою очередь, расширяет пропасть между попытками концептуальной универсализации политической науки и реальными политическими процессами в кризисной ситуации.

Попытка формирования нового общества при помощи применения новейших технологий создало прецедент механизированной модели общественной организации (ср. тейлоризм, фордизм), обусловленный проецированием сциентистских моделей на социум и поведение индивида. Непомерная вера в научно-технический прогресс и уверенность в его влиянии на развитие индивида и социума стали основой для формирования неподконтрольной человеку сферы риска, которая была осмыслена и соотнесена с чертами эпохи Модерна со стороны западных исследователей Н. Лумана, У. Бека, Э. Гидденса и других. У. Бек считает современность переходным периодом между индустриальным обществом и «обществом риска», которое формируется под влияние рефлексии Модерна и его саморазрушения. Саморазрушение, впрочем, вызвано научной и рационалистской направленностью

---

⁹⁶ Тоффлер О. Футурошок. «Лань».СПб., 1997. С. 13

модернистского проекта, которая приводит к формированию огромного количества рисков под влиянием научного прогресса и «выдёргивания» из него индивида как творца. Таким образом, формируется глобальное пространство риска, которое относится одинаково ко всем странам и обществам, но в то же время и аккумулируется со стороны флагманов модернизации, ощущающих возрастающий эффект «общества риска» на себе. В данном случае риск понимается как совокупность случайностей и сочетание вероятности и последствий наступления неблагоприятных событий. Такого мнения придерживался и Макиавелли, указывая на то, что судьба «проявляет своё могущество там, где нет силы, которая была бы заранее подготовлена, чтобы ей сопротивляться...»⁹⁷.

Индустриализация была направлена на максимизацию дохода и улучшение способов производства, что вело к классовому расслоению общества, но основным фактором данных процессов оставалась «потребность». «Общество риска» же принесло с собой неопределённость и незащищённость индивида от глобального и локального риска, что сделало «безопасность» главной ценностью современного общества. Как отметил Г. Маркузе: «тесная взаимосвязь между техническим и политико-манипулятивным ноу-хау, между прибыльной производительностью и господством даёт победе над нуждой оружие для сдерживания освобождения. Это сдерживание в сверхразвитых странах обязано своей эффективностью в значительной степени именно количеству товаров, услуг, работы и отдыха. Следовательно, качественное изменение, по-видимому, предполагает количественное изменение в развитом уровне жизни, т.е. сокращение чрезмерного развития»⁹⁸. Таким образом, в современных реалиях «место общности нужды занимает общность страха»⁹⁹, что не значит уничтожение классового расслоения, но показывает изменение приоритетов в общественной конструкции. Постоянные кризисы показали несостоятельность политических и социальных институтов современности, что ведёт к новой волне централизации и ужесточения политических режимов в вопросе обеспечения безопасности для граждан. Э. Гидденс ввел также понятие «среда риска» в современном обществе. «Среда риска» включает в себя следующие элементы: риски,

---

⁹⁷ Макиавелли Н. Государь. «Мысль». М., 1997. С. 103

⁹⁸ Маркузе Г. Одномерный человек. «REFL-book». М., 1994. С. 317

⁹⁹ Бек У. Общество риска: На пути к иному модерну. «Прогресс-Традиция». М., 2000. С. 36

порождаемые рефлексивностью модернизации; угроза осознания и возникновения чувства бессмысленности существования человека, обусловленная попытками человека соотнесения своего личного бытия с рефлексивной модернизацией; опасность для человечества, вызываемая модернизацией и совершенствованием военных технологий¹⁰⁰.

У. Бек показал, что модернизм не трансформируется в постмодернизм, а преобразовывается в свою новую форму в виде «общества риска», где все элементы модернизма будут сохранены. При этом он указывает, что риск является частью процессов модернизации и глобализации, которые, в конечном счете, приводят к тотальному проявлению риска, так как институциональная основа глобализации также размывается данными рисками. «Общество риска с его динамикой нарастания опасности подрывает устойчивость национально-государственных границ, а также границ межгосударственных союзов и экономических блоков»¹⁰¹. Этим немецкий социолог хочет показать тенденцию «зацикливания» модернизации на рефлексии и, как результат, разрыв между институциональной основой модернизации и динамикой данного процесса, который становится хаотичным.

В свете вышеизложенного можно задать вопрос: какое же решение предлагают исследователи? Так, Гидденс считает, что «нашему ускользающему миру нужно больше, а не меньше управляемости – а обеспечить ее могут только демократические институты»¹⁰². Навряд ли предложение Гидденса способно разрешить все проблемы «общества риска» и преодолеть кризис парадигмы Modernity. Вопрос в том, могут ли демократические институты быть привязаны к реальности Модерна, акцентировавшего проблемы безопасности и контроля со стороны современного государства. В то же время фактор «рассеивания» политических и социальных институтов не может не повлиять на демократические принципы, которые также подвергаются трансформации. В таком случае демократия предстаёт совсем в ином ракурсе, который довольно точно определил социолог З. Бауман: «демократия выражает себя в непрерывной и безжалостной критике институтов; это анархический и разрушительный элемент, встроенный внутрь политической системы; по самой

---

¹⁰⁰ См. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // «Thesis». № 5. 1994. С. 107-134.

¹⁰¹ Бек У. Общество риска: На пути к иному модерну. «Прогресс-Традиция». М., 2000. С. 34

¹⁰² Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. «Весь мир». М., 2004. С. 89

своей сути это сила несогласия и перемен»¹⁰³. Такие западные философы как Г. Маркузе, Ж. Бодрийар, И. Валлерстайн, представители Франкфуртской школы и другие строили свои концепции на критике современного государства и общества, но такая критика на практике соприкасалась с отсутствием определенных факторов изменения общественных отношений. Современные философы стали сторонними наблюдателями процессов, которые могут быть объяснены и спрогнозированы, но влияние на процесс остается делом замкнутой системы технократического управления. Очевидно, что ученые, философы, эксперты разных мастей и специалисты, включаясь в системные процессы и реагируя на те или иные угрозы, остались на позициях выражения мнения без предложения альтернативного выхода из кризисной ситуации в различных сферах.

Кризис модернизма выявил не только слабость связей между различными политическими и социальными институтами, но и подверг «очищению» институциональную форму старого общества, отдав приоритет внутренней мотивации политической системы и потенциалу социальных изменений. «Опредмечивание» современной жизни при её динамике вошло в противоречие с идеологической наполненностью и основанием эпохи Модерна, где абстрактные идеи свободы и справедливости, сталкиваясь с законами рынка и рутинностью социальной жизни, теряли свою практическую ценность как основу нового общества. Поэтому современный институциональный кризис создал идеологический вакуум, который может быть заполнен потенциалом гуманистических ценностей, но не либерально-демократических институтов, носящих отпечаток модернистской технократии. «Активная замена современных европоцентристских пристрастий на более трезвое и сбалансированное чувство истории и его культурную оценку потребует острой и постоянной политической и культурной борьбы. Она взывает не к новому фанатизму, но к тяжелой интеллектуальной работе, коллективной и индивидуальной»¹⁰⁴.

Важно определить соотношение между политическим модернизмом и либерально-демократическим режимом, так как отождествление либерализма с политическим модернизмом наталкивается на проблему соответствия модернистских и демократических идей. Ранее нами было показано, что модернизм был связан с

---

¹⁰³ Бауман З. Индивидуализированное общество./ Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2005. URL: http://yanko.lib.ru/books/sociology/bauman-individualized_society-2005-ru-a.htm

¹⁰⁴ Валлерстайн И. После либерализма. «Едиториал УРСС». М., 2003. С. 250

либерализмом настолько, насколько это было необходимо ранним модернистам для аргументирования политических интересов новоформирующейся буржуазной прослойки. Либеральное политико-философское учение или либеральная интерпретация ранних модернистов были попытками обозначения новых элементов социального и политического бытия, освобождённого от феодального устройства, влияния церкви или сословных привилегий. Модернисты сделали очередной шаг к идее раскрепощения личности и её независимости от внешних обстоятельств, но сущность данного проекта оставалась элитарной и нуждалась в политической опоре. Многочисленные революции и бурные политические процессы XIX века предоставили модернистам возможность имплементации своих идей, но к тому времени «расколдовывание мира» привело к господству сциентистского подхода в организации и, самое важное, в управлении обществом. Политический модернизм приобрёл технологическое очертание в лице универсальности своих ценностей, тотальности их применения и стандартизации установок для любого типа общества. Но, опять же, не правильно сужать модернистскую парадигму до технократии в современном мире, так как она повлияла на комплексный облик современного государства и общества. Безусловно, либеральная идеология находилась в тесной взаимосвязи с модернизмом, но пространство существования данных явлений отличалось объёмом влияния на политические и социальные изменения, поэтому политическая философия модернизма представляла собой базисный механизм современного общества, где могли применяться различные идеологические конструкты.

Проблема лежит в сущностной плоскости модернизма, который, по сути, антидемократичен, если рассматривать либеральную модель современной демократии. Идеи «права», «индивидуальной свободы», «справедливости», «общественного договора» были связаны с осуществлением данных принципов со стороны политической элиты общества, которую в большинстве составляли представители старой и новой аристократии, образовавших почти закрытую касту управленцев. Это было вызвано страхом перед нарастающим революционным движением и возможным «восстанием масс». Интересно, что А. де Токвиль сам осознавал подобную раздвоенность различных поколений модернистов, признаваясь что «разумом я склоняюсь к демократическим институтам, но по инстинкту я

аристократ, т.е. я презираю толпу и боюсь ее. Я страстно люблю свободу, законность, уважение прав, но не демократию. Такова суть человека»¹⁰⁵. Корни подобной искренности могут находиться в самой сущности модернизма как контролируемого способа преобразования социального и политического пространства, так как в этом случае ставится проблема влияния элит на политическое развитие на локальном и глобальном уровнях.

Большую ясность для определения идеологической составляющей проекта Модерна может внести проблема соотношения демократии и либерализма. Отмежевание демократии от либерализма стало предметом исследований многих известных мыслителей. Так, немецкий политический теоретик Карл Шмитт, подвергая критике идеи парламентаризма, отмечает, что парламент представляет собой продукт либерализма, а либерализм и демократия не тождественны. С этих позиций он рассматривает современное понимание равенства как главной идеи либерализма. «Равенство всех личностей как личностей – это не демократия, а некая разновидность либерализма, не государственная форма, а индивидуалистически-гуманитарная этика и мировоззрение»¹⁰⁶, – пишет К. Шмитт. В свою очередь, И. Валлерстайн убежден, что эпоха исключительного влияния либерализма прошла, и теперь уже не демократии нужно примыкать к либерализму, но самому либерализму придется «либо принять демократические в своей основе идеи, либо оказаться политически нерелевантным»¹⁰⁷. Английский философ И. Берлин, в свою очередь, отмечает, что «свобода не связана, во всяком случае – логически, с демократией или самоуправлением... между личной свободой и демократическим правлением нет необходимой связи»¹⁰⁸. Демократия не всегда соответствует либеральному идеалу, так как идеологические аспекты могут противоречить процедурному формату принятия решений в том или ином государстве и, наоборот, отсутствие процедурных форматов выборов, муниципальной деятельности и т.д. может сопрягаться с краткосрочным принятием некоторых идеологических концепций со стороны правящей элиты или лидера.

¹⁰⁵ Цит. По: Фёдорова М.М. Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX века. Изд. ИФРАН. М., 1997. С. 78

¹⁰⁶ Schmitt, Carl. *The Crisis of Parliamentary Democracy*. Trans. by Ellen Kennedy, Cambridge, MA, 1985. P. 9

¹⁰⁷ Wallerstein, L. «Liberalism and Democracy: Frues Enemies?». *The end of the World as We Know It. Social Science for the Twenty-First Century*. Minneapolis&L., 1999. P.99

¹⁰⁸ Берлин, Исайя. *Философия свободы. Европа / Предисловие А. Эткинда. Новое литературное обозрение*. М., 2001. С. 136

Вместе с тем представляется, что кризис демократизации по западному образцу не означает отказ от западной традиции демократии, основной и, по сути, единственной традиции демократии. Современная демократия вне ее западного традиционного контекста не мыслима, но с учетом того, что сегодня речь идет о демократизации всего мира, демократия не может быть ограничена лишь своим западным пониманием. Именно на этот срез проблемы должно быть обращенное внимание, и именно данное обстоятельство актуализирует проблему переосмысления основных парадигмальных установок современной демократии. При этом технические, процедурные особенности функционирования демократических институтов чаще всего становятся предметом исследования политологических дисциплин, что совершенно адекватно отражает сущность демократии как процедуры «постоянного выбора». «Переход к демократическому правлению от правления семейно-династического, опиравшегося на традиции, явился результатом, в первую очередь, технологических открытий и изобретений, изменивших те обычаи, которыми были связаны между собой люди»¹⁰⁹. Так, Дж. Сартори детально рассматривает проблемы большинства и меньшинства, проблему выборов, соотношение властей и народа и т.д., однако исследовательская призма итальянского автора представляет собой очередной «западноцентристский» вариант толкования демократии, основанный на том же принципе ревизии одной разновидности западной модели демократии с позиций. В этой связи Данило Дзоло в рецензии на книгу Сартори «Пересматривая теорию демократии» отмечает: «Сартори склонялся к рассмотрению своей новой работы как канонического текста для западной демократии»¹¹⁰. Иначе говоря, итальянский мыслитель ставит перед собой конкретные задачи, которые связаны с определением узловых проблем внутри западной парадигмы демократии, смена же самой парадигмы оказалась вне целевых ориентиров его исследования.

Но вместе с этим не корректно представлять современный институциональный кризис в качестве кризиса демократизации, так как существуют одинаковые угрозы и для более жестких политических систем, актуальность которых в современных условиях все больше ощущается. Сильные политические институты важны как для демократических, так и для авторитарных режимов, но в контексте рассмотрения

---

¹⁰⁹ Дьюи Дж. Общество и его проблемы. «Идея-Пресс». М., 2002. С. 107

¹¹⁰ Zolo, Danilo. Book Review: The Theory of Democracy Revisited (by G. Sartori). Ethics Vol. 99, No. 2 (Jan., 1989). The University of Chicago Press. P. 431

Модерна в качестве миропроекта ставится проблема уязвимости модернистских институтов, распространенных по всему миру. Линейность становления политического миропроекта Модерна влияет также и на эффект расширения «среды риска», которая «уравнивает» возможности различных государств перед глобальными рисками вне зависимости от политического режима.

Политический проект Modernity построен вокруг «технологического» понимания эффективности власти, которое ведет к упрощению социальных и политических практик с целью эффективного управления и возможности манипуляции пространством общественных отношений, что в свою очередь ведет к универсализации социальных и политических институтов на различных уровнях взаимодействия политических акторов. Но распространение общих практик, в конце концов, сталкивается с неоднородным развитием обществ и традиционным устройством, что порождает риски глобализационных и модернизационных процессов, а также ощущается в неоднородности самой современной западной модели развития политической системы. Наконец, цель эффективного управления с помощью упрощенных социальных практик, заменяется балансированием с целью удержания власти и стабильной политической системы в контексте динамичных изменений. Первый подход связан с достижением соответствия социальных и политических институтов единому модернистскому идеалу, второй – с построением устойчивой системы ситуативного реагирования в рамках современного институционального кризиса. Данные тенденции могут существовать в рамках проекта Модерна, так как формирование миропроектного конструкта обусловлено внутренним противоречием схемы политического бытия и актуальной реальности, что отражено в современных процессах поиска стабильного мирового порядка.

2.3 НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Кризис современных политических институтов ведет к поиску новых подходов к объяснению современных процессов на глобальном и локальном уровне. В современном мире все более остро встает проблема анализа внутривнутриполитических процессов и международных отношений на основе старых объяснительных схем,

которые в большей мере были привязаны к социально-историческому контексту происходящих в прошлом глобальных изменений. Говоря о миропроекте Модерна, следует обратиться к различным трактовкам современной мировой политики и определить основные тенденции ее развития в условиях глобального институционального кризиса.

В работе «К вечному миру» Иммануил Кант развил одну из центральных идей эпохи Просвещения, что стало основой для формирования многих объяснительных схем международных отношений уже в XX веке. «В соответствии с разумом в отношениях государств между собой не может быть никакого другого способа выйти из свободного от закона состояния постоянной войны, кроме как отречься подобно отдельным людям от своей дикой (не основанной на законе) свободы, приспособиться к публичным принудительным законам и образовать таким путем (разумеется, постоянно расширяющееся) государство народов (*ci vitas gentium*), которое в конце концов охватит все народы земли»¹¹¹. До Канта, в XVII веке, чешский гуманист Ян Амос Коменский опубликовал «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих», где, обращаясь ко всем христианским правителям того времени, призывал к изменению социальных и политических отношений. Уже в Новое время формируется идея о глобальном мире, механизмы существования которого должны быть сформулированы и объяснены вскоре. Но актуальность и осмысление различных закономерностей международных отношений и общей логики действий различных государств стали интересовать исследователей сравнительно недавно.

Дискуссия между идеалистами, реалистами, неолибералами или, так называемыми, модернистами касается общей картины международных отношений и основных механизмов взаимодействия основных акторов (при этом акторы мировой политики различны в зависимости от концепции), но взгляды сторонников различных школ существуют в контексте общей модели. Окончание Холодной войны и распад СССР показали уровень влияние практических политических решений на теорию международных отношений, когда теория начинает подстраиваться под реальную политику. Можно допустить, что политический реализм также отражал реалии концепции «ядерного сдерживания» и сохранения паритета между США и СССР, а обозначение транснациональных корпораций и неправительственных организаций как

---

¹¹¹ Кант И. К вечному миру. Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: <http://www.civisbook.ru/>

акторов международной политики в рамках неолиберальной модели было продиктовано попыткой формирования однополярного мира после распада биполярной системы. Но данные концепции затрудняются найти новые объяснительные схемы для современных международных отношений, так как прежние акторы перестают играть важную роль или происходит трансформация функций основных субъектов мировой политики. Сущность современных процессов состоит в утверждении связи между глобальным и локальным уровнями политических процессов, а также увеличения побочных эффектов глобализационных и модернизационных процессов.

Создание в конце 40-х годов XX века школы «политического реализма» (основоположник – Ганс Моргентау) стало основой для пересмотра идеи реалистической традиции прошлого, приспособив данную концепцию к исследованию международных отношений и современной политической практики. Концепция политического реализма была призвана объяснить международные политические процессы, основываясь на рациональном анализе социальных и политических отношений. Первый постулат политического реализма заключался в том, что «признавая объективность законов политики, (реализм) также признает возможность создания рациональной теории, которая описывала бы, хотя и не полно, эти законы»¹¹². Главной характеристикой современной политики является интерес, в частности национальный интерес государства. Поэтому сохраняя баланс сил в мире великие державы пытаются защитить свои внутренние интересы: они создают надгосударственные политические институты; прибегают к различным политическим «уловкам», связанным с нейтрализацией возможных противников; укрепляют свой внутренний и внешний суверенитеты, соприкасающиеся с различными сферами, начиная от образования до вопросов обороны; объявляют безопасность, мир и порядок – главными приоритетами государственного строительства.

Основоположник школы неореализма К. Уолтц¹¹³ не сводил силу в международных отношениях лишь к военному компоненту, а включал в нее также экономическую, информационно-коммуникативную, научную, финансовую и производственную составляющие. Неореализм расширил круг проблем реалистического подхода с характерным для него пониманием мировой политики как

---

¹¹² Моргентау Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир // Социально-политический журнал. 1997. № 2. С. 190

¹¹³ See more: Waltz K. Theory of International Politics. Addison-Wesley, 1979.

бескомпромиссной борьбы государств за власть и влияние. С окончанием холодной войны реалистические подходы начинают сближаться с неолиберальной моделью международных отношений в рамках теории демократического мира. Не подвергая сомнению реалистический тезис об «анархичности» международных отношений, признается, что западные либерально-демократические государства могут играть роль гаранта международной безопасности, что способствует также и для распространения достижений технологического прогресса для развивающихся стран и рядовых граждан по всему миру.

Этот тезис сблизил неореализм с неолиберальной теорией международных отношений, но спорить о проблемах сотрудничества, институциональном строительстве, гонке вооружений или балансе сил представители этих подходов собирались с точки зрения влияния материалистичного мира на национальные интересы, в которых преобладает прагматичная сторона вопроса. Сторонники конструктивизма в международных отношениях предложили иной взгляд, основанный на «социально сконструированных» отношениях в мировой политике. Так, основные предпосылки неореалистов и неолибералов об анархичности международных отношений или стремлении государств к сотрудничеству, по мнению конструктивистов, не отражают адекватной картины международных отношений, так как все представления о природе социальных отношений подвергаются социальному конструированию¹¹⁴. В этом контексте конструктивистская теория международных отношений представляет, «каким образом материальный мир формирует и сам формируется действиями людей и взаимодействиями, зависит от динамичных нормативных и познавательных интерпретаций материального мира»¹¹⁵.

В случае конструктивизма берется во внимание не столько пласт международных отношений, сколько срез возможности объяснения современных процессов, которые не ограничиваются анализом природы мировой политики, а формируют общее, комплексное представление о Современности как миропроекте. Исходя из этого мысль конструирования международных отношений на основе определенных изначальных смыслов может сподвигнуть к практической

---

¹¹⁴ Wendt, A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics. 1992.. URL: <http://www.jstor.org/stable/2706858>

¹¹⁵ Цит. по.: Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир.// Сравнительная политика. 2014. № 5(1(14)). С. 6

реализации тех или иных программ на глобальном уровне. В этом аспекте теория международных отношений не следует мировым трендам развития, а на «метауровень» рассмотрения международных отношений как конструкта. Рассмотрение с этих позиций проекта Модерна представляется наиболее эффективным, так как современный институциональный кризис возник отчасти по причине заостренности реалистичной или неолиберальной картин международных отношений и их связи с внутренней политики.

Миропроект Модерна предстает в более глобальном контексте, определяющем не столько формат международных отношений, сколько внутривнутриполитическое развитие общества и влияние этих изменений на внешнюю политику. Теория конструктивизма же может стать эффективной методологией анализа современных процессов, а также поиска новой политической парадигмы, выходящих за рамки неореализма или неолиберализма.

По сути основные теории международных отношений исходили из логики становления проекта Модерна, служа обосновательным инструментарием для утверждения той или иной международной системы отношений. Но нашей задачей является не опровержение той или иной теории международных отношений, а поиск предпосылок для формирования новой политической парадигмы

В работах многих западных исследователей в основе поиска оптимальных вариантов выхода из глобального кризиса ставятся старые концептуальные модели, которые были сформулированы в рамках иных социально-политических, экономических и других условий. Проблема концептуальной преемственности идеологически нагруженного материала выливается в довольно абстрактные схемы будущих проектов, которые, в конце концов, приводят к новому кризису. В данном случае, конечно, не стоит принижать роль концептуальной разработанности политологических дисциплин и эвристического потенциала в анализе современных западных политических процессов, но «концептные натяжки» привели к низкой познавательной ценности западных научных моделей в других регионах мира, о чем мы уже упоминали.

Проблема построения нового миропорядка и новой системы международных отношений еще больше ощущается в атмосфере дестабилизации, разрыва прежних социальных и политических отношений как внутри обществ, так и между

государствами, что предоставляет современным исследователям возможность предлагать новые модели развития будущих социальных и политических отношений. «Открытое общество» К. Поппера¹¹⁶, «Утопический реализм» Э. Гидденса¹¹⁷, концепции глобализма, идеи евразийства или другие глобальные концепции изменений в различных сферах жизнедеятельности человека в большинстве случаев страдают абстрактностью, недоработанностью, а также большим отрывом от действительности. Так, обращение Э. Гидденса к освободительной и жизненной политике слишком идеологичны и абстрактны для отражения возможного будущего мира и растущего политического пространства авторитарных систем по всему миру. Пропасть между теорией и практикой диктует необходимость создания качественно новых подходов к решению сложившейся кризисной ситуации. После развала СССР поиск новых подходов к локальному и глобальному уровням политики стал наиболее актуальным и процесс глобализации во многом предоставлял простор для анализа новых международных процессов, которые, казалось бы, могли воспрепятствовать продолжающемуся влиянию проекта Модерна.

Термин «глобализация» впервые был использован К. Марксом для обозначения интенсивного роста торговых связей между государствами¹¹⁸. С этого времени модели и элементы глобализации подвергались постоянным трансформациям. Последний период глобализации как процесса распространения общей модели социальных, политических, экономических и культурных отношений был сопряжен с попыткой формирования однополярной системы международных отношений, но в XXI веке международная ситуация в различных сферах стала резко меняться, что привело к необходимости поиска новых объяснительных схем международной политики.

Вместе с этим либеральная идеология, будучи основой универсальных ценностей современного этапа глобализации, служила фасадом для продвижения модернистских идей, воплощенных в процессах индустриализации, экономической централизации, эффективного управления и власти технократов. Скрытые цели глобализационных проектов, избравшие своими средствами идеологию и модель неоклассической экономической теории, направлены на укрепление одной универсальной модели

---

¹¹⁶ См. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. «Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива»» М., 1992

¹¹⁷ См. Гидденс Э. Последствия современности. «Праксис». М., 2011

¹¹⁸ Аттали Ж. Карл Маркс. Мировой дух. «Молодая гвардия». М., 2008. С. 192

социальных и политических отношений, что в результате делает современные международные процессы более хаотичными. «Разочарование глобализацией вызвано не только осознанием ущерба, наносимого развивающимся странам политикой, продиктованной идеологией, но также неравенством в глобальной торговой системе»¹¹⁹.

Однонаправленность глобализационных процессов, подчиненных определенным центрам силы на мировой арене, создает предпосылки разрыва самой сути глобализации как унификации мирового пространства, так как один полюс силы пытается навязать единую общемировую логику развития в своих собственных интересах. Наконец, социальный и политический аспекты глобализации, переживая глубокий кризис взаимного доверия на международном уровне, перемещают глобализационные процессы в лоно экономических отношений, которые скрепляют мировое пространство в общую систему на данный момент жизненно важных отношений. Такая ситуация объясняется тем, что «формальная рациональность» на современном этапе признается всеми основными акторами глобальных отношений, но иные типы рациональности, касающиеся аксиологического измерения человеческого бытия, отрицаются по причине несоответствия культурного и традиционного фона тех или иных обществ друг другу.

Почему же существует кризисная ситуация? Концептуальное осмысление формирования и развития современных политических институтов, модели которых перенимаются в незападных государствах, несут в себе след западной (или, по большому счету, культурно нейтральной) государственной и общественной моделей. Навязывание этих моделей, а также во многих случаях приверженность идеям противоречащим западным концепциям и ценностям, привело к негативной реакции со стороны незападных обществ. Поэтому современный глобализационный процесс перешел в режим стагнации, заставляя державы претендующие на региональное лидерство изолироваться внутри своей «сферы влияния». В этом случае речь идет об отрицании неолиберальных ценностей, но не о выходе из кризиса Модерна.

Необходимость реформирования советского государства и переход некоторых социалистических режимов к либерализации политических и экономических отношений ознаменовали кризис альтернативного проекта Модерна и становления модернистского миропроекта. Впрочем идеологическое и геополитическое

---

¹¹⁹ Joseph E. Stiglitz, *Globalization and its Discontents*. W.W. Norton & Company. NY, L, 2002. P. 15

противостояние в условиях биполярного мира скрывало схожие признаки политических систем. Объяснение общих принципов властной системы, соответствующего образцам проекта Модерна, можно найти у С. Хантингтона, который сравнивая политические системы США, Великобритании и СССР, указывал на общие особенности, так как «каждая из них представляет собой политическое сообщество с высочайшей степенью согласия народа относительно легитимности системы правления... Во всех трех странах существуют сильные, гибкие, прочные социальные институты: эффективные бюрократии, хорошо организованные политические партии, высокая степень народного участия в общественных делах, работоспособные системы гражданского контроля над военными, широкое участие государства в экономике и достаточно действенные процедуры, обеспечивающие преемственность власти и регулирование политических конфликтов»¹²⁰.

Общие тенденции развития мировой политики привязаны к проекту Модерна, который направляет социальные и политические процессы на локальном и глобальном уровнях, но одновременно с этим представляется идеологизированным и ангажированным феноменом. Систематизация международных отношений, равенство государств, рационализация административного аппарата, тотальное влияние государственных органов во все сферы деятельности граждан как в тоталитарных, так и демократических системах, – все эти процессы определили формирование Современности как политического проекта. Вместе с этим для таких понятий как «нация-государство» (которое представлялись основой политической системы Модерна) прочили отмирание, предоставив место глобальным интеграционным проектам.

Либеральное восприятие глобализации как стирания границ и универсализации мира вылилось в ослабление современного государства и усилению противоречий между различными геополитическими игроками, но в настоящее время центр мировой политики переместился из сферы взаимоотношений между мировыми сверхдержавами в опосредованную систему этих отношений, проходящих через определенные «горячие точки». Можно допустить, что произошла регионализация мирового противостояния, нуждающегося в минимальной затрате ресурсов, нежели чем в прямом столкновении. Примерами подобного процесса является Холодная

---

¹²⁰ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 22

война и последующие конфликты, проводимые коалицией государств или вмешательство во внутренние конфликты, а также многочисленные региональные конфликты (нагорно-карабахский конфликт, августовская война, приднестровский конфликт, сирийский конфликт и т.д.).

Кризис глобализации привел к усилению центробежных сил и к ослаблению института государства, предавая некоторую роль в международных отношениях не ТНК (как казалось до этого), а малым государствам, отдельным внутригосударственным регионам, городам и другим территориям, обладающим потенциалом управления экономическими взаимосвязями, современными информационными технологиями, сферами услуг и т.д.. Эти территории становятся местом новых социальных и политических отношений, основанных на современных технологиях и новой элите. «...Модернизация (всегда) обладала собственной «пространственной парадигмой» как в общем смысле, так и в том смысле, что в ее ходе сохранялись или создавались особенно представительные виды социоэкономического пространства»¹²¹, но только в современных условиях регионализация мировой политики может способствовать не только сдерживанию глобальных конфликтов, но и сотрудничеству между различными новыми интеграционными проектами.

Тенденции приобщения к политическому проекту Модерна выявили большой потенциал комплексного исследования взаимосвязи внутренней и внешней политики государств на практике, обосновывая их теоретическую взаимозависимость. События, происходящие на мировом пространстве, начиная с 2001 г., а может и раньше, показывают глобальное взаимопроникновение внутривнутриполитических и внешнеполитических факторов и тенденцию расширения поля данной взаимосвязи, вплоть до включения отдельных лиц в международные процессы. Противостояние между различными центрами силы на международном пространстве раскрывает слабость региональных «супердержав» и отсутствие определенного ориентира развития для малых государств, но вместо этого формируется некое «спокойное» восприятие роста нестабильности без должного объяснения действительности. «Не наработав классического европейского опыта дипломатии и конфронтации,

---

¹²¹ Кук Ф. Модерн, постмодерн и город.// Логос. 2002. № 3. С. 8

вашингтонские элиты плохо разбираются в нюансах большой стратегии»¹²², но и другие элиты не способны сформулировать четкой стратегии в современных условиях. В такой случае кризис возникает из модернистского понимания элит как «авангарда» будущих изменений и отсутствия определенной стратегии развития государственного курса со стороны последних.

Отсутствие определенных новых моделей развития государства и общества сохраняют значимость модернистского проекта для человечества, так как «эффективность» остается одной из главных ценностей политических и, прежде всего, экономических отношений. В данном случае проблема конфликта идеологий уходит на второй план, так как выход из глобального кризиса требует более глобальных усилий. Можно согласиться с мыслью Ф. Энгельса, что «революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах»¹²³, так как «крупная буржуазия» создала мировой рынок, а в нашем случае миропроjekt Модерна создал глобальную институциональную систему, в которой существование и развитие государства и общества обусловлено включением в мировую экономическую систему, а также внедрением модернистских институтов на месте. Поэтому частные примеры победы социализма или иной идеологической доктрины в том или ином государстве не могут быть успешными, так как на внешнем рынке эти государства вступают в общие капиталистические связи, кроме того левым идеологиям присуще преувеличивать роль научно-технического прогресса в изменении мира, подчиненного «объективным» законам истории, которые ведут к унификации коммунистического мира в будущем. Таким образом, полемика правых и левых в современных политических условиях проводится в одном социальном и политическом пространстве, которое может быть подвержено только незначительным изменениям внутри одной единственной политической системы общества. Глобальные изменения связаны с формированием нового взгляда на построение социальных и политических отношений на внешнеполитическом, внутригосударственном и общественном уровнях.

Политический проекта Модерна в этом случае интегрирует пространство современной политики, основываясь на общих принципах «технологической»

---

¹²² Сушенцов А. Сирийский кризис: почему не работает дипломатия. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/siriyskiy-krizis-pochemu-ne-rabotaet-diplomatiya/>

¹²³ Энгельс Ф. Принципы коммунизма.// Сочинения. Государственное издательство политической литературы.М., 1955. С. 334

унификации. Однако различные геополитические, идеологические или культурные противоречия сталкиваются с ограниченным набором средств для развития государственного и общественного потенциала, поэтому современный институциональный кризис является следствием Современности как «исчерпанного» проекта, претендующего на универсальную роль, но неспособного на полную завершенность.

Кризис глобализации должен спровоцировать определенную реакцию на разрушение теоретического и практического обоснования унификации мирового пространства, что мы наблюдаем на примере построения региональных интеграционных проектов¹²⁴. Основные элементы интеграционных процессов внутри глобализации перешли на региональный уровень, способствуя формированию многополярного мира. В то же время, что кризис глобализационных процессов и неприятие западных ценностей еще не повод к формированию новой глобальной парадигмы, так как политический проект Модерна определяет образ современного общества и государства, а также системы международных отношений. Проблема касается расстановки приоритетов в деле разрешения причин, ведущих к той или иной форме глобальных связей и составляющих основу модернистского миропроекта.

В этом контексте важно ответить на вопрос: является ли региональная интеграция продолжением процесса глобализации или попыткой создания альтернативы с целью реагирования на глобальные вызовы со стороны блока государств? Региональная интеграция является частью общего процесса глобализации, лишённого однонаправленности. В современных условиях на смену идеологического обоснования глобальных проектов приходит пересмотр мировоззренческих основ, так как развитие человечества зависит, прежде всего, от его готовности к изменению основ современного общества с целью выхода из институционального кризиса. Продолжающийся эффект глобализации, прежде всего, основан на взаимозависимости акторов международных отношений и необходимости внедрения высоких технологий в производство. Подобная парадоксальная ситуация имеет также и иную сторону: процессы глобализации, демократизации и модернизации могут быть рассмотрены именно в рамках

---

¹²⁴ См. Дунамаян Н.А. Роль систем региональной безопасности в контексте глобального институционального кризиса и становления региональной идентичности.// Материалы международной научной конференции «Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов (междисциплинарные аспекты)». Ер., 2015г. С. 249-255

утверждения политического проекта Modernity, а не идеологии либерализма. Современный институциональный кризис имеет глубинные мировоззренческие корни, а не сводится к идеологическому или цивилизационному конфликту, так как все общества и государства мира введены в общую систему социального, политического, экономического и культурного существования.

На данный момент идет определение возможности конструирования глобальной социокультурной идентичности на евразийском пространстве, но подобный процесс не может быть доведен до логического завершения без уточнения концептуальных основ исследования данной проблемы. В российской политологической и социологической литературе распространены термины и классификации типов идентичности по возрастанию глобальности идентичности: национальная, региональная, кроссрегиональная, макрорегиональная, интеррегиональная и т.д., – но эти термины трактуются по-разному и могут обозначать различные предметы и области исследования, отличные по территориальному, статусному и другим признакам. В вопросе конструирования глобальной социокультурной и цивилизационной общности на евразийском пространстве возможно использование термина «трансрегиональная идентичность», поскольку, как показал Д. А. Кузнецов, это понятие подчеркивает определенную совокупность без акцентирования на типе акторов и определяет характер взаимодействия, обозначая сотрудничество регионов как акторов международной системы и отдельных государств, стремящихся преодолеть географические границы взаимодействия в целях обеспечения интересов и создания для этого новых экономических, политических и социальных пространств¹²⁵. Современные интеграционные проекты нуждаются в легитимизации и создании уникальной площадки для культурного и цивилизационного единения. Изменяющийся мир создает условия и необходимость для изменений в различных сферах, и, в частности, в сфере политической науки, так как гуманизация знания и глобальные мировые тенденции ведут к ценностному пересмотру основ современного общества и государства.

Евразийский интеграционный проект может стать площадкой для создания альтернативной «политической» картины мира, если политическая и экономическая тематики не будут покрывать все пространство интеграционных процессов, препятствуя

---

¹²⁵ См. Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации. // Сравнительная политика. 7(2(23)), М. 2016. С. 14-24

культурному, образовательному, ценностному и другому сотрудничеству. Следование ситуативным политическим интересам в рамках взаимодействия государств-партнеров ЕАЭС или ОДКБ (как основных средств интеграции) соответствует технократическим стремления политический элит постсоветского пространства. В то время как союзы государств должны иметь под собой особое видение социальных, политических и других отношений как внутри политической системы, так и на международной арене. «Крепок ли союз, основанный только на противодействии? Конечно же, нет! Интеграция, которая является всего лишь защитной реакцией на определенные внешние воздействия, не может быть эффективной и долгосрочной. Она будет эффективной только в том случае, если опирается на определенные конструктивные унифицирующие начала»¹²⁶. Обеспечение экономической интеграции и коллективной безопасности связано с потерей доверия к неолиберальным рецептам государственного строительства, но не к модернистскому типу мышления. Отсутствие долгосрочной цели союза государств ведет к встраиванию государств полупериферии (в терминологии И. Валлерстайна) в глобальную систему Модерна в условиях мировой дестабилизации, то есть противостояние на уровне политического и экономического противоборства недостаточно. Кризис глобализации и дестабилизация в некоторых государствах выдвинули на первый план проблему безопасности, которая включает в себя целый комплекс мер для обеспечения защиты государства. Дрейф в сторону авторитарного правления происходит во всех странах мира без исключения, так как идеологические доктрины не так ощутимы для социальной и политической практики как вопросы безопасности. Это означает, что, ставя перед собой цель обеспечения безопасности и забывая об иных особенностях общественного развития, государства и их объединения идут по пути краткосрочных перспектив и дальнейшего развала. Пример Европейского Союза показывает эффективность построения экономического и политического союза, но в атмосфере противостояния и навязывания целей внешними силами политическое объединение сталкивается с кризисной ситуацией. Политическое событие должно быть оправдано тем, к чему приводят политические решения в будущем, что обусловлено существованием определенного замысла и проекта данных действий. «Народы никогда не живут в совместности просто так... Группы сосуществуют не потому, что живут

---

¹²⁶ Саркисян О.Л. Осмысление победы в Великой Отечественной войне в контексте современных интеграционных процессов. // Вестник РАУ. 2015. №1. С. 13-14

пососедству, а для свершения какого-то совместного деяния»¹²⁷.

Как ни парадоксально, кризис проекта Модерна, представляя собой глобальный институциональный кризис, способствует утверждению основных тенденций проекта, обеспечивая «цикличность» как глобальных политических процессов, так и локальных. Уникальным признаком современных международных отношений является неспособность крупных держав идти на прямой вооруженный конфликт по причине фактора ядерного сдерживания, экономической взаимозависимости, отсутствия финансовых ресурсов для продолжительного военного конфликта, – поэтому «большая политика» переходит в область многочисленных региональных взаимодействий партнерского или конфронтационного характера. Вместе с этим стоит отметить отсутствие факторов для разработки долгосрочного плана сотрудничества без определенного образа будущего. До начала XIX в. такой образ представлял проект Модерна, но в современных условиях существует угроза циклического повторения социального и политического развития, чреватого отказом от стратегических планов преобразования современного общества и перехода к ситуативному поведению политических институтов.

Общее будущее в рамках трансрегионального интеграционного проекта нуждается в теоретическом обосновании и практическом применении идей, имеющих глобальный характер, так как структура современных процессов создает взаимосвязанную картину рисков, которые возникают при реализации политических решений. Одним из возможных решений глобального противостояния «старой» и «новой» картины политической реальности может стать разработка концепции регионов-медиаторов, представляющих собой слабые звенья международных отношений, существующих под давлением различных мировых центров силы. В то же время под регионом-медиатором можно понимать определенную территориальную единицу, обладающую особым статусом и способную влиять на сопредельные территории на уровне социального, политического, культурного и экономического взаимодействия. Предпосылкой для создания подобных регионов-посредников может стать расширение полномочий самоуправляемых административно-территориальных единиц, региональных образований внутригосударственного и межгосударственного уровней и т. д. Таким образом,

---

¹²⁷ Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания. «АСТ». М., 2003. С. 16

ставится проблема создания жизнеспособной системы глобального многоуровневого управления с целью гармонизации культурных и цивилизационных особенностей различных регионов при помощи создания концепции регионов-медиаторов, включающих в себя те территориальные акторы, которые участвуют в формировании уникальных межкультурных центров по всему миру, охватывающих средние и большие города, регионы различного уровня и отдельные государства, находящиеся на стыке цивилизаций. Нужно отметить, что в этом случае подразумевается создание эффективной системы глобального многоуровневого управления с целью гармонизации мирового пространства, а не унификации и технологизации международных процессов, направленных на повторение различных процедур и поиска эффективности процесса как такового. Примерами таких регионов-медиаторов могут быть современные мегаполисы, ассоциирующиеся с особой социокультурной атмосферой; южные территории США, Дальний Восток РФ, Калининградская область, страны Магриба и Ближнего Востока и другие территории. В рамках евразийского интеграционного проекта также важно выработать механизмы построения политики эффективного взаимодействия с другими интеграционными проектами по всему миру при помощи стран-посредников. На данный момент основным вопросом является выстраивание структурного восприятия интеграционных проектов в Евразии на различных уровнях.

Республика Армения также могла выполнить функцию государства-медиатора между различными интеграционными проектами в силу культурно-цивилизационных особенностей и геополитического положения. В данном случае просматривается собственный интерес армянского государства в построения системы многоуровневого взаимодействия в рамках интеграционных процессов и гармонизации международных отношений, поэтому у политической элиты Армении есть возможность разработки программы трансрегионального сотрудничества и утверждения армянского фактора в мировой политике. Важность такого подхода заключается в нестандартном взгляде на современную мировую политику и ее кризис, а также готовности различных малых государств к использованию своих социальных и политических ресурсов в создании предпосылок нового мирового порядка. Необходимость построения интеграционных союзов для противостояния глобальным угрозам связана с созданием многоуровневого управления с включением в процесс принятия решений всех

социальных слоев, групп, регионов, государств и т.д.. Профессор Г. Погосян, говоря о проблеме трансформационных процессов в Республике Армения, пишет, что «очень важно начать запуск механизмов сотрудничества с низших эшелонов управления, которые находятся в непосредственном общении с населением. Именно в структурах местной власти происходит самое интенсивное общение с разными социальными группами»¹²⁸. Контакт власти с обществом важен и в рамках интеграционных процессов, так как интеграция не замыкается на политическом и экономическом сотрудничестве, важно создать определенный новый взгляд на социальные и политические отношения в будущем.

Восприятие интеграционных процессов через призму межгосударственных отношений может стать препятствием для понимания необходимости более глобального видения роли регионов в будущих международных отношениях. Приграничные города и регионы могут предстать в роли основных медиаторов интеграции в будущем, так как обобществление политических процессов и возрастание связей между государством и обществом станут основой увеличения роли негосударственных акторов. Негосударственные акторы, в свою очередь, нуждаются в создании более глобальных инструментов управления, так как успех отдельно взятого региона в современных условиях зависит от большого количества факторов, влияющих на структурное становление интеграционных проектов. «Конкуренция государств за участие в глобальном управлении приводит и будет приводить к формированию многоуровневого глобального управления, сочетающего глобальные, региональные и локальные компоненты его общей системы»¹²⁹. Таким образом, роль регионов и городов возрастает не из-за глобализационной тенденции «стирания границ», а по причине кризиса института государства в современных условиях и становления трансрегиональных интеграционных проектов, противостоящих универсализации, так как будущее зависит от уровня гармонизации социальных, политических, культурных и экономических отношений в рамках всего человечества.

---

¹²⁸ Погосян Г.А. Современное армянское общество: особенности трансформации. Изд. «Academia». М., 2005. С. 283

¹²⁹ Сморгун Л. В. Управляемость в условиях неопределенности. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2560#top-content

Тенденции, заложенные в модернистском проекте, показывают необходимость корреляции внешней и внутренней политики, так как миропроjekt Модерна связывает все пласты социальной и политической деятельности, а процессы рационализации, универсализации и внедрения единых стандартов касаются всех сфер жизнедеятельности человека. Именно поэтому трансрегиональные интеграционные проекты не могут поддерживать свою жизнеспособность без определенного видения проблем современного государства, общества и человека. Технократическое общество Модерна удаляет человека из пространства социального и политического, представляя приоритетом производственные отношения внутри высшей политической организации. Подобное отчуждение может быть преодолено только с помощью новой концептуализации роли человека в политических отношениях как части общества и приведения в полное соответствие локальных и глобальных интересов человечества. Единственным условием в данном контексте является политическая воля элит, участвующих в становлении новых трансрегиональных интеграционных проектов, а также децентрализация глобальных социальных и политических процессов, обозначающая многоуровневую систему глобального управления, включающую в себя региональную и межгосударственную политику.

ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА MODERNITY: ПРОБЛЕМА «МНОЖЕСТВЕННОСТИ МОДЕРНОВ» И РИСКИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Влияние политического проекта Модерна на практике не всегда приводило к однозначным результатам, оборачиваясь успехом или крахом для различных государств и обществ. Но при этом глубинные тенденции политической философии модернизма, нацеленные на рационализацию и универсализацию мирового социального и политического пространства, вели к усилению взаимозависимости различных сфер международной и внутренней политики.

Проект Модерна, пытаясь смягчить негативные эффекты капиталистической системы, представлял «схему» прогрессивного общества, основанного на перманентном обновлении и формальной рационализации. Столкновение инновации и традиции создавало условия для роста конфликтных и кризисных ситуаций в различных обществах мира, но, в конечном счете, современные вызовы формировали реакцию в виде авторитарных государственных курсов или тактических шагов по развитию, прежде всего, экономического сектора.

Будучи общей схемой социального и политического развития, проект Модерна определяет образ современного общества, и вместе с этим дает большой простор для действия того или иного государства, включая конфликтное взаимодействие и неприятие моделей развития других стран. Явление «множественности модернов» формируется под влиянием такого сопротивления навязанным ценностям со стороны Запада, но в то же время Современность создает предпосылки для эрозии традиционных устоев, препятствующих укреплению глобальных взаимоотношений. Старые методы управления и построения социальных и политических отношений сталкиваются с динамикой развития современных технологий и уровня жизни, что воспринимается как неспособность современных элит адекватно реагировать на вызовы Современности. Но достижение стабильного политического и экономического развития государства связано с его включением в общую систему капиталистических отношений и закреплению общих принципов развития на институциональном уровне, что приводит не столько к общности глобальных интересов, сколько к расширению зоны внутривнутриполитической и международной нестабильности.

3.1 ПРОБЛЕМА «МНОЖЕСТВЕННОСТИ» МОДЕРНОВ КАК СЛЕДСТВИЕ КРИЗИСА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА MODERNITY

В современную эпоху в декларативном поле мировой политики начали говорить о глобальном сотрудничестве и интеграции. В условиях противостояния США и Советского Союза А. Тойнби писал, что человечеству необходимо «установить конституционную кооперативную систему мирового правительства»¹³⁰. Но подобные размышления о созвучии политических целей всего человечества в большинстве случаев сталкиваются с наследием старой политической конъюнктуры. Это обстоятельство определяет выделение двух основных векторов развития мировых политических процессов: универсализации социального, политического и культурного пространств в рамках миропроекта Модерна и формирования сопутствующих моделей модернизации, учитывающих культурные особенности того или иного региона, в рамках концепции «множественности модернов»¹³¹.

Проблема «множественности модернов» является результатом осмысления глобализационных процессов в различных регионах мира и способов имплементации модернистского опыта на неоднородной идеологической и культурной почве. Под данным понятием в научном сообществе понимаются различия между коренными элементами процесса модернизации и его практическим применением в различных регионах, так как культурная составляющая модернизации сталкивается на определённых этапах с традициями и ценностями конкретных обществ и государств, что наравне с другими факторами становится основой для «рискогенности» эффектов модернизации. Политическая философия модернизма как идейная основа модернизации формировалась под влиянием западноевропейских ценностей, но постепенное распространение эффекта модернизации, а также стремление некоторых держав к мировому влиянию, создали предпосылки для формирования уникального внеисторического, внекультурного и наднационального образования, подавляющего противоречия между инновацией и традицией в контексте господства рационального подхода во всех сферах жизнедеятельности человека.

---

¹³⁰ Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. «АСТ». М., 2011. С. 45

¹³¹ См. Мирумян Р.А., Дунамалян Н.А. Основные векторы развития политического проекта Modernity: проблема «множественности» модернов и риски модернизации. Вестник Университета Месропа Маштоца (Сборник научных статей). Степанакерт. 2014. С. 110-122.

Противоречивость культурной основы модернизации проявлялось также и на европейской традиционной почве, сталкиваясь со старыми политическими и социальными институтами, но комплексное влияние факторов модернизации на другие регионы выявили большой потенциал риска внутри данных процессов. Проект Модерна, несмотря на идейные истоки, не является чисто европейским конструктом, так как уже в начале становления его реализация имела несколько версий (европейская и американская). Постепенно целевые установки проекта приобрели нейтральный характер, способствующий более эффективному проникновению модернистских ценностей, а одновременно с этим и к росту глобальных рисков.

Современный институциональный кризис обусловлен изменением самого контекста, в котором демократия и современные политические институты рассматривались и рассматриваются как элементы эффективной модели государственного строительства. Трансформация условий создает предпосылки для неадекватного реагирования старых институциональных систем на современные вызовы и угрозы. Демократия – это специфическая составляющая духовной культуры Запада, которая представляет собой не просто идею, но комплекс ценностей. Поэтому попытки ее всемирного распространения представляют собой не просто перенос тех или иных политических практик, но и культурную экспансию ценностей. Американский исследователь С. Хантингтон обратил внимание на то, что в цивилизационном взаимодействии таится не только положительный момент взаимообогащения, но и более вероятный, потенциальный риск конфликта, столкновения, поэтому по мере усиления незападных цивилизаций, отношения между цивилизациями «не будут тесными, а зачастую будут антагонистическими»¹³².

Подобная ситуация приводит к росту кризисных точек соприкосновения между универсальными ценностями и отвергающим их традиционализмом, создавая новые конструкты «множественности модернов» в лице культурного, религиозного или регионального объединения (исламский Модерн, советский модернизм и др.). Многие регионы преступают к выработке своего уникального механизма адаптации к вызовам современных процессов, которые могут расходиться с западным пониманием одних и тех же феноменов. Именно поэтому многие западные исследователи (Ш. Эйзенштадт, Б. Виттрок, У. Бек, Э. Гидденс и др.) считают главным результатом глобализации не

---

¹³²Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. «АСТ». М., 2003. С.280

распространение определённых ценностей, а распространение глобальных рисков по всему миру, что является фундаментом для роста недоверия к основной модели модернизации и попытки переосмыслить данный процесс с локальной или региональной точки зрения. Анализ культурного содержания глобализационных процессов и выявление определённых противоречий в соотношении между универсальными и локальными ценностями в конечном счете приводит к осмыслению институциональной основы общества, что может проявляться в конфликте социального, идеологического, политического и культурного полей. Политический проект модернизма представляет собой в узком смысле «поле конфликтов, переговоров и посредничеств между рационализацией и субъективацией, представляющих собой две дополнительные и противоположные стороны Модерна»¹³³. Этим объясняется формирование атмосферы аномии в большинстве стран мира, когда в незападных обществах произошло столкновение между традицией и инновацией, а в западном мире победила доктрина мультикультурализма. Общественные противоречия, возникшие из-за рисков модернизации, ощутимы как на микросоциальном уровне, так и в международных отношениях, но в то же время политическая альтернатива строится на заимствовании технологического потенциала (понимаемого как применение некоторых готовых рецептов общественной организации, политического процесса и т.д.) при сохранении национально-культурных особенностей.

В концепции «множественных современностей» Ш.Эйзенштадта (multiple modernities) рассматриваются варианты «неевропейских» версий Модерна, которые бы вносили цивилизационное разграничение между традиционной культурой и модернистскими ценностями. Согласно Эйзенштадту, первая «неевропейская» версия Модерна появляется в США в ходе конфронтации с Великобританией, будучи связанной с отказом принять базовые институты, которые им предлагались, и с созданием качественно новой политической системы в рамках «американского» проекта. Последующее разнообразие версий Модерна связано с военным и экономическим империализмом и колониализмом, когда на повестку дня встала унификация мировой экономики и создания общих стандартов для эффективной

---

¹³³ Цит. По.: Кимелев Ю.А., Турен А. Критика Модерна // Социальные и гуманитарные науки: Реферативный журнал. Сер. 11: Социология. № 4. 1998. С. 30

коммерции. В этот период были созданы механизмы, благодаря которым европейский проект Модерна распространился по всему миру. «Глобализация является важным компонентом осмысления модерности, которая постепенно, хотя и с некоторыми значительными трудностями, установилась в Европе, начиная с освобождения экономической деятельности, выражающего ценности индивидуальной автономии, в большинстве стран в течение девятнадцатого века, и приведшего к первому периоду глобализации, тогда именуемой империализмом, и насильственной, часто весьма жесткой реакции на нее во время длительной войны двадцатого столетия (1914-1945 гг.)»¹³⁴. В политической сфере это проявилось, прежде всего, в форме территориально-политической модели нации-государства как основного на тот момент субъекта мировой политики, но стоит заметить, что создание наднациональных институтов также предвосхищало основную цель политического проекта модернизма в формировании универсальных условий для создания нового типа общества и миропорядка. Распространение модернистской модели проявлялось в формировании идентичных законодательных и административных институтов, которые были призваны обеспечить репрезентативность выражения «общей воли» (в терминологии ранних модернистов).

Однако «встреча» западного Модерна с незападными культурами привела к его закономерной трансформации. Эйзенштадт подчеркивает привлекательность западного Модерна, который достаточно быстро уничтожает основы традиционных обществ и интегрирует местные элиты в общемировую систему. Однако принятие части ценностей Модерна не всегда заставляет локальные элиты отказаться от других выгодных для них элементов национальной культуры и элементов ресурсного контроля потоков на контролируемой ими территории, вплоть до оппозиции к Западу¹³⁵.

Но необходимо соотнести сущность модернизма с приобщением к его ценностям незападных народов и вытеснения им традиционных ценностей, так как в обратном случае исследователь может попасть в тупик, *рассматривая модернизм как проявление европейской культуры, противостоящей восточному культурному коду.*

---

¹³⁴ Вагнер П. Политическая форма новой Европы, Европа как политическая форма.// Журнал социологии и социальной антропологии, № 2. 2009. С. 48

¹³⁵ See more: Eisenstadt S. Multiple modernities. Daedalus, №129. 2000. PP. 17-20

На самом деле модернизм изначально не нёс в себе нагрузку культурной ассимиляции или пропагандирования конкретной модели духовных ценностей, представляя совокупность технологий, которые способны преобразовать политическую, социальную, культурную реальность согласно требованиям рациональности и общепринятого эталона. С этой точки зрения, политический модернизм являлся угрозой для любой культурной системы (в том числе и для западной), так как культура в глазах модернистов была порождением старого порядка, который должен был быть заменён новой моделью общества.

Дилемма, на которую Эйзенштадт не даёт однозначного ответа, состоит в том, творят ли уникальные общества свой собственный, культурно невоспроизводимый вовне собственный модерн, или же под Модерном предполагается единая культурная программа? На данный вопрос попытался ответить шведский исследователь Б. Виттрок. В своей статье «Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние» Б. Виттрок придерживается той точки зрения, что даже европейские и другие западные страны никогда не имели общей унифицированной современной системы отношений. В анализе феномена «современность» Виттрок рассматривает сущностный аспект эпохи Модерна, проявляющегося к культурных, институциональных, политических, социальных и других срезах нового общества. В данной статье интересна мысль, что «вплоть до окончания первой мировой войны, когда-то именовавшейся Великой, практически ни в одной европейской стране не сложился тот политический строй, в котором сегодняшние теоретики видят символ современности, т.е. строй демократической нации-государства»¹³⁶. Подобное отношение к европейским политическим системам начала XX в. объясняется, прежде всего, институциональным подходом к проблеме «современности». Виттрок считает, что облик «современного» государства может проявляться только в институциональном соответствии требованиям, заложенным в XVII-XVIII вв.. Данный период для европейских государств является уникальным, так как тогда были созданы основные принципы «современности», представленные идеями общественного договора, нации-государства, всеобщего избирательного права и политического участия. Но и эти

---

¹³⁶ Виттрок Б. Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние//«Полис» («Политические исследования»), 2002, №1. С. 143

принципы не были полностью применены в европейских странах, что обесценивает стремление Запада обозначить свой тип политической системы как эталон для всего мира. «Значительная часть европейских стран отводит государству гораздо более важную роль в регулировании рынка и даже в определении порядка рыночных взаимодействий, нежели Северная Америка... Напротив, именно в некоторых из стран Северо-Западной Европы, по всем разумным основаниям входящих в число наиболее открытых в экономическом плане и демократических – в плане политическом, мы встречаем самую плотную сеть взаимодействий между экономическими, политическими и семейными институтами. Как раз там, а отнюдь не в авторитарной среде, гражданское общество и государство образуют однородную ткань взаимоподкрепляющих институциональных структур»¹³⁷. Приведённый пример описывает несоответствие параметров «современности» институтов внутри западной политической системы, указывая на индивидуалистические и коллективистские тенденции в институциональном развитии США и некоторых европейских государств. В то же время Виттрок отмечает, что и неевропейские государства переживали коренные преобразования, которые также могут быть рассмотрены с позиций «осовременивания» политической системы на различных этапах их истории.

Виттрок ставит перед собой задачу выявления существенных характеристик «современности» и их отношения к различным версиям политической философии модернизма в отдельных регионах мира. Он приходит к выводу, что в конечном результате «современность» является темпоральным понятием, повторяющемся в эпоху кардинальных изменений и трансформаций. Цель статьи Виттрока не соприкасается с анализом политической философии модернизма, так как во многих случаях принципы западной «современности» представлены как данность и большой прорыв в социальной и политической мысли за всю историю человечества. Таким образом, цель признания западными государствами своей политической системы и своих взглядов на международные отношения остаётся неясной и принимает в определённом смысле спонтанный характер, противостоя другим региональным традиционным или посттрадиционным политическим системам.

---

¹³⁷Виттрок Б. Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние//«Полис» («Политические исследования»), 2002, №1. С. 142-143

Необходимо отметить, что Ш. Эйзенштадт и Б. Виттрок большое значение придают культурному генезису модернизма как части европейской цивилизации и объясняют сопротивление модернистским идеям несоответствием национально-культурного кода с ценностями Модерна в различных регионах и странах мира. Но если обратить внимание на саму сущность проекта Модерна, можно обнаружить важные недостатки культурологического взгляда на несовместимость модернизма и национальных традиций, так как политическая философия модернизма изначально разрабатывалась как способ рационального конструирования социального и политического пространства. В данном случае культура являлась носителем субъективных идей и концепций, основываясь на таких формах культуротворчества как религия, искусство и миф. Этим объяснялось стремление модернистов рационализировать также и культуру, что по необходимости приводило к примитивизации данного феномена и создания культурной индустрии. «Все приобщенные к культуре (в конечном счете даже просвещенные люди от этого не ускользают или не ускользнут) имеют право не на культуру, а на культурную переподготовку»¹³⁸. Существование феномена «массовой культуры» отчасти доказывает возможность создания новой культуры или манипуляции этим понятием в рамках парадигмы модернизма. Комментируя противостояние Модерна и национальных культур часто обращаются к формуле «Запад уникален, но не универсален»¹³⁹, но такая аргументация не подходит для характеристики модернистского влияния. Неприятие модернизмом национально-культурных ценностей исходит из самой сути проекта Модерна и касается также и европейской традиционной культуры, как и других мировых регионов.

Культурное противоречие между ценностями Модерна и национальной традицией не мешает применять модернистские технологии со стороны незападных государств, оправдывая данное применение эффективностью решения современных глобальных и локальных проблем, стремясь также сохранить культурное многообразие. «Низкий старт развивающихся стран является фактором, обеспечивающим им глобальную конкурентоспособность в «плоском мире», давно

---

¹³⁸ Бодрийяр Ж. Общество потребления. «Культурная революция, Республика». М., 2006. С. 93

¹³⁹ See more: Huntington S. The West: Unique, not universal. Foreign Affairs magazine. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1996-11-01/west-unique-not-universal>

вышедшем за рамки наций-государств»¹⁴⁰. В то же время данные государства (Китай, Малайзия, Сингапур, Иран, Япония и многие другие), в конечном счёте, сталкиваются с институциональным кризисом, следующим за модернизацией социальных, политических и экономических институтов, так как противоречие между национальной культурой и инородной формой организации социального и политического пространства – как и конфликт между новой и старой институциональными системами – трансформируют институты общества. Таким образом, «множественность модернов» может быть связана с различной практикой применения модернистских идей в отдельных регионах мира и странах, но сущность политической философии модернизма при этом остаётся той же, не позволяя осуществить частичную адаптацию к модернистскому миропроекту.

Современные государства выбирают путь внедрения наиболее эффективных типов политических институтов и отношений, поэтому приобщение к модернистскому проекту происходит в рамках общепризнанных правил модернизационных процессов. Противостояние на международной арене представляет собой лишь поверхностную часть всех изменений, которым подвергается современное общества и местные элиты государств. Но технологии начинают влиять снизу, захватывая обыденное пространство человека и проникая все дальше по социальной и политической лестнице, поэтому наравне с глобальностью модернистских преобразований мы должны отмечать также роль технологий, пути приобщения к модернизации и риски.

Если представить связку «капитализм – проект Модерна – глобализация», то получается что само функционирование и внутренние механизмы капиталистической системы, рождая модернистский проект как щит для своей жизнеспособности и внедряя его идеи во все сферы жизнедеятельности человека, отводит международным отношениям второстепенный характер. Проект Модерна претендует на построение всего человеческого бытия, поэтому перестановки на мировой политической арене приведут к поверхностному эффекту, насколько бы этот «эффект» масштабным ни был. «Нет никакой необходимости делать выбор, а точнее, ни в коем случае не нужно

---

¹⁴⁰ Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. «Хранитель». М., 2007. С. 136

делать выбор между бессодержательным космополитизмом и бессердечной замкнутостью»¹⁴¹.

Многообразие подходов к построению социальных и политических отношений должно быть обосновано и признано другими акторами международных отношений. В процессе освоения современных достижений научного и социального прогресса общество должно воспринять и «легитимизировать» новый порядок своего существования. Проблема политического разнообразия напрямую связана с проблемой современного человека, так как человек должен быть способен сделать обоснованный и рациональный выбор для становления новых социальных и политических отношений. Под «обоснованным и рациональным выбором» подразумевается критическое восприятие реальности со стороны личности и понимания своего места в ней. Данный подход может служить полезным дополнением к переосмыслению технологической составляющей современного мира, которая усиливает процесс отчуждения человека и заменяет естественное функционирование общественных отношений «производственным».

3.2 ПРОЦЕСС МОДЕРНИЗАЦИИ КАК СПОСОБ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Политический проект Модерна имел свое продолжение в разработке теории модернизации и применении западного опыта на иной культурной почве, но политическая философия модернизма изначально имела более глубинное воздействие на построение современного общества, выраженное в противоречивости теории и практики процессов модернизации. Выйдя за рамки западной культурной и идейной традиции, проект Модерна трансформировался в более жесткую схему «современности», предоставляя различным государствам и обществам ограниченный набор вариантов реагирования на современные глобальные кризисы.

Модернизационная парадигма длительное время преобладала в анализе политического развития современных государств. Для социальных наук, как отмечал Ф. Фукуяма, теория модернизации являлась «парадигмой, направляющей (governing)

---

¹⁴¹ Герц .К. Польза многообразия // Thesis. Мирчеловека. М., 1993. С. 183

их исследования»¹⁴². Разработанная в 50-60-е гг. XX в. теория модернизации была неразрывно связана с актуальными политическими процессами, происходящими в мире после распада колониальных империй. Основой для разработки нового класса теорий в структуре западной политической мысли послужила необходимость в теоретическом (и в идеологическом) обосновании развития постколониальных обществ. Предложенная западная модель модернизационного развития должна была покрыть весь спектр проблем социального и политического развития в так называемых «развивающихся» странах.

Процесс переноса западного опыта на специфическое поле социальных, политических, культурных и экономических отношений показал многие негативные стороны модернизационной парадигмы, но вместе с этим весь мир проходил период глобальной унификации. Успешное экономическое развитие некоторых государств говорит о возможности совмещения уникальных особенностей незападных обществ и западных технологий. Если Модерн является политическим миропроектom по преобразованию мира на основе рационализации мирового пространства, то процесс модернизации является способом корректировки воздействия модернистских идей в прикладном поле. Таким образом, ставится вопрос соотношения глубинных механизмов развития современного общества в мировой перспективе и поведения некоторых государств, отвергающих гегемонию одной державы, но вместе с этим применяющих общие принципы развития и борьбы с вызовами Современности.

В данном контексте следует обратиться к концепции «индигенизации»¹⁴³, активно используемой С. Хантингтоном для объяснения некоторых парадоксов демократизации и модернизации незападных стран, когда демократические выборы национальных правительств приводят к антизападным настроениям, так как кандидаты вынуждены обращаться к националистическим и религиозным лозунгам для обеспечения и удержания политической власти¹⁴⁴. С. Хантингтон объясняет этот феномен кризисом западной цивилизации и кризисом модернизации как инструмента приобщения к универсальным ценностям, так как демократизация в незападных

---

¹⁴² Fukuyama F. The Modernizing Imperative // The National Interest. 1993, № 31. P. 11

¹⁴³ Индигенизация – термин, обозначающий локальные тенденции на культурное обособление и цивилизационную независимость. Индигенизация противоположна таким интегральным процессам как ассимиляция, глобализация, вестернизация, прозелитизм и пр..

¹⁴⁴ См. Хантингтон С. Запад уникален, но не универсален.// Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 8. С.90

культурах приводит, прежде всего, к самоизоляции и защите собственных интересов. Можно привести множество примеров, когда незападные государства или бывшие европейские колонии выбрали отличный от западного путь экономического и политического развития, что, в результате, способствовало процветанию того или иного государства, но политические элиты развивающихся стран перенимали западный опыт развития, формируя институциональную базу политической системы в соответствии с «уникальностью» национально-культурных особенностей того или иного народа. Защиту данной «уникальности» в этом случае можно ассоциировать с возможностью воспроизведения и удержания политической власти, так как культурные, религиозные и национальные особенности рассматривались и рассматриваются со стороны политических элит в качестве средства утверждения авторитарной власти.

Многие исследователи не согласятся с данным тезисом, так как заимствование научных технологий и процедур не обуславливают отказ от культурного наследия, что, в свою очередь, обозначает уникальный путь политического развития. Как утверждают российские исследователи В. Г. Буров и В. Г. Федотова: «Рациональное здесь – не декартовское, а конфуцианское. Тем, кому покажется, что это все вообще нерациональное, придется считаться с логикой автохтонного развития в посткоммунистических странах, прежде всего – России, в Китае, Индии, Бразилии и Индонезии»¹⁴⁵. Возникает вопрос: существует ли какая-либо «логика автохтонного развития»? Ведь большинство постколониальных и развивающихся государств были созданы искусственно в процессе колонизации и утверждения централизованного управления со стороны метрополий. Такие страны как Индия и Индонезия никогда не были едиными централизованными государствами в современных границах, поэтому логика современного политического и территориального развития этих государств могла быть внедрена со стороны колониальных метрополий извне¹⁴⁶. Влияние авторитарных способов управления колониальными владениями в большей степени перешла и к независимым государствам, так как «логика автохтонного развития» и культурного многообразия могла быть обоснована только в случае эволюционного развития таких государств как, например, независимый Джохорский султанат и

---

¹⁴⁵ Буров В.Г., Федотова В.Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика.// Вопросы Философии. 2007. № 5. С. 18

¹⁴⁶ См. Валлерстайн И. Существует ли в действительности Индия?// Логос. 2006. № 5. С. 3-8

Аченское княжество в Индонезии и Малакке или сохранения определенных допетровских устоев в России. Надо отметить также большое количество искусственно созданных, но экономически успешных государств, таких как Сингапур, Южная Корея, Малайзия и другие, которые были сформированы на обломках колониальных империй сравнительно недавно. Можно привести большое количество таких примеров, но специфическое культурное развитие традиционных обществ было нарушено именно в XVI-XVIII веках, дав старт началу широкомасштабной экспансии политического проекта Модерна.

Как отмечает профессор Л. Ширинян: «очевидно, что в этом случае, когда отрицается однолинейное представление о развитии, а также модернизации, и обеспечивается альтернатива культурно-цивилизационного восприятия общества, в большей степени обогащается теория и практика модернизации, появляется многообразие различных способов заимствования опыта и сохранения национальной идентичности»¹⁴⁷. Несмотря на многообразие различных территориально-политических образований в современном мире, можно отметить сходство целей и средств, связанных с проблемой эффективного управления. Культура, национальное самосознание и история – становятся определенным базисом правящей элиты для укрепления политической власти, поэтому многие молодые государства современного мира пытаются найти историко-культурное обоснование своего существования, искусственно создавая свое «прошлое», так же, как и европейские государства вплоть до XX века также создавали образ национального государства основанного на едином языке и единой культуре. При этом происходит формирование «национальной традиции», служащей формированию определенного «бренда», специфического символа государства и общества, имеющего изначально смысл маркетингового приема, а не формирования самосознания граждан страны. В этом случае «культура» становится представлением экзотического продукта для привлечения инвестиций в страну, что способствует инструментализации и примитивизации культуры в рамках универсального ценностного консенсуса. Модернистское понимание культуры больше не сопряжено с раскрытием творческого потенциала общества и формированием нового мышления, а нацелено на создание

---

¹⁴⁷ Շիրինյան Լ. Արդիականացման տեսության ու պրակտիկայի հիմնախնդիրներ (պրոյեկցիա դեպի Հայաստան). «Լինուշ», Եր., 2016. Էջ 33-34

самодостаточной рациональной системы всеобщего удобства и распределения ресурсов. В этом аспекте соотношение «культура и цивилизация – это живое тело душевности и ее мумия»¹⁴⁸ описывает в том числе и современный период развития человечества, где «цивилизация» соответствует современному проекту Модерна.

Подобный подход к культуре и истории как средству политического влияния объясняет существование авторитарного режима правления во многих молодых государствах Азии с интенсивно развивающейся экономикой, так как удержание государственного курса на фоне размывости национально-культурной идентичности становится проблематичным, а в частных случаях – как, например, в Японии – столкновение модернистских и традиционных устоев приводит к возрождению подавленных межрегиональных противоречий внутри страны.

В современных условиях процесс модернизации претерпевает постоянные трансформации, основанные на кризисе мировой капиталистической системы и отсутствии иной модели развития. Нужно понимать, что политические тенденции, существовавшие во второй половине XX – в начале XXI веков, потеряли свою динамику или трансформировались в трансполитическое проявление глобального институционального кризиса. Схема модернизационных процессов, о которой мы говорили выше, не соответствует ее современной версии, так как рефлексия кризиса модернистского проекта создает обратную картину. Модернизация в современных условиях становится процессом приобщения мирового политического пространства к изменениям капиталистической системы, то есть элиты западных и незападных государств формируют стратегию реагирования на кризис, основываясь на уже существующей схеме реагирования, а не на своем собственном видении проблем.

Культурное противоречие является наиболее видимым проявлением противостояния модернизма и традиционализма, в то время как институциональная форма реагирования и адаптации к требованиям современности формирует основу реалистического взгляда на роль модернизации в западном культурном ареале и в странах контрмодернизационной или «догоняющей» стратегий. Противостояние между элементами традиционного порядка и модернистской системы взглядов проявляется во всех сферах жизни общества, но основное противостояние происходит между старыми и новыми институциональными системами, хотя среди

---

¹⁴⁸ Шпенглер О. Закат Европы. «Мысль». М., 1993. С. 538

исследователей Модерна доминирует мнение об универсальности ценностной базы политического проекта Модерна, но отсутствия институциональной общности, так как институциональная основа Модерна претерпевает серьезную трансформацию в отличной от европейской культурной среде. Российский исследователь В. Мартьянов считает, что «пользуясь экономическими выгодами пребывания в миросистеме, открывающего им доступ к глобальным финансово-экономическим потокам, периферийные элиты часто лишь симулируют Модерн на институциональном и идеологическом уровне»¹⁴⁹. Принимая данную точку зрения, трудно согласится с той мыслью автора, что все-таки ценностная основа единства западного Модерна основана на либеральном консенсусе вокруг обоснования капиталистической системы¹⁵⁰, так как уже сегодня политическая конъюнктура создает условия для роста авторитарных тенденций внутри западного общества по причине социально-экономических, миграционных, демографических и других проблем. Безопасность становится ценностью неолиберального общества, деидеологизируя общество и определяя приоритетность выработки высоких технологий, лишенных культурного или нравственного наслоений. Ставится проблема противостояния распространению глобальных рисков. При этом Н. Луман утверждает, что основным критерием отличия риска от опасности выступает непосредственная причастность действий субъекта к возможному ущербу. Если потенциальный урон «привязывается к решению» и рассматривается как его последствие, тогда мы говорим о риске решения. Если же причины возможного урона обусловлены внешними факторами, иначе вменяются внешней среде, тогда мы говорим об опасности. Опасность – это то, «чему некто подвергается, независимо от того, действует этот некто или нет»¹⁵¹.

Субъективное происхождение риска связывает проблему модернизации с тенденцией «элитаризма» проекта Модерна, так как рациональное преобразование общества возможно только под контролем группы профессионалов, которые поведут за собой более активную часть населения. Для сравнения В. Ленин называл работу партийной элиты «сближающей и сливающей воедино стихийно-разрушительную

---

¹⁴⁹ Мартьянов В.С. Политический Модерн за пределами Европы: ценностное единство и институциональное разнообразие// Полития. 2010. №3. С. 55

¹⁵⁰ См. Там же. С. 54

¹⁵¹ Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. № 5. С. 152

силу толпы и сознательно-разрушительную силу организации революционеров»¹⁵², пренебрегая ролью общества и рядовых деятелей и называя их общим понятием «масса». При этом «элитаризм» ранних модернистов (Ф. Гизо, А. Де Токвиль, Дж. С. Милль и др.) также не очень отличается от схемы революционных изменений российских большевиков. Не разделяя неких общих политических целей, два идеологически чуждых лагеря прибегают к однородным принципам и технологиям социальных и политических изменений.

В работе «Великий разрыв» Ф. Фукуяма обращается к понятию «социальный капитал», которое легко подвергается операционализации и количественным измерениям, так как «адекватное измерение социального капитала требует принимать в расчет природу коллективной деятельности, на которую данная группа способна, что включает в себя: степень сложности выполняемых действий; ценность продукта, производимого группой; возможность производства продукта при неблагоприятных условиях»¹⁵³. Интересен тот факт, что проводится исследование социальных институтов через анализ способности общественных групп произвести продукт в виде определенного результата, то есть ценность социальной группы в данном случае определяется ее практической эффективностью. Такой подход проецируется также и на политические институты, формируя основное смысловое ядро модернистских идей. Освоение современности в процессе модернизации современного общества заключается именно в определении оптимальных вариантов производства и внедрения социальных и политических отношений, что создает прецедент процедурной основы существования современного политического дискурса, не нуждающегося в каком-либо идеологическом консенсусе.

Успешность экономических реформ объясняется сильной политической волей и адекватной оценкой со стороны политической элиты текущих международных и внутривнутриполитических процессов, но технологическое и процедурное заимствование определенных достижений Запада ведет к институциональному однообразию. Именно поэтому успех экономического развития имеет краткосрочный характер, так как видимое культурно-цивилизационное многообразие различных политических систем мира таит в себе отсутствие своего собственного «образа государственности».

---

¹⁵² Ленин В. И. Что делать?// Полное собрание сочинений. Государственное издательство политической литературы. М., 1963 г. С. 175

¹⁵³ Фукуяма Ф. Великий разрыв . «АСТ». М., 2003. С. 37

Политический режим определяется способами управления и освоения современных технологий управления, что может не касаться национальных или культурных особенностей того или иного региона. Модернистское мышление является доминирующим в процессе принятия политических решений по всему миру, так как мышление определяет те политические действия и решения, которые формируют государственный курс, а не популистские заявления об уникальности своего политического развития. Характеристика обществ, следующих азиатской модели контрмодернизации, отражена в формуле американского социолога Р. Мертон: «крайняя степень усвоения институционных требований ведет к ритуализму, при котором цель отбрасывается, как находящаяся за пределами достижимого, однако подчинение нравам продолжает поддерживаться»¹⁵⁴. Данная максима особенно подходит для модернизирующихся обществ и, в частности, для постсоветского пространства, где существование общества и человека завязано на стабильности или попытке построения эффективной политической системы. Тот же самый принцип работает и в западных государствах, так как политическая идеология и политические решения все больше подвергаются эффекту поляризации.

Современное состояние политической системы в незападных обществах представляет собой в большинстве случаев кальку колониального управления, так как политические элиты независимых государств вынуждены прибегать к тем же методам управления, которые были эффективны в колониальную эпоху с целью предотвращения внутренних конфликтов. Проблема власти и безопасности создает пространство нового мира, который одинаково опасен для всего человечества, так как изначальный процесс столкновения различных цивилизационных, культурных, институциональных, социальных и других моделей порождает в конечном счете «безликий» мировой порядок.

Особенностью современного государства и основной тенденцией его развития в будущем является прагматизм и манипуляция общественным мнением, так как культура превратилась не в цель существования народа, а в средство политики, в том числе и на международной арене. Надо понять, что речь идет не о противостоянии Запада и Востока, а о противостоянии идеи человека и технологии. Насколько бы

---

¹⁵⁴ Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) Москва, 1966. С. 307

философским ни был данный вопрос, сами западные страны, которые не так однородны, как может показаться на первый взгляд, страдают от неосмысленной «процедурной реальности», когда логика развития человека внедряется извне, разрушая органичность человеческой жизни и подчиняясь регулярным повторяющимся ритуалам. «Общество перестает быть собственно (исключительно) человеческим, преобразуясь в человеко-машинное. Не только община (community), а и общество (society) больше не современно. Вместо него возникает социотехническая система»¹⁵⁵.

Почему же проблема политического проекта Модерна может быть связана с философской проблемой человека, где политический срез исследования ясно не просматривается в рамках современных реалий? Ответ на данный вопрос заключается в восприятии модернизационных процессов, как переноса определенного технологического опыта на новую политическую и культурную почву, которая существует вне модернистской реальности и, как результат, не развивается в общепринятой системе. Подобный порочный круг кризисного существования, где все сферы переплетаются в трансполитический клубок, создает предпосылки политизации человеческой жизни и привнесения в нее «эффективности» как ценности, но в то же время формирует перспективы нового взгляда на социальную и политическую реальность. Человек, общество и государство больше не рассматриваются как части целого или сопряженные друг с другом реальности, потому что негативное понимание свободы создало предпосылки для формирования различных культов с приставкой «без»: безопасность и безответственность. Проект Модерна не смог сформулировать идеал современного человека, а данная проблема было попросту отброшена как угроза появления «новых» догм.

К. Поппер пишет, что «вследствие потери органического характера открытое общество может стать тем, что я хочу назвать «абстрактным обществом». Оно может в значительной степени потерять характер конкретной или реальной группы людей или системы таких реальных групп»¹⁵⁶. Исходя из этого, признается и бесперспективность существования подобного политического порядка, так как

---

¹⁵⁵ Кутырев В.А. Культура и технология: борьба миров. «Прогресс-Традиция». М., 2001. С. 77

¹⁵⁶ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. «Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива»». М., 1992. С.219

концепция «открытого общества», освобожденного от догматики и символизма, превращается в «закрытое общество одного индивида», замкнутую систему, которая не замечает внешний мир и пытается сформировать особую собственную «среду обитания». Здесь проблема заключается в отсутствии или сознательном замалчивании роли и цели существования человека в политике. Современной целью политики является реагирование на глобальные риски.

Риск приобрел характер постоянно учитываемого условия политической и повседневной деятельности. Современная эпоха лучше всего характеризуется генезисом и последствиями риска, когда риск объединяет все сферы современного общества, определяя беспомощность отдельного человека перед неизведанным будущим. «Распространение специализации сопровождается развитием современных институтов, а дальнейшее сужение областей специализации представляется неизбежным итогом технического прогресса. Чем более узкой становится специализация, тем более ограниченной оказывается область, в которой тот или иной индивид может претендовать на право быть экспертом; в других сферах жизни он будет находиться в той же ситуации, что и любой другой»¹⁵⁷. Такова логика современных процессов, которые формируются в одном пространстве, но оставляют эффект во всех остальных.

Под технологией подразумевается не только материальная основа технических приспособлений современного информационного и коммуникационного общества, но и сама «технологичность жизни», олицетворяющей процедурное повторение социальных и политических практик в повседневной и профессиональной деятельности. В политической сфере необоснованность процедур превращается в кризис и переходит в другие плоскости человеческого существования, поэтому политика представляется как всепроницающая сущность проекта Модерна. Современная политика касается всех сфер жизнедеятельности человека, хотя инструментарий и способы реализации политических решений могут быть заимствованы из других сфер, но это не отменяет исключительности политического фактора в становлении современных социальных и экономических институтов.

Современная политика создает определенные «правила игры» для социальных и экономических акторов с целью включения или ограничения доступа определенным

---

¹⁵⁷ Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. № 5.С. 119

группам к политическим и административным ресурсам. Именно поэтому выделяются экстрактивные и инклюзивные, авторитарные и демократические, инновационные и традиционные институты. Экономика, культура, национальная история, идентичность, образование, искусство – эти разнородные элементы становятся продолжением политики, устроенной на единообразных принципах, лишенных обращения к проблеме современного человека. Проект Модерна открыл большие возможности для научно-технического развития человечества и поиска новых моделей социальных и политических отношений, но в то же время крайний динамизм социально-политических изменений привел к разрыву между инновацией и традицией, теорией и практикой, прошлым и будущим, технологическим прогрессом и моральным развитием человечества. Будущие исследования Современности должны найти консенсус между многочисленными противоречиями, обозначив контуры альтернативного взгляда на государство и общество.

Процессы глобализации и модернизации выявили «проклятую» сторону проекта Модерна, став способом распространения глобальных рисков, а не универсальных ценностей. Сегодня, когда общественность развитых стран все более беспокоится из-за рисков глобализации, миграции и темпов изменений, приходится говорить о кризисе доверия общества к системе современных отношений вообще¹⁵⁸. Несмотря на изначальные либеральные предпосылки стирания границ и снижения роли государства, модернизация подготовила почву для ослабления всех политических институтов, запустив процесс авторитаризации и «секьюритизации» мирового политического пространства.

3.3 АРМЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ МОДЕРНА

Длительный процесс внедрения нового взгляда на общество и государство выявил универсальные и специфические особенности миропроекта Модерна, которые зависели от степени проникновения в социальную и политическую жизнь того или иного общества, а также готовности к принятию тех схем развития, которые предлагала политическая философия модернизма. Конфликт между инновацией и традицией определял внешний образ модернизационных преобразований, но

---

¹⁵⁸ Edelman Trust Barometer 2017. Executive Summary. URL: <http://www.edelman.com/executive-summary/>

внутренние проявления этого противостояния выражались в осмыслении национальной идентичности, роли человека в государстве, общественном сознании и т.д.. Элиты государств, отстающих в индустриальном и экономическом отношении, предлагали свою трактовку проекта Модерна, направленного на использование научно-технического потенциала для усиления политической мощи на международной арене, но ценности, формулируемые таким образом, по умолчанию привязывались к конкретным социально–экономическим реалиям.

До распада СССР общественные отношения строились именно по этому принципу: идеи коммунизма «жили» в социальных, политических, экономических и культурных особенностях общества, – поэтому процесс политического реформирования СССР без должной разработки новой экономической программы привел к распространению декларативных идей о демократизации общества и последующему росту конфликтности общества. Данные процессы можно охарактеризовать как противостояние двух позиций проекта Модерна: западной и «советской», – но, в отличие от советского модернизма, западный был основан на более устойчивом идеологическом основании, оправданном социальной практикой его применения, в то время как «советский» переживал постоянные кризисы, чуждые коммунистической идеологии линейного развития. «Кризис, с которым он сталкивался, являлся неизбежным результатом его претензий на преодоление другого кризиса, а поиски решения возникавших проблем существенно влияли на ход развития, но не привели к созданию жизнеспособных альтернатив преобладавшей модели»¹⁵⁹.

Продолжая научную традицию, российские исследователи (В. С. Мартьянов, Б. Г. Капустин и другие) представляют российский путь развития в современных условиях в качестве альтернативного проекта Модерна, поскольку в геополитическом и идеологическом поле Россия противостоит США в качестве региональной державы, как минимум. Но в то же время не поясняется роль других государств постсоветского пространства в проекте Модерна, соотношении политики независимых республик и современных глобальных вызовов. Таким образом, проводится анализ трансформации и демократизации государства и общества без учета динамики современных

---

¹⁵⁹ Арнасон Й. Коммунизм и модерн. // Социологический журнал. М., 2011. № 1. С. 25

глобальных и локальных процессов, связанных с институциональным кризисом как кризисом проекта Модерна.

Неодновременность глобального охвата политическим проектом Модерна различных государств и обществ мира коснулся и Армении, при этом армянское общество прошло через несколько этапов включения в проект Модерна. Два первых этапа проходили в рамках двух глобальных проектов: Российской империи и Советского Союза, – поэтому влияние проекта Модерна на армянское общества в эти промежутки времени могут рассматриваться вместе с комплексным взглядом на глобальные изменения, не отделяя национальный характер при всей специфике армянского национального пути развития.

Несмотря на противоречивость политической структуры и общественных особенностей в Российской империи, влияние политической философии модернизма наиболее ярко проявилось в петровских реформах и последующем противостоянии модернистских и традиционалистских ценностей. Это конфликт, распространяясь и на народы, населявшие Российскую империю, усугублялся противоречиями между национальными традициями и инновациями, хотя царские власти пытались «смягчить» социальные и политические последствия данного перехода.

Присоединение территории Восточной Армении к Российской империи ознаменовало начало освоения модернистских ценностей для части армянского общества и становлением первых социальных и политических институтов, отличающихся от традиционного управления. Но в Западной Армении (на территории Османской империи) и в некоторых армянских колониях (Индия, Польша) армянское население все больше приобщалось к идеям Просвещения. Свидетельством этому является широкая просвещенческая деятельность индийский и персидских армян, публикации первых проектов армянской конституции, расцвет армянской интеллектуальной мысли социально-политической направленности в XVIII-XIX вв.. В 1847 году особым фирманом османское правительство было вынуждено разрешить армянам избирать патриарха путем голосования и создать собрание депутатов. Уступив требованиям армянских ремесленников, Порты была вынуждена дать согласие учредить в Константинополе Армянское национальное собрание по принципу выбора депутатов как из числа крупной буржуазии и представителей духовенства, так и из других социальных слоев. А в 1860 году был принят

программный документ, который далее был назван конституцией и вошел в армянскую историческую литературу как «западноармянская конституция». Несмотря на то, что достижение подобных уступок национальным меньшинством в Османской Турции несомненно являлось общественно–политическим событием исключительного исторического значения, а также давало возможность на формальном уровне регулировать социальные и политические отношения в рамках западного армянства, армянское общество раздирали внутренние социальные противоречия, которые использовались со стороны османского правительства.

Такое положение наглядно показывает противоречие между старой системой политических отношений в Османской империи и модернистскими взглядами на структуру общества взаимосвязанными с национально-освободительными стремлениями армянского народа. Первые армянские политические партии (Арменакан, Гнчак, Дашнакцутюн) пытались сформулировать национально-освободительную программу армянского народа, но при этом предопределенные осознаваемыми межклассовыми различиями конфликтные процессы воспринимались представителями общественно–политических течений как дисфункциональные с точки зрения поддержания социальной интеграции и равновесия в армянском обществе¹⁶⁰. Здесь мы встречаем сочетание двух взаимонесовместимых принципов: стремление построения современного буржуазного общества и защита национальных интересов. В контексте становления проекта Модерна стремление к сохранению национальной идентичности во многом рассматривается как препятствие утверждения рациональной организации общества, освобожденной от культурных или этнических особенностей, поэтому противоречия внутри армянского общества сохранились и в новом виде на современном этапе развития.

Отношение царизма к армянскому населению на протяжении более восьмидесяти лет можно охарактеризовать постепенным переходом от традиционного управления местным населением в сотрудничестве с главами армянской церкви к включению армянских территорий под общий контроль светской администрации. С одной стороны, при анализе царской политики в Армении (как и в других регионах) мы сталкиваемся с систематической политикой универсализации социального и

---

¹⁶⁰ Аствацатуров С. В., Баблоян А. Г. Формы проявления социально–экономических конфликтов в Армении (XIX – XX вв.) // Вестник РАУ. Изд. РАУ. 2010. №1 (9). С. 76

политического пространства империи, но с другой – царские власти пытались балансировать, предоставляя национальным элитам определенную самостоятельность и привилегии в обмен на лояльность. Трансляция ценностей Модерна в этих условиях имела частичный и в целом вторичный характер, так как Российская империя в целом проходила через смену социальных и политических институтов, соответствующих модернистским стандартам, так как система управления в империи представляла собой смесь традиционных устоев и попыток социально–политических реформ. Внедрению «инновационных» моделей социальных и политических отношений во многом препятствовали политические устои Российской империи, что роднило ее с другими империями того времени.

Будучи полем различных противоречий, социальное и политическое пространство Российской империи трансформировалось согласно магистральному пути западного модерна, который создал уникальные примеры новых социальных и политических отношений, присущих Современности. Именно в этот период начали зарождаться те тенденции, которые актуализировались уже в наши дни. Асинхронный процесс приобщения наиболее развитых государств того времени к проекту Модерна способствовал разрушению старых социальных и политических отношений, но в то же время застойность политической конъюнктуры привело к трагическим событиям начала XX века. Жертвой этих событий стал также и армянский народ, пережив первый геноцид в истории человечества. Во многом факт геноцида также свидетельствует о кризисе проекта Модерна, претендовавшего на оптимальный вариант решения кризиса Нового времени и ставшего пространством демонстрации ужасающей стороны формальной рациональности общества. Проект лишился культурных и географических признаков, превратившись в глобальную схему рационализации мирового социального и политического пространства.

«Советский» модерн возник в условиях катастрофического крушения западного модерна в период Первой мировой войны. Эта альтернатива сформировалась в процессе глобального кризиса западного мира. «Могущественнейшее чувство, вызванное мировой войной, – писал Н. А. Бердяев о Первой мировой войне, – можно выразить так: конец Европы, как монополиста культуры, как замкнутой провинции земного шара, претендующей быть вселенной. Мировая война вовлекает в мировой круговорот все расы, все части земного шара. Она приводит Восток и Запад в такое

близкое соприкосновение, какого не знала еще история»¹⁶¹. Если «петровский проект» реформирования Российской империи был продолжением западного модерна на почве российской традиции, то «советский» проект следовал тенденциям Модерна, но противопоставлял себя западному миру. Проект Модерна выходил на более высокий глобальный уровень, постепенно освобождаясь от культурных и цивилизационных описаний.

Пережив катастрофы начала XX века и восстановив на небольшой срок независимость (1918-1920 гг.), Армения стала социалистической республикой в составе Советского Союза. Данный статус, несмотря на зависимый от Центра характер, стал основой для приобщения армянского общества к специфической советской политической культуре, отличающейся синтезом высоких революционных идеалов с активным социальным действием, историческим оптимизмом, несовместимостью с политической пассивностью, непримиримостью к буржуазной идеологии, строгим соблюдением политических норм государственной и общественной жизни и т. д.¹⁶². Советская политическая культура представляла сложное, многослойное, внутренне противоречивое образование, которое совмещало в себе общие признаки с национальными особенностями союзных республик. В Советской Армении продолжала развиваться национальная культура, но в то же время доминировали тенденции модернизации промышленности и гражданской жизни. Несмотря на жесткий авторитарный режим, в данный период в армянское общество вкладывались основные политические установки и ценности, связанные с процедурой выборности органов, артикуляции и агрегации интересов, социальной и политической мобилизации, а также формирования гражданского сознания. Противоречивость советской системы заключалась в широкой мобилизации населения для участия в политической жизни государства, но одновременно с этим проводилась практика безальтернативных выборов, фиктивной политической активности, что создавало предпосылки кризиса доверия политическим институтам со стороны населения. В условиях советского патернализма также развивалась система неформальных отношений, которая во многом заменяла неэффективность

---

¹⁶¹ Бердяев Н. А. Судьба России. Философское общество СССР. М., 1990. С. 119

¹⁶² См. Баталов Э. Я. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы) // ОНС. 1994. № 6. С. 31-41

формального действия советской системы, одновременно углубляя социально-политический кризис и застой общественного развития.

Новый этап проникновения модернистских ценностей на постсоветское пространство привел к имитации демократических институтов и утверждению применения неформальных практик во многих сферах общества, так как посткоммунистические общества не были готовы к кардинальным переменам. В этом случае инновация столкнулась с отсутствием осознания со стороны общества степени и важности изменений, предоставляя элитам возможность манипулировать общественным мнением с целью защиты личных интересов. Сложившаяся политическая ситуация во многих обществах представляет комплекс проблем, совмещающих советское историческое наследие, крах модернизационных программ по реформированию общества, а также, в случае Армении, угрозу возобновления военных действий, утверждение авторитарных настроений в обществе, рост эмиграции и новые угрозы. Параллельно с этим внутренняя логика модернизационных изменений и социально-политические изменения ведут к кризисным ситуациям внутри общества. Исходя из этого, независимые республики постсоветского пространства, проходя через процесс отказа от «советского» институционального наследия и углубления идейного вакуума в политической сфере, вынуждены лавировать в рамках глобальных изменений, реагируя на отдельные импульсы меняющейся социальной и политической реальности.

Республика Армения с провозглашением независимости столкнулась с большим количеством угроз, связанных с безопасностью армянского государства и нации в целом. В условиях карабахского конфликта и становления политической системы независимой республики существовала проблема трансформации политических институтов и их адаптации к новым условиям. Вхождение в общий международный дискурс глобализационных процессов, в свою очередь, создавало проблему сохранения идентичности и укрепления связи между армянским государством и диаспорой, так как «единым ключом успешного решения двух проблем: постсоветской трансформации и уточнение понятий идентичности, – является конструирование данных процессов на основе общей системы ценностей»¹⁶³. Общая

---

¹⁶³ Թորոպյան, Տ. Ս. Ինքնուրույն պահպանման խնդիրը տրանսֆորմացիան գործընթացներում// Լրաբեր Հասարակական Գիտություններ, № 1 . 2006. Էջ 5

система ценностей должна была выстраиваться на основе совмещения национальной традиции и инноваций, что могло бы подготовить население к дальнейшим изменениям, ведущим не только к позитивным результатам. «В результате от модернизации ждут, главным образом, дополнительных социальных благ, а не развития инновационной экономики»¹⁶⁴, но вместе с этим армянская политическая элита пошла по пути разработки и внедрения инновационных инструментов регулирования экономики без должной информационно-разъяснительной работы с населением республики. Попытка же построения «Армянского мира» с целью скачка к «постиндустриальному» этапу развития армянского общества столкнулась с реальностью глобального экономического кризиса 2008 г. и последующего экономического спада. Таким образом, армянское государство и общество под влиянием геополитических, внутривнутриполитических, экономических, культурных и ценностных особенностей осталось за рамками проекта Модерна. Нужно отметить, что всемирный экономический кризис способствовал «перманентной кризисной волне» в глобальном масштабе, так как кризис Модерна сформировал предпосылки «выхода» из него в рамках реформирования мирового порядка и социально-политических отношений вообще. Кроме того армянское общество совмещает модернистские ценности и приверженность национальной традиции, что делает армянское общество уязвимым для современных глобальных процессов. Можно сказать, что приобщению к политическому проекту Модерна «мешают» ценности и исторический опыт армянского общества, но стоит адекватно оценить преимущества утверждения проекта Модерна в армянском обществе в соотношении с потерей национальной идентичности в противоположность его укреплению.

Пытаясь подвести все этнические общности мира под одни стандарты, модернистский проект способствует разрушению традиционных структур общества, но при этом кризисное состояние «схемы преобразований» Модерна создает предпосылки для вырождения традиционных социальных связей в нечто искаженное. Третий этап приобщения к проекту Модерна в Армении характеризуется разрушением институционального наследия «советского» модернизма, то есть деиндустриализацией, развалом социальных групп и организаций. Меняется логика

---

¹⁶⁴ Соколова Т. В. Модернизация на постсоветском пространстве: социальный ракурс.// Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 11. С. 159

взаимоотношений в обществе, выраженная в потере научных школ, профессиональных кадров, в нарушении пропорций между различными социальными группами. Наряду с этим традиционные институты, способствовавшие в прошлом сохранению армянской нации, не способны адаптироваться к современным условиям, препятствуя развитию политической культуры и благоприятствуя неформальным отношениям внутри общества.

В этом контексте выбор между полупрезидентской, президентской или парламентской формами правления не представляется значимой проблемой для общества, сталкиваясь со «скатыванием» политической системы по умолчанию к авторитарному правлению и абсентеизму граждан. Кроме того «возможные альтернативы весьма немногочисленны и, по сути, ограничиваются парламентской, президентской либо полупрезидентской формой правления»¹⁶⁵, так как процесс трансформации современного армянского общества и его включения в политический проект Модерна обуславливают ограниченность возможных вариантов политического развития. В этом случае проблемы идентичности и политического реформирования становятся средствами манипуляции общественным сознанием и удержания власти. Кризис политического развития связан также и с отсутствием образа будущего Армении и всего армянства, поэтому ситуативность и самоизоляция являются наиболее характерными признаками политических процессов в республике на современном этапе. Возвращаясь к проблемам армянского общества, нужно отметить, что радикальные реформы начала 1990-х гг. не обеспечили адаптацию армянского общества к современным условиям, так как не был обеспечен плавный переход от ценностей советской политической культуры к новым социальным и политическим реалиям.

В Армении модернистский проект прошёл два этапа: советский и постсоветский, – показав несостоятельность применения универсалистских принципов модернизма на уникальной национально-культурной почве. «В результате процесса модернизации в РА сформировалась сложная структура элиты, часть которой, будучи заинтересованной в экономическом господстве и внедрении прибыльных технологий,

---

¹⁶⁵ Маркаров А. А. Институциональная трансформация в Армении в 1990-2010 гг. (Բնաստիտուցիոնալ փոխակերպումը Հայաստանում 1990-2010թթ.), «Բանբեր Երևանի համալսարանի», «Միջազգային հարաբերություններ, Քաղաքագիտություն», Երևան, 2011, С. 36

рационализирует политику организации общества. Этой силе противостоят сторонники национального единства и опыта, уникальности и сохранения общественных норм»¹⁶⁶. Для такого государства как Армения вызовы современности более болезненны, так как политическая и социальная система общества до конца не состоялась и переживает постоянные кризисы. «Модернизация захлебнулась и дала обратный ход, а процесс трансформирования вышел из-под контроля и стал разворачиваться по ситуативной схеме, согласно внутренней логике»¹⁶⁷. Естественно, в данном случае встаёт вопрос: способно ли сегодня армянское государство адекватно и эффективно реагировать на вызовы современности? Данный вопрос касается и уровня самосознания армянского общества как главной опоры построения современного армянского государства.

XXI век подготовил новые вызовы для армянского общества, которые наравне с угрозами прошлого века скрывают риски интеграции Армении в новые глобальные проекты. В рамках кризиса проекта Модерна возможно выбрать путь постепенного присоединения Армении к глобальной системе в статусе периферии или сформулировать особый взгляд на будущее, сочетающий сохранение национальной идентичности и укрепление общественных отношений.

Государства и общества, существующие в проекте Модерна «частично», могут использовать возможность прорыва в своем собственном развитии, став государством-медиатором между глобальными интеграционными проектами и используя национальный потенциал построения сетевого общества, независимого от территориальных особенностей, социального контроля и т.д.. Создание общих интеграционных проектов нуждается также и в осмыслении общего понимания мировых процессов и существования точек соприкосновения между государствами-партнерами в различных сферах. «Необходимо понять, что объединяет и что разъединяет народы и государства, которые хотят вступить в союз, понять шкалу их национальных интересов и взаимосовместимость этих интересов»¹⁶⁸.

---

¹⁶⁶ Մարգարյան Մ. Մ. Քաղաքական արդիականացման և զարգացման հիմնահարցեր: «Պետական ծախսություն». Երևան. 2004. էջ 243

¹⁶⁷ Погосян Г.А. Современное армянское общество: особенности трансформации. Изд. «Academia». М., 2005. С. 288

¹⁶⁸ Саркисян О.Л. Осмысление победы в Великой Отечественной войне в контексте современных интеграционных процессов.//Вестник РАУ. Изд. РАУ. 2015. №1 (19). С. 14

Республика Армения (а также Республика Арцах) могут принять участие в «преодолении» современного кризиса проекта Модерна, способствуя формированию нового мирового порядка основанного на глобальной многоуровневой системе управления. С одной стороны, построение новой «политической» парадигмы мирового развития может рассматриваться как процесс формирования новой альтернативы в рамках проекта Модерна при совмещении технологизации и гуманизации социальных и политических отношений. Но, с другой стороны, программа «сетевое общество» может стать губительной для концепции армянской государственности, так как отсутствие сильного государства и образа будущих социальных и политических отношений, вовлекающих все новые социальные страты в процесс принятия политических решений и формирование общей гражданской идентичности в Армении, обеспечит стагнацию и неэффективность институционального строительства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование Современности является одним из наиболее актуальных направлений философии, социологии, политологии и других гуманитарных наук. Данная работа представляет собой анализ политического измерения Современности как миропрокта, схемы развития современного государства и обществ. Современное социальное и политическое пространство является результатом многочисленных трансформаций, берущих свое начало в институциональном кризисе конца Позднего средневековья и начала Нового времени. Разложение феодальных отношений и увеличение роли раннебуржуазной прослойки создали предпосылки для переформатирования западноевропейского общества и поиска «рабочих» моделей отношений между властью и обществом в контексте новых политических и экономических обстоятельств, сначала в Западной Европе, а потом и во всем мире.

Становление политического проекта Модерна, несмотря на различные трактовки временных рамок, следует начинать с XVII в., так как основной толчок к смене мышления современного человека произошел именно в этот период через рационализм Р. Декарта, физику И. Ньютона, политической мысли Т. Гоббса и Дж. Локка, экспериментальной физики Г. Галилея и других выдающихся мыслителей Нового времени, повлиявших на становление мировоззрение современного человека. Кризис Позднего средневековья способствовал укреплению связи между политической мыслью эпохи и трансформацией образа государства и общества. Основными тенденциями общественного развития XIV-XVII вв. являлись секуляризация различных сфер жизни и установление централизованной политической власти. Борьба между духовной и светской властями на протяжении всего европейского Средневековья создала предпосылки для возвращения идеи национальных государств и, как следствие, четкого обозначения границ политической власти.

Радикальный пересмотр самосознания человека Нового времени как носителя нового мышления стало основным признаком начала становления проекта Модерна. С этого момента **инновация начинает противостоять традиции**, так как критическое мышление становится основным инструментом преобразования современного общества. Исходя из этого, в данной диссертации понятие «**проект**»

тракуется в качестве определенного «наброска-схемы» современного государства и общества, то есть обосновывается тезис о существовании общей модели развития, присущей современному обществу независимо от идеологических или культурных особенностей. Осмысление исторического измерения дает понимание текущих тенденций развития политического проект Модерна, указывая на совмещение двух основных темпоральных признаков проекта: «линейности» и «статичности». Эти два признака характеризуют внешнее проявление Модерна в виде восприятия истории как поступательно восходящего процесса развития, берущего свое начало в рамках особого «осевого времени» (XIV-XVII вв.), а также выражение внутреннего кризиса проекта Модерна в форме утверждения «статичности» схемы развития, основанного на ряде критериев, присущих современному образу общественного развития, и попытке соответствия им. Нужно отметить, что данные критерии могут варьировать в зависимости от степени развития общества, но в широком контексте они подчинены общим принципам, составляющим основу проекта Модерна как политического проекта Современности.

Рассматриваемые в работе принципы, вокруг которых строятся современные социальные и политические отношения, заложенные в самой сути современности как проекта, становятся источником влияния на социальную и политическую структуру различных обществ вне зависимости от культурных или цивилизационных различий. Основная проблема таких отношений заключается в утверждении миропроекта Модерна как отражения капиталистической миросистемы, которая уже давно вышла за рамки определенной модели экономического развития, став особым типом мировоззрения. Для раннекапиталистических отношений, сформировавшихся в рамках колониальной экспансии европейских держав и продолжающейся унификации мирового пространства, проект Модерна послужил парадигмальным обоснованием капитализма, кризисного потенциала постоянных изменений современной миросистемы и общим пространством развития Современности как таковой.

Подобный всеобъемлющий образ Современности не представляет попытку гипостазирования последней, так как **начальная предпосылка построения социальных отношений на основе некоторого объективного знания была выражена в общей схеме проекта Модерна, которая, несмотря на западную цивилизационную основу, приобрела нейтральный характер вследствие**

многочисленных кризисов и трансформаций в контексте проекции модернистских моделей развития на незападной культурной почве в дальнейшем.

Политические концепции Нового времени благоприятствовали рассмотрению социальных и политических отношений в качестве созданной человеком реальности и, как следствие, допускалась возможность конструирования данных процессов на основе определенных теоретических наработок, направленных на создание нового типа общества. Социальные, политические, экономические и культурные изменения в период Позднего средневековья давали такую возможность для западноевропейского общества, которое смогло впоследствии воспроизвести определенную систему универсальных нормативов, повлиявших на облик Современности и всего человечества. Эти общие принципы проекта Модерна представляют собой процессы, направленные на использование определенных общих социальных и политических практик, способствующих прогрессивной динамике изменений современного общества.

Обращаясь к теории мир-системного анализа Ф. Броделя и И. Валлерстайна, мы проецировали данную концепцию на миропроjekt Модерна как отражения современной капиталистической «мир-экономики». Тесная взаимосвязь между политическим проектом Модерна и капиталистической системой объясняется истоками политической философии модернизма и историческим контекстом его развития. Ф. Бродель говорит о стремлении к универсализму европейской «мир-экономики», но в то же время отмечает существование других «мир-экономик» с глубокой древности. **В отличие от этого взгляда на глобальные макроэкономические связи концепция миропроекта Модерна основана на применении определенного набора технологий для изменения социального и политического пространства и осознании ключевой роли технологий в жизни современного общества.** Историческая связь между Модерном и капитализмом объясняется наибольшим соответствием кризисного потенциала капиталистической системы и модернистского проекта как периодически саморазрушающихся систем. Таким образом, миропроjekt Модерна является сложным конструктом, определяющим развитие современного общества во всех сферах его жизни и организующим политическое пространство Современности на глобальном и локальном уровнях.

Раннебуржуазные революции, продлившиеся с XVI века вплоть до «Весны народов» 1848-1849 годов, расшатали фундамент старого здания средневекового государства, расчистив путь для становления новой универсальной формулы государственного устройства, представленного безликим образом государства Модерна и господства бюрократического аппарата как внутреннего механизма господства политических элит. Выделение общего понятия «государство» для всех исторических и пространственных форм территориально-политических образований послужило предпосылкой для практического применения данного концепта для уравнивания позиций различных государственных образований вне зависимости от их культурных, традиционных и других особенностей. Причиной этого являлось противостояние между раннебуржуазным слоем и государством в Западной Европе, что со временем трансформировалось в неприятие старого типа государства, создав предпосылки для формирования новых концепций государственного устройства и отношений между гражданами и государством.

В дальнейшем наличие научного обоснования универсальности понятия «государство» для различных государств и народов современного мира предоставило возможность создания схожих механизмов институционального строительства в незападных государствах, что оправдывало многолетний опыт модернизации традиционных обществ по западной модели с целью институциональной унификации социального и политического пространства в мировом масштабе. Проблема концептуализации понятия «современное государство» и исходящие от этого сложности адекватного отражения политической действительности в различных регионах мира делает концепт национального государства наиболее жизненно способным для современных условий глобального кризиса. Концептуализация понятия «государство» стало одной из основных черт модернистского взгляда на мир, направленного на универсализацию и рационализацию политического и социального пространства, так как безликий образ государства строился на понятийных категориях организации, управления, рационализации жизни и воспроизводства конкретных социальных практик современного общества. Попытки создания устойчивых систем международных отношений, завершившихся Ялтинско-Постдамским миропорядком, стали основой современного этапа кризиса проекта Модерна по причине постоянных социальных и политических потрясений.

Современный институциональный кризис создает условия для формирования сильного централизованного государства или блока государств, которые смогут ответить на глобальные вызовы Современности, возвышая культ безопасности как высшей ценности будущего.

Современность представляется в качестве состояния постоянного кризиса, определяющего существование двух тенденций развития современной социально-философской мысли: с одной стороны, выдвигается тезис неустойчивости и неопределенности современных социально-политических процессов, а с другой стороны, приводится мысль о возможности влияния человека на данные процессы. Эти две тенденции характеризуют кризис эпохи Модерна как период «регрессивных» институциональных изменений, когда внедрение определенных технологий организации общественных отношений сталкиваются с разрывом социальных связей и отсутствием переходных альтернатив развития. Политический модернизм приобрёл технологическое очертание в виде универсальности своих ценностей, тотальности их применения и стандартизации установок для любого типа общества. Но, опять же, не правильно сужать модернистскую парадигму до технократии в современном мире, так как она повлияла на комплексный облик современного государства и общества. Главными ценностями современного общества стали эффективность и безопасность.

Исходя из этого, нельзя отождествлять проект Модерна с господством какой-либо идеологической установки в том или ином обществе. Реакция на кризис проекта Модерна в виде роста тоталитарных режимов в XX веке и постмодернистская политическая философия не создали альтернативного взгляда на построение современного общества. Тоталитарные режимы радикализировали модернистские принципы организации общества (усиленный государственный контроль, концентрационные лагеря, попытки научного обоснования социальных или расовых различий, массовая мобилизация населения и т.д.), в то время как постмодернистская философия заняла позицию всеобщего отрицания классического и модернистского наследия.

В обоих случаях использовались принципы политического проекта Modernity. Так, «социалистический» проект Модерна противопоставлял себя западному типу, который пребывал в глубоком кризисе, но вместе с этим развитие социальных,

политических, экономических и других институтов подчинялось логике основных модернистских тенденций, таких как: формальная рационализация (как экономической сферы, так и политической), стандартизации, тотальности государственного регулирования и т.д..

Кризис глобализации привел к новому витку кризиса миропроекта Модерна, так как попытка построения глобализированного мира привела к ужесточению позиций национальных государств и отмежеванию интеграционных блоков. На данном этапе можно констатировать продолжение развития основных тенденций проекта Модерна, хотя разделение на «модерн», «постмодерн» или «неомодерн» современной системы международных отношений является условным разделением различных трендов мировой политики в тот или иной период истории. Сущностные характеристики политического мышления на международной арене и во внутренней политике соответствовали модернистскому проекту, чему свидетельством являются попытки создания «полицентричного» мирового порядка и возвращение к национальному государству, несмотря на то, что укрепление национального государства является краткосрочным эффектом кризиса глобализации. Основной реакцией на кризис глобализации является необходимость построения трансрегиональных интеграционных проектов с целью противостояния глобальным политическим и экономическим угрозам.

Исходя из результатов данного исследования, отсутствие новых концептуальных моделей, объясняющих современные процессы реформирования международных и внутривнутриполитических отношений, обусловлено неспособностью разработки новых подходов со стороны научного сообщества, что является следствием усиления динамических процессов в социальной и политической сфере. Причиной тому служит длительный процесс разрушения традиционного устройства и стабильного развития общества и государства.

Поиск альтернативы развития современного общества предпринимался также и в рамках проекта Модерна, отразившись в содержании концепции «множественных модернов». Основная идея данной концепции заключается в существовании «множественной современности» как культурно различной в области ценностей, противостоящим единству базового ценностного (западного) ядра Модерна. В этом контексте подразумевается возможность «национальной» интерпретации

политического проекта Модерна в различных обществах мира, сводя состояние Модерна к цивилизационным и культурным различиям между Западом и остальным миром. Несмотря на это, культурных различий недостаточно для объяснения множественности социальных и политических институтов, если таковая налична. Освоение Современности означает ослабление влияния значимых для традиционных обществ факторов культурной и моральной регуляции и рост формальной рационализации общественных отношений. С другой стороны, политические и экономические институты Модерна основаны на совмещении сложного политического сообщества (партии, классы, элиты), наслаиваемого на первичные и традиционные социальными структуры (семьи, род, клан, община), которые постепенно отмирают или служат культурным фоном, основанном на кризисном состоянии этих институтов и возрастающей аномии в обществе.

Таким образом, культурные различия не являются достаточной причиной для появления «альтернативных» проектов Современности, так как миропроjekt Модерна представляет собой универсальную модель, основанную на внедрение современных социальных и политических институтов, что может вызвать неодновременный эффект включения в Современность и, как следствие, вызвать реакцию в виде отрицания местными элитами существования универсальных ценностей. Вместе с этим элиты вынуждены использовать современные институты и технологии управления и организации обществом для достижения краткосрочных успехов в социально-экономической сфере, пребывая в постоянном кризисном положении по причине отсутствия моделей стратегического развития и собственного взгляда на будущее. Такое состояние можно обозначить как синдром «молодого государства», когда современные государство и общество вне зависимости от многовекового исторического прошлого существуют в контексте постоянных изменений и кризисов, ситуативно реагируя на глобальные вызовы. В этой ситуации смена элит, правительств или краткосрочный военный конфликт могут послужить основой для реформирования социальных и политических институтов. Набор принципов миропроекта Модерна дает такую возможность, так как «технологическое» восприятие общественных отношений ведет к попыткам постоянного пересмотра прошлого опыта и конструирования нового общества. Вместе с этим нестабильность политического развития в современном мире обусловлена отсутствием

привлекательного образа общего будущего для всего человечества или отдельно взятого общества.

Одним из основных выводов диссертации является проблема отсутствия целостного образа современного человека и невнимание к проблеме отчуждения человека в современных социальных и политических условиях. Именно с этим связана необходимость формирования привлекательного образа будущего, так как создание подобных концепций связано с «возвращением» человека в политическое пространство. Проект Модерна изначально служил образом подобного будущего, но постепенная трансформация модернистских схем и исключение человеческой проблемы из политического измерения привели к утверждению общих принципов Модерна. Поиск «альтернативного» общественного развития для человечества сталкивается также с проблемой внутренней логики развития незападных государств, которые представляют собой искусственное и «элитарное» образование. Эта логика скрывается в желании местных элит приобщиться к универсальному проекту Современности, сохранив монополию на контролируемые территории и ресурсы, а также пользуясь «благами» Модерна при относительной независимости.

В этих условиях институциональная основа современного общества становится главным стержнем модернистского проекта, формирующего универсальное пространство Современности, независимое от культурных различий. В рамках политического проекта Современности уже заложены правила и принципы приобщения различных обществ к этой самой Современности. В этом цикле заключен весь смысл кризисного состояния современного социального и политического пространства, замкнутого в себе. Выход из этого цикла на современном этапе развития чреват катастрофическими последствиями, поэтому нынешние политические элиты пытаются сохранить старую систему стабильности на глобальном и локальном уровнях.

После распада СССР независимые республики встали перед выбором своего дальнейшего развития, так как переход от «советского» модерна к универсальному грозил построением новых социальных и политических отношений с нуля. Вместе с этим многочисленные внутривнутриполитические и этнополитические конфликты формировали образ будущего для независимого государства и его место в современных международных процессах. Попытки постсоветских государств встать

на путь приобщения к глобальному проекту Модерна в итоге закончились сменой внешнеполитического дискурса и распадом постсоветского пространства как возможного концепта будущего глобального проекта. В свою очередь, кризис глобализации привел к становлению новых трансрегиональных интеграционных проектов, основанных, прежде всего, на экономической интеграции.

В работе представляется важность формирования новых подходов международной политики в рамках современных трансрегиональных проектов и значимой роли малых государств в вопросах решения межгосударственных конфликтов и поддержания партнерских отношений между глобальными и региональными сверхдержавами. Регионы-медиаторы, представляя собой территориально-политические образования, обладающие потенциалом совмещения различных геополитических интересов, культурных различий и специфических видов международных отношений, могут стать главными проводниками интеграционных процессов будущего.

Таким потенциалом обладает армянское общество, хотя нестабильное развитие в период независимости и запоздалое приобщение к проекту Модерна сначала в рамках Российской империи, а потом и Советского Союза, создали предпосылки формирования сложной внутривнутриполитической структуры армянского общества, связанной с попытками освоения Современности. Кроме того, специфическое историческое развитие армянского народа и сильное влияние традиционных устоев стали основой для противостояния инновации и традиции как внутри армянского общества, так и замыкания на региональных внешнеполитических проблемах.

Частичное освоение Современности делает армянское общество уязвимым для рисков и интеграции в глобальные проекты, но в то же время «турбулентное» состояние международной обстановки дает возможность формирования нового взгляда на международные отношения. Государства и общества, существующие в проекте Модерна «частично», могут использовать возможность прорыва в своем собственном развитии, став государством-медиатором между глобальными интеграционными проектами и используя национальный потенциал построения сетевого общества (при наличии связей с диаспорой), но только при наличии сильной государственности и разработки комплекса реформ, направленных на укрепление связи «человек-общество-государство». Формирование глобальных интеграционных

проектов нуждается также и в осмыслении общего понимания мировых процессов и существования точек соприкосновения между государствами-партнерами в различных сферах. Республика Армения (а также Республика Арцах) могут принять участие в «преодолении» современного кризиса проекта Модерна, способствуя формированию нового мирового порядка основанного на глобальной многоуровневой системе управления.

Главный вывод диссертационного исследования заключается в том, что миропроjekt Модерна представляет собой основную политическую парадигму Современности, в рамках которой возможные альтернативы развития «множественных модернов» теряют свою актуальность по мере углубления кризиса международных отношений и внутренней политики. Анализ данной проблемы выходит за рамки идеологической или культурно-цивилизационной трактовок проекта Модерна в качестве западного концепта, так как в современных условиях современные государства и общества вне зависимости от культурных различий подчиняются общим принципам глобального развития. Причины современного институционального кризиса заложены в «технологической» сущности проекта Модерна, обуславливающей постоянные изменения социального и политического пространства. В этом контексте политическое развитие любого общества обречено на цикличность преобразований в схеме «развитие-откат» вне стратегической «плоскости» принятия решений до тех пор, пока кризис проекта Модерна не будет преодолен.

Вопрос осмысления глобальных процессов прошлого и создания нового взгляда в будущем остается открытым, так как выход из кризиса проекта Модерна обусловлен переосмыслением социальных, политических, культурных и экономических отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир// Сравнительная политика. М., 2014. № 5(1(14)). С. 4-21.
2. Арнасон Й. Коммунизм и модерн.// Социологический журнал. М., 2011. № 1. С. 10-35.
3. Аствацатуров С. В., Баблоян А. Г. Формы проявления социально–экономических конфликтов в Армении (XIX – XX вв.)// Вестник РАУ. Изд. РАУ. 2010. №1 (9). С. 65-84.
4. Аттали Ж. Карл Маркс. Мировой дух. «Молодая гвардия».М., 2008. 410 с.
5. Баталов Э. Я. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы) // ОНС. 1994. № 6. С. 31-41.
6. Бауман З. Индивидуализированное общество.// Пер. с англ. под ред. В.Л.
7. Бек У. Общество риска: На пути к иному модерну. «Прогресс-Традиция». М., 2000. 384 с.
8. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. «Academia». М., 1999. 956 с.
9. Беляева, Е. В. Мораль «модернити» в этике Канта // «Свободная мысль: Центр исследований постиндустриального общества». М., 2009. № 4. С. 183-194.
10. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. Изд. РОССПЭН. М., 1998. 416 с.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. «Медиум». М., 1995. 323 с.
12. Бердяев Н. А. Судьба России. Философское общество СССР. М., 1990. 240 с.
13. Берлин И. Философия свободы. Европа / Предисловие А. Эткинда. Новое литературное обозрение. М., 2001. 448 с.
14. Боден Ж. Метод легкого познания истории.//перевод с латинского М. С. Бобковой. «Наука». М., 2000. 412 с.
15. Бодрийяр Ж. Общество потребления. «Республика». М., 2006. 269 с.
16. Бродель Ф. Динамика капитализма. «Полиграмма». Смоленск. 1993. 128 с.
17. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. Время мира. «Прогресс». М., 1992. 678 с.
18. Буров В.Г., Федотова В.Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика.// Вопросы Философии. 2007. № 5. С. 7-20.
19. Бэкон Фрэнсис. Новая Атлантида // Бэкон Ф. Соч.: В 2-х т. «Мысль». М. 1978. Т. 2. 575 с.
20. Вагнер П. Политическая форма новой Европы, Европа как политическая форма.// Журнал социологии и социальной антропологии, № 2. 2009. С. 21-57.
21. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI в. «Русский фонд содействия образованию и науке». М., 2015. 592 с.
22. Валлерстайн И. После либерализма. «Едиториал УРСС».М., 2003. 256 с.

23. Валлерстайн И. Существует ли в действительности Индия?// Логос. 2006. № 5. С. 3-8.
24. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем.; сост., общ.ред. и послесл. Давыдова Ю. Н. «Прогресс». М. 1990. 808 с.
25. Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии. // Политические работы 1895-1919. М., 2003. С. 107-247.
26. Визгин В.П. Кризис проекта модерна и новый антропотеокосмический союз // Философия науки и техники. 2002. №1. С. 176-200
27. Виттрок Б. Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние//«Полис» («Политические исследования»), 2002 , №1. С. 141-159.
28. Герц .К. Польза многообразия // Thesis. Мир человека. М., 1993. С. 168-184.
29. Гидденс Э. Последствия современности. «Праксис». М., 2011. 352 с.
30. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // «Thesis». № 5. 1994. С. 107-134.
31. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь.«Весь мир». М., 2004. 120 с.
32. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. // Сочинения в 2 т. Т. 2. «Мысль». М., 2001. С. 3–545.
33. Гоббс Т. О гражданине // Основы философии. Часть 3. Сочинения в 2 т. Т.1. «Мысль». М., 1989. С. 270-506.
34. Головашина О. В. Модернизация как Европейский проект: линейная модель времени и трансформация социально-экономической системы// Fractal Simulation. 2012. №2 (4). С. 26-44
35. Головашина О. В. Проект Модерн в России и специфика российского Просвещения// Социально-экономические явления и процессы. 2013. №9 (055). С. 171-178
36. Данте А. Монархия.// Малые произведения. / под редакцией Голенищев-Кутузова И.Н. «Наука». М., 1968. С. 227-274
37. Дунамалян Н.А. Роль систем региональной безопасности в контексте глобального институционального кризиса и становления региональной идентичности. // Материалы международной научной конференции «Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов (междисциплинарные аспекты)». Ер., 2015г. С. 249-255
38. Дьюи Дж. Общество и его проблемы. «Идея-Пресс». М., 2002. 160 с.
39. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. «Канон». М., 1996. 432 с.
40. Егоров А. Б. Кризисы в истории Рима (события и проблемы)// «Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова». Вып. 12. СПб., 2013. С. 346-365.
41. Жоль К.К. Тернистый путь рационализма. URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/zhol-racionalizm/zhan-boden.htm>.
42. Ильин М. В. Формула государственности// «Полития» № 3 (50) 2008. С. 67-78.

43. Иноземцев В.Л. На рубеже эпох: Экономические тенденции и их неэкономические следствия. «Экономика». М., 2003. 776 с.
44. История политических и правовых учений: Средние века и Возрождение.// под ред. Нерсисянца В.С. «Наука». М., 1986. 736 с.
45. Кант И. К вечному миру. Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: <http://www.civisbook.ru/>
46. Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. Изд. РОССПЭН. М., 1998. 308 с.
47. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Изд. ГУ ВШЭ. М., 608 с.
48. Кимелев Ю.А., Турен А. Критика Модерна // Социальные и гуманитарные науки: Реферативный журнал. Сер. 11: Социология. № 4. 1998. С. 10-27.
49. Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени»)//Отечественные записки. М., 2004. № 5 (20). URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/mozhem-li-my-rasporyazhatsya-istoriey-iz-knigi-proshedshee-budushchee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni>
50. Констан Б. О свободе у древних в её сравнении со свободой современных людей. // «Полис». № 2. 1993. С. 97-106.
51. Конт О. Дух позитивной философии. URL: <http://comte.newgod.su/lib/duh-rozitivnoj-filosofii>
52. Кравченко А. И. Социология Макса Вебера: труд и экономика. «На Воробьевых». М, 1997. 208 с.
53. Кравченко С.А. Модерн и постмодерн: «старое» и новое видение// «Социологические исследования». М., 2007. № 9. С. 24-34.
54. Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации.// Сравнительная политика. 7(2(23)), М. 2016. С. 14-24
55. Кук Ф. Модерн, постмодерн и город.// Логос. 2002. № 3. С. 1-18.
56. Кутырев В.А. Культура и технология: борьба миров. «Прогресс-Традиция». М., 2001. 238 с.
57. Лапкин В.В. Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений. Изд. ИМЭМО РАН М., 2012. С. 173 – 190
58. Ленин В. И. Что делать?// Полное собрание сочинений. Государственное издательство политической литературы. М., 1963 г. С. 1-192.
59. Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн?/Пер. с французского А. Гараджи. URL: <http://pravaya.ru/ks/17286>
60. Локк Дж. Два трактата о правлении. 1689. // Сочинения в трех томах: Т. 3. «Мысль». М., 1988. 668 с.
61. Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. № 5. С. 135-160
62. Макиавелли Н. Государь.// Сочинения. Изд. ЭКСМО-Пресс. М., 2001. С. 47-122.
63. Маркаров А. Институциональная трансформация в Армении в 1990-2010 гг. (Դնստիտուցիոնալ փոխակերպումը Հայաստանում 1990-2010թթ.), "Բանբեր

- Երևանի համալսարանի", "Միջազգային հարաբերություններ, Քաղաքագիտություն", Երևան, 2011, С. 35-47
64. Маркузе Г. Одномерный человек. «REFL-book». М., 1994. 368 с.
65. Мартьянов В. С. Модерн продолжается?// «Полис. Политические исследования». 2012. № 3. С. 108-122.
66. Мартьянов В.С. Политический Модерн за пределами Европы: ценностное единство и институциональное разнообразие// «Полития». 2010. №3. С. 54-65.
67. Мертон Р. Социальная структура и аномия.// Социология преступности (Современные буржуазные теории) Москва, 1966. С. 299-313.
68. Милль Дж. Ст. О свободе / Пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. М., 1993. № 11. С. 10-15.
69. Мирумян Р. А. Историческое сознание как фактор преодоления темпорального растворения национальной идентичности (концептуальный аспект). // Материалы международной научной конференции «Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов (междисциплинарные аспекты)». Изд. РАУ. Ер., 2015г. С. 273-277.
70. Мирумян Р.А. У истоков политического модернизма: к вопросу о формировании политического проекта Modernity (методологические аспекты).// Сборник научных статей РАУ. № 1, Ер., 2007. С. 65-78.
71. Мирумян Р.А., Дунамалян Н.А. Основные векторы развития политического проекта Modernity: проблема «множественности» модернов и риски модернизации.// Вестник Университета Месропа Маштоца (Сборник научных статей). Степанакерт. 2014. С. 110-122.
72. Мирумян Р.А., Дунамалян Н.А. Проблема «современности» как политического проекта. Международный научно-исследовательский журнал. (Часть 3). Екатеринбург. 2014. № 2(21). С. 121-122.
73. Моргантау Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир // Социально-политический журнал. 1997. № 2. С. 189-201.
74. Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания. «АСТ». М., 2003. 272 с.
75. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс.// Избранные труды: Пер. с исп./ Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. «Весь Мир». М., 1997. С. 43-164
76. Ортега-и-Гассет Х. История как система.//Избранные труды. «Весь Мир». М.,1997. С. 437-480
77. Основные философские направления и концепции науки и технoзнания: хрестоматия / сост.: В. Н. Михайловский, А. И. Тимофеев, М. Л. Бурова, А. М. Емельянова и др. СПб., 2006. С. 94-116
78. Погосян Г.А. Современное армянское общество: особенности трансформации. «Academia». М., 2005. 324 с.
79. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. «Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива»» М., 1992. 448 с.

80. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46-52.
81. Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права. «Канон-пресс». М., 1998. 416 с.
82. Саркисян О.Л. Осмысление победы в Великой Отечественной войне в контексте современных интеграционных процессов.//Вестник РАУ. 2015. №1. С. 12-18.
83. Сартори Д. Искажение концептов в сравнительной политологии (I). // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 67-77.
84. Скотт Дж. Благими намерениями государства./ Пер. с английского Э.Н. Гусинского, Ю.И.Турчаниновой. Университетская книга. М., 2005. 568 с. URL: http://krotov.info/lib_sec/18_s/sko/tt_s_0.htm
85. Сморгунов Л. В. Управляемость в условиях неопределенности. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2560#top-content
86. Соколова Т. В. Модернизация на постсоветском пространстве: социальный ракурс.// Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 11. С.157-160.
87. Степанова Е. А. Теории секуляризации в «Проекте модерна»: возможности и границы // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2009. №9. С. 54-73.
88. Сушенцов А. Сирийский кризис: почему не работает дипломатия. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/siriyskiy-krizis-pochemu-ne-rabotaet-diplomatiya/>
89. Тесля А. А. Абсолютизм государства. Политическая философия Томаса Гоббса. 2006 г. URL: http://krotov.info/lib_sec/19_t/tes/lya.htm
90. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. «АСТ». М., 2011. 318 с.
91. Токвиль А. де. Старый порядок и революция./ Пер.с фр. М.Федоровой. Московский философский фонд. М., 1997. 253 с.
92. Тоффлер О. Футурошок. «Лань». СПб., 1997. 461 с.
93. Турен А.. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. Научный мир. М., 1998. 204 с.
94. Фёдорова М.М. Метаморфоза «свободного индивида»: Заметки о формировании проблемного поля политической философии в XIX веке. // «Полис». № 5. 1994. С. 76-88.
95. Фёдорова М.М. Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX века. Изд. ИФРАН. М., 1997. 204 с.
96. Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. «Хранитель». М., 2007. 608 с.
97. Фромм Э. Бегство от свободы. «АСТ Москва». М., 2009 г. 284 с.
98. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. «А-сад». СПб., 1994. 408 с.
99. Фукуяма Ф. Великий разрыв . «АСТ». М., 2003. 474 с.
100. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. «АСТ-Москва». М., 2004. 588 с.

101. Хабермас Ю. Политические работы. «Праксис». М., 2005. 368 с.
102. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. «Весь Мир». М., 2008. 416 с.
103. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. «Фолио». Харьков, 2003. 503 с.
104. Хантингтон С. Запад уникален, но не универсален.// Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 8. С. 84 – 93.
105. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
106. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. «АСТ». М., 2003. 603 с.
107. Шпенглер О. Закат Европы. «Мысль». М., 1993. 663 с.
108. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. Пер. с англ. /Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. «Экономика».М., 1995. 540 с.
109. Энгельс Ф. Принципы коммунизма.// Сочинения. Государственное издательство политической литературы. Т. 4. М., 1955. С. 322-339.
110. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Изд. Политиздат. М., 1991. 527 с.
111. Թորոսյան, Տ. Ինքնության պահպանման խնդիրը տրանսֆորմացման գործընթացներում// Լրաբեր Հասարակական Գիտությունների, № 1. 2006. էջ 3-21.
112. Մարգարյան Մ. Քաղաքական արդիականացման և զարգացման հիմնահարցեր. «Պետական ծառայություն», Երևան, 2004. 261 էջ.
113. Շիրինյան Լ. Արդիականացման տեսության ու պրակտիկայի հիմնախնդիրներ (պրոյեկցիա դեպի Հայաստան). «Լիմուշ». Եր., 2016. 120 էջ.
114. Քոթանջյան Հ. Հակամարտության էթնոքաղաքագիտություն: Հայաստանի ռազմական քաղաքականության և ազգային անվտանգության հիմունքները, Եր., ՀՀ ՊՆ Դ. Կանայանի անվան ԱՌՀԻ, 2010, 764 էջ.
115. Amin S. Eurocentrism. Monthly Review Press, New York, 1989.
116. Edelman Trust Barometer 2017. Executive Summary. URL: <http://www.edelman.com/executive-summary/>
117. Eisenstadt S. Multiple modernities. Daedalus. 2000. №129.
118. Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966.
119. Fukuyama F. The Modernizing Imperative // The National Interest. 1993. № 31.
120. Global Capitalism. Ed. by Will Hutton and Antony Giddens. The New York Press, New York. 2000.
121. Hantington S. The West: Unique, not universal. Foreign Affairs magazine. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1996-11-01/west-unique-not-universal>
122. Inglehart R., Welzel Chr. Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
123. Joseph E. Stiglitz, Globalization and its Discontents. W.W. Norton & Company. NY, L, 2002.

124. Koselleck R. Critique and Crisis. Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Berg Publishers. Cambridge MA. 1988.
125. Koselleck R. Krise. // Brunner, Conze and Koselleck (eds.). Geschichtliche Grundbegriffe. T. 3. 1982.
126. MacIntyre A. Is science of comparative politics possible? // Philosophy, politics, and society. Oxford. Blackwell. 1972.
127. Many Globalizations. Cultural Diversity in the Contemporary World. Ed. By Peter L. Berger and Samuel P. Huntington. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002.
128. Mattingly G. Renaissance diplomacy. Dover. N.Y. 1988.
129. Mommsen W. J. Max Weber and the Regeneration of Russia // The Journal of Modern History. 1997.
130. Sartori J. Compare why and how? Comparing, miscomparing and the comparative method // Comparing nations: concepts, strategies, substance. Oxford. Blackwell, 1994.
131. Schmitt C. The Crisis of Parliamentary Democracy. Trans. by Ellen Kennedy, Cambridge, MA, 1985.
132. Toulmin S. Cosmopolis: The Hidden Agenda of Modernity. The University of Chicago press. Chicago. 1990.
133. Understanding Contemporary Society: Theories of the Present. Ed. by Gary Browning, Abigail Halcli and Frank Webster. London: Sage Publications, 2000.
134. Wallerstein, L. «Liberalism and Democracy: Frures Enemies?». The end of the World as We Know It. Social Science for the Twenty-First Century. Minneapolis&L., 1999.
135. Waltz K. Theory of International Politics. Addison-Wesley, 1979.
136. Zolo D. Book Review: The Theory of Democracy Revisited (by G. Sartori). Ethics Vol. 99, No. 2 (Jan., 1989). The University of Chicago Press.
137. Touraine A. Pourrons-nous vivre ensemble. Paris. 1997.
138. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Bd. 1. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1986.
139. Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics. 1992.. URL: <http://www.jstor.org/stable/2706858>